Е.А. Шмидт

КРИВИЧИ

СМОЛЕНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ПОДВИНЬЯ

Министерство образования и науки РФ
Смоленский государственный университет

Е. А. ШМИДТ

КРИВИЧИ

СМОЛЕНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ПОДВИНЬЯ

(в свете археологических данных)

Смоленск
2012

УДК 902/903
ББК 63.4
Ш 73

Рецензенты:
Г.В. Штыхов, доктор исторических наук;
В.И. Шадыро, кандидат исторических наук

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Администрации Смоленской области

Ш 73 **Шмидт Е. А.**
Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных) / Е.А. Шмидт. – Смоленск, 2012. – 168 с.

ISBN 978-5-902093-50-3

Кривичи – самое многочисленное население в Древнерусском государстве по данным летописи, составленной в конце XI в., занимавшие обширные пространства в «... верховьях Волги и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город – Смоленск» [ПВЛ, с.13 и 209]. Об их происхождении, материальной и духовной культуре и этнической принадлежности опубликовано много гипотез, часто необоснованных источниками и противоречивых.

В данной книге «Кривичи» автор на основе вещественных курганных древностей дает свое видение многих проблем, связанных с историей и культурой кривичей. Обоснованно утверждается, что около рубежа VIII в. в юго-восточной области Прибалтики сформировалась из местных племен группа населения, которая к средине VIII в. переселилась в Поднепровье и Подвинье. Они выделялись особой материальной и духовной культурой, отраженной в материалах длинных курганов. В дальнейшем на эту территорию расселяются славяне, и основывается город Смоленск.

До середины X в. здесь сосуществуют славяне – носители культуры круглых курганов и балты культуры длинных курганов. Одновременно протекают процессы интеграции культур и ассимиляции балтов славянами, что подтверждено археологическими материалами. Это смешанное население в Древней Руси и называлось **кривичами**.

В XI–XII вв. в результате процессов этногенеза и коренных изменений в духовной жизни после принятия христианства это население становится частью древнерусского народа, имевшего свою высокоразвитую материальную и духовную культуру, о чем свидетельствуют археологические данные.

ISBN 978-5-902093-50-3

Посвящается 1150-летию первого упоминания Смоленска в древних русских летописях и кривичам — жителям города и Смоленской земли IX–XI веков

ВВЕДЕНИЕ

Кривичи – многочисленное население, в прошлом занимавшее обширные пространства в верховьях рек: Днепра, Западной Двины и Волги. Они, проживая на значительной территории в пределах Древнерусского государства, играли в нем важную экономическую и политическую роль. Кривичи сохраняли свои этнокультурные особенности в течение длительного времени, а на страницах древнерусских летописей упоминаются с середины IX в. до середины XII в. Можно полагать, что кривичи к началу XIII в. утратили свою самобытность и стали частью древнерусского населения. При этом, впервые летопись, составленная на рубеже XI и XII вв., в датированной части уже под 859 г. именует население Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья кривичами, используя, видимо, это название, широко распространенное у древнерусского населения, вплоть до середины XII в. [98, с. 13 и сл.]. Сведения о кривичах есть также и в сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», составленном в середине X в. [57, с. 45,51]. Уже первые сведения о них в летописи ставили ряд вопросов об их происхождении, времени расселения в Смоленском Поднепровье и на смежных территориях, их этнической принадлежности и об их хозяйстве и культуре. На все эти вопросы в летописи не было прямых ответов. До сего дня, несмотря на усилия многих исследователей, большинство этих вопросов на основе письменных и некоторых других источников не находит решения.

Сведения о кривичах, сообщаемые летописцем на рубеже XI и XII вв., отражали не только древние предания, но и достоверные конкретные сведения о событиях тех и предшествующих лет, которые были доступны летописцу. Они также отражали его уровень знаний и его мировоззрение. Названия славянских и неславянских племен и области их обитания в XI в. были хорошо известны летописцу, и он все это ретроспективно перенес в предшествующие времена X и IX вв. и использовал для общего описания большого периода, включавшего и расселение славянских племен в Восточной Европе, и возникновение у них княжений, и образование единого Древнерусского государства. Имевшиеся в то время возможности ограничивали летописца в освещении многих вопросов древней истории межплеменного союза кривичей.

В наше время возможность для решения ряда вопросов значительно расширилась не только при использовании летописей и других письменных источников, но и на основе изучения археологических источников, количество которых в последнее столетие стремительно возрастало. Это увеличивает шансы внести некоторую ясность в решение спорных проблем. Однако, археологические источники, в силу своего характера на некоторые вопросы не дают однозначных ответов и, в частности, позволяют высказывать противоречивые гипотезы, в том числе, о формировании кривичей, их этнической принадлежности и характере их культуры. Это не исключает того, что рассматриваемые гипотезы могут быть в некоторой степени умозрительными и недостаточно обоснованными, но при этом, в любом случае, они все же способствуют поиску объективных решений тех или иных вопросов. Рассмотренные археологические и письменные источники все же позволяют искать пути решения многих вопросов в истории кривичей.

Рис.1. Курган № 2 у д. Заозерье

В истории населения Смоленского Поднепровья и Витебско-Полоцкого Подвинья, связанного с племенами кривичей, можно выделить три периода:

I период – VIII – начало X вв. – эпоха культуры смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК).

Вещественные источники, характеризующие этот период, появились только во второй половине XIX в. с началом изучения культуры смоленских длинных курганов (КСДК).

Открытие и первые раскопки длинных курганов в пределах Смоленской земли были проведены в конце XIX в. В.И. Сизовым [121] и позволили установить, что длинные курганы хронологически предшествовали древностям курганов летописных кривичей XI–XII вв., уже достаточно изученных к тому времени. Тогда же А.А. Спицын дал им в целом первичную характеристику [127, с. 196–202]. Но он не был абсолютно уверен в определении их этнической принадлежности и относил КСДК то к славянам, то к финнам, то к литовцам [127, 130, 131]. В XX в. стало преобладать мнение об их славянской принадлежности с момента их появления в Смоленском Поднепровье (П.Н. Третьяков, В.В. Седов и др.) [142; 109;112]. Но, вместе с тем, высказывалось и другое мнение, что культура длинных курганов VIII–IX вв. связана со смешанным населением, включавшим местные балтские племена при абсолютном преобладании славян (В.В. Енуков, Г.В. Штыхов и др.) [39; 241]. Высказано также мнение, что длинные курганы VIII–IX вв. принадлежали местному, не славянскому населению (М.И. Артамонов, И.И. Ляпушкин, Е.А. Шмидт) [73; 14; 176].

Время функционирования могильников длинных курганов в течение всего периода их изучения определялось по-разному: считалось, что они сооружались начиная с IV–V вв.н.э. [142, с.233] и даже с II–III вв.н.э. [135, с. 107]; либо – с VI в. [121;127] и до IX–XI вв., но ранние даты начала их сооружения не имели аргументации вещественными источниками, происходившими из самих погребений.

При рассмотрении вещевого комплекса и погребального обряда населения КСПДК VIII – начала X вв. возникли различные взгляды об их особенностях и этнокультурной

Рис.2. Раскопки кургана № 6 у д. Заозерье. (XI–XII вв.)

принадлежности. Одни исследователи считали, что КСДК сформировалась в Поднепровье и Подвинье на местной основе, другие считали их пришлыми из Повислинья или из Прибалтики. С этнокультурной точки зрения одними их древности увязывались со славянами, а другими – с восточными балтами.

Между тем, обоснование славянской принадлежности длинных курганов рядом исследователей подкреплялось только примерным совпадением территории распространения длинных курганов VIII–IX вв. и территории, занятой летописными кривичами в XI–XII вв., но это еще не говорит об этнической идентичности населения этих двух разных периодов, тогда как собственно археологические источники это не подтверждают.

Расхождения в интерпретации древностей КСПДК VIII – начала X вв. делают актуальным рассмотрение всех имеющихся материалов, их анализ и сопоставление с материалами соседних синхронных славянских и неславянских культур. Это позволит приблизиться, в какой-то степени, к решению вышеуказанных проблем КСПДК.

В настоящей работе автор пытается это сделать и рассмотреть на основе вещественных археологических и других источников весь комплекс проблем, относящегося к VIII–XII вв., т.е. от времени КСПДК до существования культуры летописных кривичей XI–XII вв. В истории племен этого времени можно выделить три периода.

I период VIII–IX вв. включает время и особенности формирования и расселения племен КСПДК в Поднепровье и Подвинье. Материальная культура, ее эволюционное развитие и взаимоотношение с соседними родственными и неродственными культурами. Духовная культура и особенности ее развития в конце IX – начале X вв. Этнокультурная принадлежность племен КСПДК. Подробному рассмотрению первого периода посвящена 1-я глава настоящей работы.

II период – конец IX–X вв. – переходный период. Время сосуществования КСПДК и культуры славянских круглых курганов (КСКК). Время процессов конвергенции их культур и ассимиляции славянами населения КСПДК. Второй период – в истории населения Смоленского Поднепровья и Подвинья, связанный с историей собственно кривичей

Рис.3. Курган № 4 КСПДК у д. Заозерье

характеризуется значительным притоком славянского населения, угасанием КСПДК, ассимиляцией местного населения славянами, началом формирования города Смоленска и вхождением города Смоленска и всей земли кривичей в состав Древнерусского государства. Большая часть этих событий отмечена в летописях и не вызывает сомнений. Но остаются дискуссионными вопросы о времени расселения славян в Поднепровье и их взаимоотношения с местным населением до конца IX в.: особенности формирования этнической общности, называемой кривичами; время и место возникновения Смоленска – города кривичей. В решении этих вопросов определенную роль могут сыграть данные археологии, полученные в результате исследования как древних поселений, так и языческих курганных могильников. Таких, как поселение и курганы Гнездова (древний Смоленск),

Рис.4. Лепные глиняные сосуды-урны из кургана № 48 КСПДК у д. Заозерье

поселения в Полоцке и Витебске и многочисленные раскопанные памятники сельского населения. Более подробная характеристика второго периода дана во 2-й главе данной работы.

III период – XI–XII вв. – период бурного роста городов и культуры курганов летописных кривичей (ККЛК) в сельской местности. Время перехода от язычества к христианству, резкого изменения погребального обряда и погребального инвентаря, становление культуры летописных кривичей.

Курганные древности этого периода позволяют дать общую характеристику материальной культуры летописных кривичей XI–XII вв. и влияние на ее формирование предшествующей КСПДК VIII–X вв.

Эти древности способствуют рассмотрению изменений материальной и духовной культуры летописных кривичей в связи с принятием христианства и влиянием общерусской культуры. Происходила окончательная славянизация кривичей и их вхождение в состав древнерусской народности.

Более подробное рассмотрение всех трех периодов дано ниже в соответствующих главах II и III данной работы.

Положения, высказанные автором в настоящей работе преимущественно на основе археологических источников, не противоречат данным письменных источников и результатам лингвистических исследований, опубликованных к настоящему времени. Это не означает, что отдельные положения и выводы, высказанные нами, безупречны. В дальнейшем, с появлением новых материалов они могут и уточняться, и изменяться.

Автор благодарит ректора Смоленского государственного университета профессора Кодина Евгения Владимировича и проректора по научной работе профессора Егорова Александра Григорьевича за содействие в подготовке и публикации данной работы, а также научных сотрудников Смоленской археологической экспедиции Института археологии РАН Леонтьева Андрея Евгеньевича, Пронина Георгия Николаевича и Соболя Валентина Енисеевича за пожелания и критические замечания, сделанные по прочтении рукописи.

ГЛАВА I

КУЛЬТУРА ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

Первоначально длинные курганы как особые погребальные памятники были выделены в конце XIX в. В.И.Сизовым в пределах Смоленской земли и были названы «Смоленскими длинными курганами». В последующем длительное время все материалы, полученные в результате изучения археологических памятников этого типа в Смоленском Поднепровье и Подвинье, в археологической литературе известны как «Культура смоленских длинных курганов (КСДК)». После середины XX в., в связи с планомерным изучением курганных древностей в Витебско-Полоцком Подвинье на территории Белоруссии выяснилось, что основная масса длинных курганов этого региона по характеру своей материальной культуры совершенно одинакова с культурой смоленских длинных курганов. Это стало основанием для объединения длинных курганов Смоленского Поднепровья и Витебско-Полоцкого Подвинья в единую «Культуру Смоленско-Полоцких длинных курганов (КСПДК)». Кроме того, в северной части правобережья Западной Двины в пределах Витебской области Белоруссии есть некоторое количество по форме длинных курганов, но по своей материальной культуре курганов они связаны не с КСПДК, а совсем с другой культурой псковских длинных курганов (КПДК).

В этой главе данной работы детально рассматривается только КСПДК, а именно: история изучения этой культуры, время и место ее формирования, период существования, этнокультурная принадлежность, характер памятников, материальная и духовная культура, связь КСПДК с другими культурами.

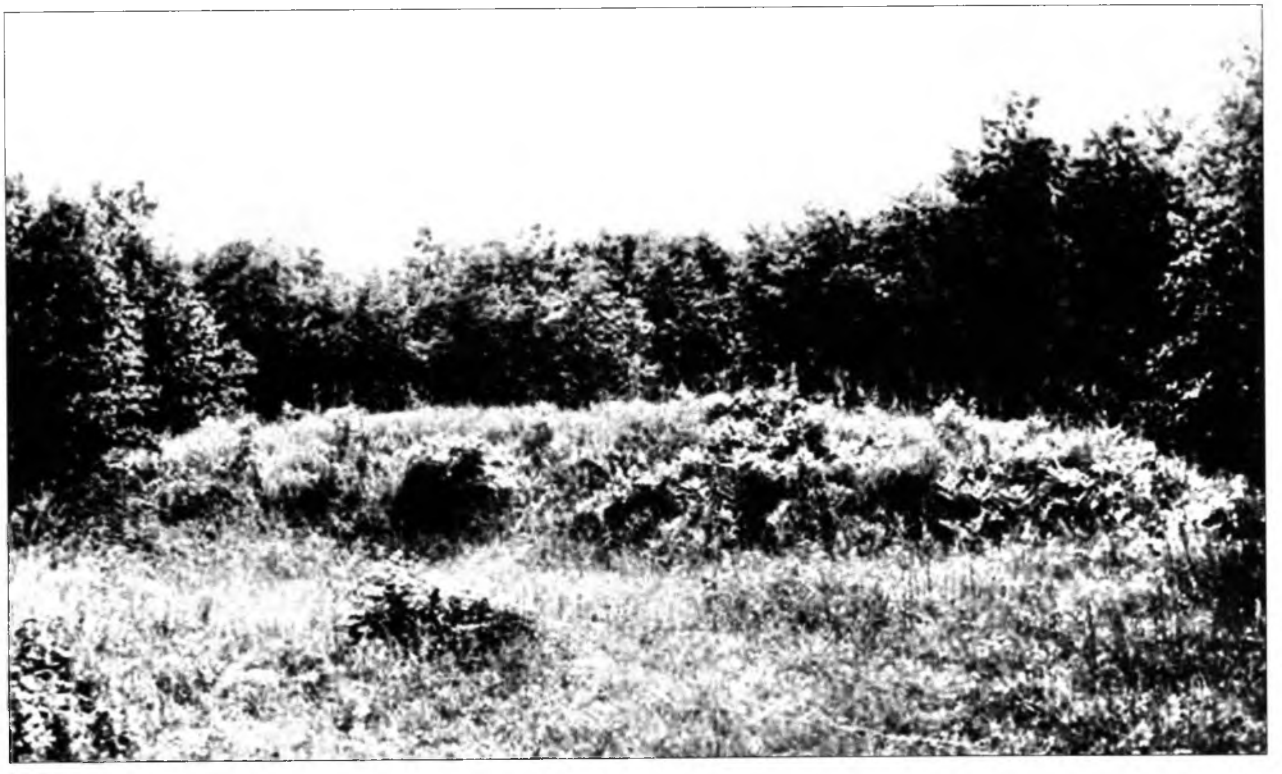

Рис.5. Курган № 63 КСПДК у д.Заозерье (вид с запада)

История археологического изучения КСПДК

Кривичи впервые упоминаются в древнерусской летописи, составленной на рубеже XI и XII вв., как население, обитавшее на территории Древней Руси в верховьях рек Западной Двины, Днепра и Волги «... кривичи, иже седять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, их же град есть Смоленскъ; туде бо седять кривичи.» [98, с. 13]. В современной археологической научной литературе кривичи соотносятся не только с археологическими древностями XI–XII вв., но предположительно ретроспективно и с предшествующим периодом, датируемым VIII–X вв. н. э., т. е. с древностями культуры смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК). Научное изучение археологических памятников VIII–X вв. в Смоленском Поднепровье и на смежных территориях Подвинья началось еще в последней четверти XIX в. Так с 1892 и по 1903 гг. В.И. Сизов изучал курганы в Гнездове и в эти же годы раскопал несколько десятков длинных курганов в Смоленской и Витебской губерниях. В весьма кратких отчетах о раскопках 1894, 1896, 1899, 1901 и 1903 гг. [93, с. 23,24; 94, с. 56–59; 95, с. 94–99; 96, с. 109; 97, с.122] и в докладе на XI Археологическом съезде в Киеве [121, с. 81,82] им было впервые введено в научный оборот само понятие «длинные курганы», обращено внимание на их особую материальную культуру и сделана попытка их датировки временем не позднее VII–VIII вв. н. э. Такая датировка основывалась на находках в курганных насыпях вещей, инкрустированных цветной эмалью и не совсем точно датированных. Эти вещи, судя по всему, не имели отношения к погребенным, а попали в курганные насыпи случайно вместе с принесенным грунтом для сооружения курганов, взятым здесь же, рядом из культурного слоя поселений предшествующей тушемлинской археологической культуры эпохи переселения народов. Однако их находка послужила основанием В.И. Сизову для удревления смоленских длинных курганов и отнесения их к VII в. н.э. К сожалению, полной сводной публикации исследованных памятников этого типа В.И. Сизовым сделано не было.

Также в XIX в. началось изучение длинных курганов и в бассейне р. Зап. Двины в ее Витебско-Полоцком течении и на некоторых смежных территориях. История изучения длинных курганов в XIX и начала XX вв. в этом регионе подробно рассмотрена в монографии Г. В. Штыхова «Крывічы» [241, с.11–20], поэтому в данной работе публиковать ее нет необходимости.

Значительный интерес к длинным курганам с момента их открытия проявлял крупнейший знаток славянских древностей того времени А.А. Спицын. В своей первой сводной работе «Удлиненные и длинные русские курганы» [127], опубликованной в 1903 г., он пытался установить связь между длинными и круглыми курганами, определить особенности погребального инвентаря, в том числе и керамики, и соотнести их с древнеславянским племенем кривичей эпохи Древнерусского государства XI–XII вв., неоднократно упомянутых в летописях. При этом он считал, что наиболее древними были удлиненные курганы, происходившие от домиков мертвых, а уже от удлиненных курганов происходят длинные. Однако, вместе с тем он отмечает, что инвентарь длинных курганов по своему характеру аналогичен вещевому комплексу Люцинского могильника IX–X вв. [127, с. 196–202]. Но не во всех высказанных им положениях сам А.А. Спицын был твердо уверен. Появлялись новые материалы, полученные в результате раскопок И.С. Абрамова и В.Н. Глазова в Смоленской губернии [128, с. 195–211; 129, с. 237–240]. Эти материалы значительно пополнили сведения, полученные ранее В.И. Сизовым, и подкрепили некоторые положения А.А. Спицына. Проведенные исследования удлиненных и длинных курганов в северных областях Восточной Европы от Верхней Волги до Псковщины дали

основание А.А. Спицыну высказать предположение, что длинные курганы на этой территории относятся к древностям западных финнов [130, с. 46–50]. В дальнейшем А.А. Спицын еще раз сменил свою точку зрения на этническую принадлежность длинных курганов и стал считать их памятниками литовскими [131, с. 112–171]. Подводя итоги своей научной деятельности А.А. Спицын в 1928 г. говорит об их принадлежности к литовским древностям: «Удлиненные и длинные курганы» (Зап. Рус. Отд. вып.V), полный обзор материала по этим любопытным и загадочным курганным насыпям неизвестной, скорее всего литовской народности» [132, с. 331 и сл.]. В неопубликованной рукописи «Удлиненные и длинные курганы Смоленской губернии», написанной в 1928 г., А.А. Спицын хотя и отмечает, что эти курганы расположены в древнейшем кривичском районе, но что ... «Культура длинных курганов одна и та же, литовская, чаще Рагинянская (по моей хронологии, VI–VIII вв.), реже литовская IX в. и раннелюцинская, вероятно, IX в. Возможно, что придется встретиться и с X в., особенно имея в виду, что как будто форма этих курганов дожила и до XI в. в весьма слабых пережитках» (Архив ЛОИА 1928, ф. 5, д. 61, л. 7). Необходимо отметить, что колебания взглядов А.А Спицына – крупнейшего знатока восточноевропейских древностей, располагавшего сравнительно ограниченными материалами, были весьма обоснованными. Отсутствие в то время сведений о памятниках середины и третьей четверти I тыс. н. э. Верхнего Поднепровья – археологических культур, предшествующих КСПДК, и ограниченность сведений о длинных курганах не дали ему возможности сделать окончательные выводы. Вместе с тем, предположение о принадлежности смоленских длинных курганов к литовско-люцинской этнокультурной общности, высказанные им в 20-е гг., было сделано на основе объективного анализа вещевого материала, имевшегося в то время. Мнение А.А. Спицына об этнической принадлежности длинных курганов разделял и Ю. В. Готье, считавший длинные курганы погребальными памятниками литовского племени [31, с. 192].

В 1920-е гг. изучение длинных курганов в Поднепровье и Подвинье проводил А.Н. Лявданский. Им были раскопаны курганы в бассейне Зап. Двины у д.д. Горовые и Рудня и у Старого Села [67, с. 93–104], а в бассейне Днепра исследованы курганы у д.д. Путятинки, Вязовеньки, у станции Дрёсна, у д. Старое Куприно и у с. Катынь [68, с. 274–321]. Кроме того, им были опубликованы некоторые материалы В.И. Сизова из раскопок длинных курганов у д.д. Лопино, Арефино, Березинка [68, с. 279–282].

А.Н. Лявданский в вышеуказанных работах отмечает, что длинные, удлиненные и четырехугольные курганы насыпались не позднее VIII–IX вв., что они являются древнейшими на этой территории. Курганы этого типа в бассейне Зап. Двины он считает славянскими, хотя и отмечает наличие в них вещей прибалтийского происхождения, но подчеркивает, что в Люцинском могильнике и длинных курганах погребены люди разных народностей. Подводя итог своим исследованиям в Смоленском Поднепровье, он отмечает, что круглые курганы с трупосожжением и трупоположением X и последующих веков принадлежат кривичам, но кому принадлежат курганы длинные, удлиненные и четырехугольные с древнейшими трупосожжениями – еще не ясно [68, с. 314–315]. Таким образом, А.Н. Лявданский относительно правильно датировал время сооружения длинных курганов VIII–IX вв., но к окончательному выводу об их этнической принадлежности в Поднепровье не пришел.

В конце 1930-х гг. Н.Н. Чернягин свел воедино все доступные ему материалы о длинных курганах и сопках. В этой сводной работе он дает полную характеристику длинных курганов, причисляя к этому понятию не только насыпи длинной формы, но и курганы

удлиненные, четырехугольные, серповидные, комбинированных форм и некоторые круглые. Им детально рассмотрен вещевой комплекс, определена территория распространения памятников этого типа, а время бытования отнесено к VI–IX вв., хотя обоснования для их ранней датировки не дано. Н.Н. Чернягин приходит к выводу, что длинные курганы являются памятниками славянскими, а точнее – кривичскими [156, с. 93 и сл.]. Главным доказательством славянской атрибуции длинных курганов Н.Н. Чернягин считает совпадение территории их распространения с областью, очерченной летописью как кривичской, и наличие преемственности между длинными курганами и бесспорно круглыми славянскими курганами с трупоположениями. Однако, определяя длинные курганы как славяно-кривичские, Н.Н. Чернягин в этом не был до конца уверен. Он отмечает, что «Решение этого вопроса еще нуждается в дополнительных материалах» [156, с. 93]. Эта его неуверенность вытекала из того факта, что длинные курганы были распространены и за пределами расселения летописных кривичей, в том числе, в Виленской губернии среди литовских курганов и в других местах, что ему уже было тогда известно [156, с. 95]. В целом, Н.Н.Чернягин в своей работе повторяет общие положения, высказанные ранее А.А. Спицыным в его трудах, а в отдельных моментах выборочно учитывает более поздние наблюдения этого исследователя, оставшиеся неопубликованными.

С конца 1930-х гг. большое внимание длинным курганам уделяет П.Н. Третьяков. Анализируя положения А.А. Спицына о том, что древнерусские курганы XI–XII вв. подтверждают расселение древнерусских племен, упомянутых летописцем, П.Н. Третьяков высказывает общее предположение, что «Материалы памятников XI–XIV вв. не могут служить источником изучения известных по летописи племен» [139, с. 49]. Он утверждает: «Памятники древних племенных групп Повести временных лет следует искать прежде всего среди материалов VIII–IX вв., а, может быть, и VI–X ст. н. э.» [139, с. 49; а также см. 140, с. 36; 141, с. 260]. Основываясь на материалах раскопок предшествующих исследователей, а затем и на работе Н.Н. Чернягина, П.Н. Третьяков считает такими памятниками, отвечающими летописному упоминанию о кривичах, только длинные курганы. В последующих работах это положение получает дальнейшее развитие и приводятся некоторые материалы, в какой-то степени подтверждающие связь длинных курганов с курганами древнерусскими, а также делается попытка обосновать общую датировку длинных курганов временем от IV–V до IX–X вв., что было основано на находках в курганных насыпях архаичных вещей, в том числе инкрустированных эмалями [142, с. 274; 233 и сл.]. В действительности эти предметы к самим погребениям в длинных курганах не имели прямого отношения и попали в насыпи случайно вместе с принесенным грунтом. В действительности, веши, инкрустированные эмалями, бытовали у населения, обитавшего в этих местах, значительный отрезок времени до VII в. н.э. и соответственно – до расселения в Поднепровье носителей КСПДК. Но они-то и послужили основанием (как уже было сказано выше при характеристике работ В.И. Сизова) для ошибочной датировки погребений более ранним временем. В последующих публикациях П.Н. Третьяков считает длинные курганы памятниками кривичей, но несколько меняет свою точку зрения, относя время бытования смоленско-полоцкой группы длинных курганов к концу VII–IX вв. [144, с. 36], а в этническом отношении полагает, что кривичи эпохи длинных курганов «возникли, по-видимому, не без участия балтского субстрата... группировка эта образовалась не из одних только славянских элементов, но и из местных балтов, подвергшихся ассимиляции. Это были территориальные, политические союзы, возникшие уже на исходе первобытной истории» [147, с. 69, 70].

Е. и В. Голубовичи в 1930-х гг. западнее гор. Полоцка, на правобережье р. Дисны (бассейн Зап. Двины), изучали удлиненные курганы с трупосожжениями. Они считали их славянскими памятниками, относящимися к VIII–X вв. [28, с. 126–137].

С.А. Тараканова в конце 1940-х гг. проводила исследования длинных курганов в бассейне р. Великой на Псковщине. В опубликованных статьях она освещает не только результаты своих раскопок, но и касается некоторых общих вопросов, охватывающих все длинные курганы Восточной Европы. Она делает попытку опустить начальную дату сооружения длинных курганов на II–III вв. н. э. [135 , с. 107], но такая датировка была принята ею без каких-либо оснований и тогда же была отвергнута П.Н.Третьяковым, В.В. Седовым и другими исследователями [143, с. 114; 109, с. 49]. Кроме того, в характеристике погребального обряда и в некоторых других вопросах, связанных с днепро-двинскими длинными курганами, в работе С.А. Таракановой есть неточности. Так, например, утверждается: «Удлиненные курганы, как правило, имеют по одному захоронению с трупосожжением». В подтверждение этому приводятся примеры четырехугольных курганов у д.д. Путятинки и Полежанки [135, с. 86]. Во-первых, удлиненные курганы Смоленского Поднепровья и Подвинья в абсолютном большинстве случаев включают два и более захоронений. Во-вторых, приведенные как примеры четырехугольные курганы у Путятинок и Полежанок не имеют отношения к культуре длинных курганов, они датируются X в., а в кургане № 3 у Полежанок был погребен скандинав, как и в большинстве других курганах этого могильника [221, с. 146–211].

Начиная с 1950-х гг. интерес к длинным курганам значительно повысился, и они стали одним из важных объектов исследований. Я.В. Станкевич раскапывает длинные курганы на берегу Жижецкого озера у с. Михайловского и на р. Ловати у д. Полибино. Результаты исследований были опубликованы [133, с. 252–256, 278–287; 134, с. 31–35]. Анализируя вещевой материал из курганов у д. Полибино, Я.В. Станкевич пришла к выводу, что найденные там бляшки-скорлупки «... представляют собой тип украшения, распространенный в славянских могильниках V – начала VI вв н. э. с длинными, удлиненными и круглыми курганами в бассейне рек Верхнего Днепра, на восточном берегу Чудского озера и в бассейне р. Волхова» [133, с. 122]. Ею подобраны аналоги керамического материала в древностях VI–VIII вв. в пределах соседних областей, при этом подчеркивается особая близость исследованных ею памятников с памятниками верховьев Днепра и витебско-полоцкого течения Западной Двины. В целом Я.В. Станкевич считала длинные курганы памятниками славянскими, возникшими в V–VI вв. н. э. [133, с. 128]. Необходимо отметить, что в некоторых положениях, высказанных Я.В. Станкевич, есть неточности. Так, например, в действительности в длинных курганах бассейна рек Верхнего Днепра бляшки-скорлупки до сего дня не обнаружены и на городищах Верхнего Поднепровья, имевших культурный слой третьей четверти I тыс. н. э., совершенно нет керамики, похожей на керамику из смоленских длинных курганов. На основании имевшихся тогда материалов не имелось достаточных оснований рассматривать смоленско-полоцкие длинные курганы как древности VI–VII вв.

В 1950-х гг. при сборе материалов к археологической карте Витебской области БССР Л.В. Алексеев обследовал некоторые курганные группы, содержавшие длинные курганы [9, с. 273–315]. В сводной работе о Полоцкой земле им подведены итоги исследований длинных курганов на Полотчине и Смоленщине [10]. При этом Л.В. Алексеев, следуя гипотезе В.В. Седова о происхождении и расселении кривичей – носителей культуры длинных курганов, считал, хотя и с некоторыми оговорками, что исходной территорией их

движения была Польша и далее они продвигались через Понеманье к северу. Кривичи сначала поселились на Псковщине, где оставили свои погребальные памятники в виде длинных курганов, а затем оттуда расселились в VII–IX вв. на Западной Двине и в верховьях Днепра. Фактического обоснования этим положениям им не приведено. Наличие балтских вещей в длинных курганах он относит за счет ассимиляции аборигенного населения и восприятия славянами предметов их материальной культуры [10, с. 33,34]. Однако, предшествующее тушемлинско-банцеровское население имело совершенно иную материальную культуру, которая в длинных курганах VIII–IX вв. четко не фиксируется. При этом он считал, что во время расселения славян «древнее балтийское население не было уничтожено и не спасалось бегством, а постепенно, может быть, первоначально далеко не мирно, как это принято предполагать, было ассимилировано славянами» [10, с. 32]. Из работы Л.В. Алексеева не совсем понятно, кого считать славянами КСПДК или «пришедших и севших полочан»? Не со всеми положениями, высказанными Л.В. Алексеевым в данной работе о кривичах, можно согласиться.

В другой работе Л.В. Алексеева, посвященной Смоленской земле в IX–XIII вв., вопросы происхождения смоленских кривичей – носителей культуры длинных курганов и их материальная культура не рассматривались. Отмечено только, что «в VIII в. славянские поселенцы распространились и на Верхний Днепр» [11, с. 35], т.е. было уточнено время расселения славян-кривичей в пределах Смоленского Поднепровья.

В 2006 г. в большой сводной работе «Западные земли домонгольской Руси» Л.В. Алексеев рассматривает специально вопрос о приходе славянских племен на земли аборигенов – балтов [12, книга 1 с. 28–40]. Он, следуя гипотезе В.В. Седова, считает, что славяне-кривичи в Поднепровье и Подвинье пришли с севера из Псковских земель, со стороны р. Великой. Освоение новых земель шло мирным путем как «постепенное продвижение отдельных общин, а не массовое расселение» [12, с. 28]. Заселение ими отдельных территорий, как например, районов: у оз. Лукомль, по Западной Двине и в районе Витебска, по его мнению, происходило с IX в. н.э. На Смоленщине период, предшествующий расселению славян «эпоха Банцеровщина – Тушемля – Колочин», датируется им VI–VIII вв. Эпоха длинных курганов отнесена к VII–IX вв. [12, с. 29]. С этими положениями Л.В. Алексеева трудно согласиться, они требуют уточнений. В данном случае, утверждение Л.В. Алексеева, что было одновременное сосуществование тушемлинской культуры и КСПДК в Смоленском Поднепровье и на смежных пространствах Подвинья в течение VII–VIII вв. не соответствует имеющимся данным. В рассмотренных нами работах Л.В. Алексеева дана кратко общая картина заселения Смоленского Поднепровья и Подвинья племенами культуры длинных курганов, которые рассматривались им как славяне – кривичи. Их происхождение и культура представлены в его работах в свете гипотез В.В. Седова без критического анализа и без дополнительного обоснования на основе вновь появившихся материалов. Отнесение времени распространения длинных курганов в Поднепровье к VII в. н.э. неправомерно, что уже было обосновано в археологической литературе [39, с. 13,73–78; 84, с.191–199 ...; 193, с. 16].

А.Г. Митрофанов исследовал длинные курганы у д. Рудни в бассейне Зап. Двины и у д. Гурки в бассейне р. Вилии. Материалы этих исследований им опубликованы не были, но упомянуты другими авторами [233, с. 168].

Г.В. Штыхов с 1960-х гг. проводит изучение длинных курганов в северной части Беларуси. Им были раскопаны курганы у д.д. Лятохи, Повалишино, Рудня, Борки, Янковичи и др. в бассейне Зап. Двины и у д. Дорохи в бассейне р. Ловати [231, с. 348; 232, с. 310; 233, с. 40,46,73–75; 234, с. 313,314; 235, с. 402; 238, с. 372; 241, с. 16–19].

Рис.6. Курганы КСПДК у д. Арефино

В 1969 г. Г.В. Штыхов подвел общий итог 50-летнему археологическому изучению Полоцкой земли, в котором дал не только подробный перечень раскопанных курганов, но и решал вопрос о времени их сооружения. Он также говорит и об этнической принадлежности населения Полоцкой земли накануне образования Древнерусского государства: «...территория Полоцкой земли была заселена племенами, оставившими памятники типа Банцеровщины и Дедиловки. Остается не совсем понятно, были ли носители культуры этих типов в V–VIII вв. балтами или это население в какой-то мере испытало влияние славян. ... Более уверенно можно говорить о существовании славянских поселений в Северной Белоруссии с IX века» [231, с.121]. В 1965 г. Г.В. Штыхов изучал круглые курганы с трупосожжением у д. Глинище под Полоцком. Погребальный инвентарь в этих курганах в некоторой степени увязывается с культурой длинных курганов, а в частности, там были найдены серповидные височные кольца, хотя курганы этого могильника возводились уже в X в. [230, с. 268–274]. В 1970-х гг., исходя из материалов своих исследований в Северной Белоруссии на пограничье бассейнов рек Западной Двины, Великой и Ловати, где в отдельных курганах были обнаружены бляшки-скорлупки и слабопрофилированные сосуды тушемлинских типов, Г.В. Штыхов приходит к выводу, что культура длинных курганов в Подвинье сложилась около середины I тыс. н. э. [236, с. 18–25].

В 1992 г. в монографии «Крывічы» Г.В. Штыхов по материалам раскопанных курганов в Северной Белоруссии дает законченное исследование о кривичах Подвинья и некоторых смежных территорий. Для написания данной работы было изучено около 800 курганов в 117 пунктах в пределах преимущественно Северной Белоруссии, главным образом, в бассейне Западной Двины. Он считает, что все курганы Северной Белоруссии VI–XII вв. н.э. сооружены славянами (кривичами), что соответствует, по его мнению, указанию летописи, составленной около рубежа XI и XII вв., в которой сказано: «...кривичи, иже седять ... и на

верхъ Двины и на верхъ Днепра ...» [98, с. 13]. Однако, при этом отмечает, что в Белорусском Подвинье, как и во многих районах Средней Белоруссии, славяне не были коренным населением [241, с. 6]. При этом, он исходит из положения, что распространение длинных курганов можно считать свидетельством появления славян на тех территориях, где эти памятники известны [241, с. 94]. Весь период возведения курганов VI–XII вв. подразделен им на три этапа: 1. Длинные курганы третьей четверти I тыс. н.э.; 2. Курганы последней четверти I тыс. н.э.; 3. Курганы XI–XII вв. Культура длинных курганов третьей четверти I тыс. н.э. (1-ый этап) выделена им на основе изучения могильников на правобережье Двины, где основные материалы получены в районе д. Янковичи в Атокинском и Повалишинском курганных могильниках, а также при раскопках курганов у д. Дорохи в бассейне верховьев р. Ловати. Таким образом, эти археологические памятники VI–VII вв. располагались на северо-западной окраине основной области обитания кривичей, очерченной летописью, т. е. в пограничной полосе между территорией распространения псковских длинных курганов и памятников тушемлинско-банцеровской культуры, население которой курганов не сооружало, а хоронило своих умерших в грунтовых могильниках. Вещевой комплекс из вышеупомянутых курганов 1-го этапа, опубликованный в книге «Крывічы», включал глиняные лепные сосуды тушемлинско-банцеровских типов [241, рис. 18] и другие вещи, в том числе – бляшки-скорлупки, железные пряжки, ножи и пр. [241, рис. 14,17], большая часть которых, исключая керамику, не имеет аналогий в тушемлинских древностях, но одинакова с таковыми из псковских длинных курганов. Он утверждает, что памятники третьей четверти I тыс. н.э. иллюстрируют тот период истории, когда славяне проникли на просторы, заселенные балтами и финно-уграми. В результате сложилась разноэтничная археологическая культура [241, с. 95]. Однако, трудно согласиться с мнением Г.В. Штыхова, так как фактически в вещевом материале, как и в отдельных элементах погребального обряда в этих курганах, славянский компонент не фиксируется. В данном случае, форма курганов, не подкрепленная другими материалами, не может быть достаточным основанием для их этнической атрибуции. Длинные курганы последней четверти I тыс. н.э. (2-ой этап) были распространены на севере Белоруссии по всей территории Западнодвинского бассейна. Г.В. Штыхов дает их общую характеристику на примерах нескольких исследованных курганных могильников, которые своеобразны по своей структуре и планировке, по погребальному обряду и погребальному инвентарю. Они составляют особую археологическую культуру, просуществовавшую с VIII по X вв. Особенности этой культуры длинных курганов показаны в данной работе на примерах материалов из Борков (Е.Ш. – сравнительно ранний комплекс), из курганов у д. Вышадки (Е.Ш. – возможно, конец IX в.) и из Глинища (Е.Ш. – комплекс X в. периода угасания культуры) и из курганов других могильников. При характеристике вещевого материала особое внимание в работе уделено керамике и височным кольцам, о которых сказано, что серповидные височные кольца являются украшениями-гибридами, возникшими у кривичей в процессе балто-славянского симбиоза [241, с. 53]. Выделены также литые плоские подвески-держатели подтреугольной формы с тремя отверстиями, названные также вещами-гибридами, появившиеся у ранних кривичей в результате взаимных связей между балтами и славянами [241, с. 53]. Выделение вещей-гибридов весьма сомнительно, так как достаточного обоснования в работе не получило. Нет указаний на исходные формы при их образовании.

В результате рассмотрения материалов из курганов 1-ого и 2-ого этапов Г.В. Штыхов приходит к заключению, что памятники этого времени являются двумя стадиями сложения культуры длинных курганов и имеют немало общих черт [241, с. 60]. С нашей точки зрения, курганные древности 1-го и 2-го этапов не являются двумя стадиями сложения культуры длинных курганов, а по существу представляют собою разные этнокультурные образования, возникшие независимо друг от друга и в разное время.

По вопросу о расселении славян на территории Белоруссии в течение 1–2-го этапов в работе сказано, что направлений расселения и переселения славян на территории Белоруссии было несколько с разных сторон, однако главным был их путь с юга в Верхнее Поднепровье [241, с. 61].

Третий период XI–XII вв. н.э. характеризуется круглыми курганами, включающими трупоположения. Имеется описание ряда могильников этого времени и общая характеристика погребального обряда и сопровождающего инвентаря. В частности, подробно описаны типы подковообразных фибул, височных колец и других вещей. Отдельно рассмотрены как женский, так и мужской инвентарь. При этом отмечено, что мужские погребения бедны инвентарем, хотя некоторые из них включали отдельные вещи: глиняные сосуды, железные топоры, ножи и пр. Общие положения проиллюстрированы многочисленными материалами из раскопанных курганов у Закурья, Захаричей, Получья, Избища, Абрицкой, Лукомля, Заславья, Плусс, Рудни, Кострицы, Слободки и др. Период XI–XII вв. рассмотрен детально, и все выводы достаточно обоснованы.

Специальная глава посвящена рассмотрению этнокультурного развития кривичей-полочан. Г.В. Штыхов изначально исходит из положения, что наличие длинных курганов на любых пространствах «можно считать свидетельством появления славян на тех территориях, где эти памятники известны» [241, с. 94]. Так, по его мнению, памятники третьей четверти I тыс. н.э. иллюстрируют тот период истории, когда славяне проникли на просторы, заселенные балтами и финно-уграми. В результате сложилась разноэтничная археологическая культура – локальный балто-славянский ее вариант, характеризующийся присутствием вместе с круглыми курганами с трупосожжениями длинных валообразных насыпей. В VIII–IX вв. имела место другая волна славянской колонизации в Белорусское Подвинье, что характеризуется в материальной культуре появлением лепной керамики с плечиками. Но это не привело к окончательной славянизации местного населения. Балтские элементы в культуре длинных курганов и культуре ранних кривичей занимают значительное место [241, с. 95].

Таким образом Г.В. Штыхов выстраивает единую линию развития славянской культуры на севере Белоруссии с VI до XII вв. При этом, отмечено взаимовлияние славянской и балтской культур вплоть до XI в. и иллюстрируется это «вещами-гибридами». Такое сосуществование двух культур, если бы оно имело место, должно было бы отражаться в конкретных археологических памятниках как славянских, так и балтских, но этого Г.В. Штыхов в книге не показал, а все приведенные в книге памятники приписаны славянам. Спрашивается, а где же обитали на всей этой территории остатки субстратного балтского населения, оказывавшие некоторое влияние на славянскую культуру?

В.В. Седов в начале 1950-х гг. собрал и систематизировал весь имеющийся к тому времени археологический материал, связанный с племенами кривичей и новгородских словен. Были специально проанализированы курганные древности новгородских словен и кривичей, обитавших в Поднепровье и Подвинье. Длинные курганы В.В. Седов считал древнейшими памятниками кривичей и датировал их появление не позднее IV–V вв. н.э., а изживание – VIII–IX вв. Им выделены три типа длинных курганов, которые составляют две крупные локальные группы. При этом расселение славян-кривичей, по мнению В.В. Седова, происходило, начиная с IV–VI вв. из Поднепровья, где их памятники являлись наиболее древними, на Псковщину [107, с. 5,6,13,15]. Предложенные им в то время гипотезы о времени и направлении расселения кривичей не имели достаточных обоснований. В дальнейшем В.В. Седов пересматривает эти и некоторые другие положения, высказанные им первоначально в работе 1954 г.

В специальной публикации, посвященной кривичам, он отмечает, что древнейшими длинными курганами являются не днепровские, а псковские, время возникновения кото-

рых датируется IV–VI вв. н. э. [109, с. 51], тогда как время появления длинных курганов на Полотчине и Смоленщине отнесено к VII в. н. э. [109, с. 57,59]. Дата появления длинных курганов на Смоленщине – VII в. необоснованно им занижена, так как определялась находками вещей с эмалями в курганах у Ярцева и Ямщичины, где они не происходили из погребений, а попали в курганные насыпи случайно, о чем более подробно было сказано выше при описании работ В.И. Сизова. В целом в работе 1960 г. В.В. Седов предлагает следующую картину расселения кривичей, но уже не из Поднепровья, а из Понеманья и более западных областей около середины I тыс. н. э.: «Скорей всего, этот своеобразный тип насыпей (длинные курганы – Е.Ш.) был принесен кривичами и на Псковщину из Верхнего Принеманья или из Бугско-Висленского междуречья [109, с. 59]. В соответствии с его гипотезой первоначально кривичи переселились на Псковщину и в верховья Западной Двины, где они закрепились и просуществовали некоторое время. Далее из этих мест около VII в. н. э. они стали расселяться на юг – в Среднее Подвинье, на Полотчину и в Смоленское Поднепровье. Расселением кривичей среди балтов объясняется наличие в их инвентаре некоторых типов балтских вещей. Предложенная новая гипотеза расселения кривичей также не имела фактического обоснования и по сути являлась умозрительной гипотезой, так как погребальный обряд и вещевой комплекс КСПДК не имеет корней в древностях псковских длинных курганов.

В большой сводной работе о славянах Верхнего Поднепровья и Подвинья при дальнейшем изучении материалов из длинных курганов В.В. Седов пытался подтвердить некоторые положения, высказанные им ранее в 1960-х гг., в том числе, о времени и особенностях расселения кривичей [111, с. 91–108]. При этом, в работе 1970 г. одновременно уточняется само понятие «длинные курганы», хотя они необоснованно рассматриваются как единое целое на всей территории Восточной Европы с выделением только некоторых территориально-хронологических (локальных) особенностей. В исследовании сравнительно детально рассмотрены: погребальный обряд, погребальный инвентарь и материалы, позволившие предварительно определить датировку памятников этого типа. При этом утверждается, что самые ранние длинные курганы на Смоленщине сооружались в VII в. н.э., исходя из находок вещей с эмалями [111, с. 104], что ошибочно, как уже было показано нами, и связано со случайными находками вещей, не имеющих отношения к погребальным комплексам.

В 1974 г. в серии «Археология СССР. Свод археологических источников» выходит в свет сводная работа В.В. Седова «Длинные курганы кривичей», в которой на основе материалов, имеющихся к тому времени, дается полное описание археологической культуры длинных курганов кривичей. Детально рассмотрены: ареал длинных курганов в Восточной Европе, их общая характеристика, погребальный обряд, вещевой комплекс, этническая принадлежность и дана подробная археологическая карта длинных курганов. В главе «Устройство курганов и погребальный обряд» отмечаются некоторые конструктивные особенности, возникшие у кривичей под влиянием местного субстратного прибалтийского населения, а в способах помещения остатков трупосожжений в погребальных насыпях выделено 11 типов [112, с. 18,19]. Некоторые отличия в погребальном обряде между КПДК и КСПДК, кроме прочего, отмечены и в использовании глиняных сосудов-урн: «Если на Смоленщине почти каждое второе захоронение помещено в глиняном сосуде, то в окрестностях Псковского озера урновым является только каждое девятое–десятое погребение» [112, с. 25]. В главе «Вещевой материал и датировка» рассмотрены все типы вещей из погребений в длинных курганах и определено примерное время их бытования. В описании выступает значительная разница в инвентаре между КПДК и КСПДК. Каждый тип вещей рассмотрен отдельно, но не показаны комплексы вещей из погребений разных территорий, дающие полное представление о характере убора и системы украше-

ний в женских захоронениях КПДК и КСПДК. Эти различия обоснованного толкования не получили. В главе «Этническая принадлежность» высказано мнение «о кривичской принадлежности людей, похороненных в длинных курганах», при этом кривичи с самого начала формирования длинных курганов рассматриваются как славянский этнос. Обоснование этого в некоторых моментах не бесспорно. Вместе с тем, в работе делается оговорка, что «Кривичи VI–IX вв. – это не только пришлые носители славянского языка, но и местное население, смешавшееся с пришельцами. Поэтому не будет ошибкой назвать длинные курганы памятниками смешанного славяно-балто-финского населения» [112, с. 40]. Необходимо отметить, что В.В.Седов непосредственно сам ни в Подвинье, ни в Поднепровье собственно длинных курганов не раскапывал, а пользовался материалами разного уровня других исследователей. В.В. Седов в одной из последующих публикаций считает свою работу 1974 г. научной сводкой всех материалов, имевшихся к тому времени, и далее о ней говорит: «В ней подведены итоги многолетнего изучения этих памятников, показано их своеобразие и определена принадлежность кривичам – одному из восточнославянских племен, формировавшихся в результате метисации пришлого славянского населения с местными финно-угорскими и балтскими племенами» [113, с. 47], т.е. эти процессы относятся им ко времени возведения длинных курганов.

В 1982 г. В.В. Седов издает монографию «Восточные славяне в VI–XIII вв.», в которой специальная глава посвящена «Культуре длинных курганов» [113, с. 46–58]. Длинные курганы рассматриваются суммарно на всей территории их распространения, охватывающей Смоленское Поднепровье, Верхнее Подвинье, включая ее Полоцкое течение, Псковщину и Новгородскую землю. Кратко дана история изучения всех длинных курганов. Отмечено, что «Длинные курганы получили распространение на территории, прежде занятой финскими и балтскими племенами [113, с. 49], а поэтому некоторые элементы погребальной обрядности и отдельные элементы в вещевом комплексе привнесены в культуру длинных курганов от местного населения. В частности, анализируя вещевой комплекс женских украшений из смоленско-полоцких длинных курганов В.В. Седов делает вывод, что «местные балты приняли непосредственное участие в генезисе населения, оставившего длинные курганы» [113, с. 52]. Однако все длинные курганы он считает памятниками славян (кривичей) и указывает, что отнесение культуры псковских длинных курганов (КПДК) прибалтийским финнам, а смоленско-полоцких – балтам ошибочно и доводы сторонников неславянской принадлежности длинных курганов, как он пишет, «были им рассмотрены и отвергнуты еще в 1974 году» в монографии о длинных курганах [113, с.54], хотя, по нашему мнению, в работе 1974 г. это высказано декларативно и бездоказательно. Время распространения длинных курганов в работе 1982 г. примерно определяется для Псковщины VI–VII вв., а для Смоленщины – VIII–IX вв. По сравнению с предшествующими публикациями внесены некоторые уточнения в описание погребальных обрядов и в характеристику погребального вещевого комплекса и сделаны уточнения отдельных положений, высказанных ранее. Так, например, отмечено, «что длинных курганов, аналогичных тем, что известны на летописной территории, в Понеманье нет» [113, с. 47], тогда как в предыдущих работах утверждалось их наличие там. Вместе с тем, нужно отметить, что не все положения о культуре кривичей, высказанные им, достаточно обоснованы фактическим археологическим материалом.

В 1995 г. вышел в свет большой обобщающий труд В.В. Седова «Славяне в раннем средневековье». В нем также есть отдельная глава, посвященная культуре смоленско-полоцких длинных курганов [115, с. 229–238]. Эта глава о КСПДК является кратким изложением основных положений о славянстве кривичей и их культуре, высказанных и опубликованных им ранее. Нужно отметить, что в этой работе в характеристике КСПДК указано, что они «... заметно отличаются от псковских длинных курганов и составляют

особую группу погребальных памятников и даже отдельную археологическую культуру»; с этим последним положением вполне можно согласиться. Однако, сам он в этом не совсем уверен и здесь же оговаривает, что КСПДК «образует общий ареал с псковскими длинными курганами, указывая на какую-то взаимосвязь этих погребальных памятников» [115, с. 229]. Из всех работ В.В. Седова эту взаимосвязь весьма сложно установить, так как, во-первых, эти культуры существовали на разных территориях и в разное время: КПДК датируется им VI–VII вв., а КСПДК – VIII–IX вв.; во-вторых, их погребальный обряд и вещевой комплекс весьма самобытны и не связаны друг с другом и у них совершенно разная подоснова. С нашей точки зрения, КСПДК не могла быть дальнейшим этапом развития КПДК. Все это логично вытекает даже из работ В.В. Седова, но почему-то самим им не сформулировано.

Не имеет основания утверждение В.В. Седова, что все украшения КСПДК «идентичны находкам из грунтовых могильников тушемлинско-банцеровской культуры типа Акатово-Узмень. Появление их в захоронениях длинных курганов Смоленской и Полоцкой земель может быть объяснено только тем, что местные балты приняли непосредственное участие в генезисе населения, оставившего эти памятники» [115, с. 231]. Могильники Акатова и Узмени оставлены населением тушемлинской культуры. В их погребениях, как и на поселениях и городищах-убежищах этой культуры, использовалась керамика совершенно других типов, чем керамика КСПДК. Вещи в погребениях грунтовых могильников тушемлинской культуры встречаются чрезвычайно редко: в Акатове раскопано 37 захоронений и найдено в двух погребениях четыре круглопроволочных браслетообразных височных кольца со слегка утолщенными концами и несколько бронзовых пронизок [217а, с. 43]; в погребениях могильника Узмень в 34 захоронениях найдены 2 височных кольца, посоховидная булавка, глиняное пряслице и единичные фрагменты неопределенных предметов [80, с. 181, рис. 6:7–14]. Височные кольца из вышеуказанных могильников совершенно аналогичны височным кольцам, происходящим из поселений (Заозерье, Шугайлово) и городищ-убежищ (Демидовка, Близнаки) тушемлинской культуры. Все эти вещи, кроме глиняного пряслица, аналогий в длинных курганах Смоленщины не имеют.

Отмечая особые черты вещевого комплекса КСПДК, отличающие их от КПДК, В.В. Седов пишет: «Все эти украшения КСПДК имеют многочисленные аналогии в балтских древностях более западных территорий и идентичны находкам из грунтовых могильников тушемлинско-банцеровской культуры типа Акатово-Узмень. Появление их в захоронениях длинных курганов Смоленской и Полоцкой земель может быть объяснено только тем, что местные балты приняли непосредственное участие в генезисе населения, оставившего эти памятники» [115, с. 231]. Действительно, украшения из погребений КСПДК имеют многочисленные аналогии в балтских древностях более западных территорий, что было неоднократно подтверждено нами [165; 173; 176; 196; 223; 226 и др.] Однако, утверждение об идентичности вещей из погребений КСПДК находкам из грунтовых могильников тушемлинско-банцеровской культуры ошибочно и было выше в данной работее рассмотрено нами и отвергнуто. Утверждение, что балты приняли участие в генезисе КСПДК высказывалось В.В. Седовым и ранее в ряде работ. Так, например: «...местные балты приняли непосредственное участие в генезисе населения, оставившего длинные курганы» [113, с. 52]; «Кривичи – одно из восточнославянских племен, формировавшееся в результате метисации пришлого славянского населения с местными балтскими племенами» [115, с.47]; «... археология достаточно определенно свидетельствует, что на белорусской этногеографической территории в отличие от других земель Руси, восточнославянские племена формировались в условиях славяно-балтского симбиоза [117, с. 48]. При этом, не называя конкретно какие-либо памятники, утверждается, что «...в некоторых основных областях ареала длинных курганов – в Смоленской и По-

лоцкой землях в X–XII вв. еще сохранялись островки балтского населения» [112, с. 40]. Без сомнения, вообще метисация или симбиоз пришлых славян с местным инородным балтским населением могли иметь место в процессе формирования восточнославянских племен. Однако, симбиоз и метисация в данном случае в Смоленском Поднепровье и в Подвинье должны предполагать наличие одновременно проживающих носителей двух разных культур, отраженных в своих специфических археологических памятниках (поселения, погребения и пр.), до того, как начнется этот процесс и в ходе его. При этом аборигены-балты должны были присутствовать на этих территориях со своими элементами культуры как до расселения славян, так и в течение некоторого отрезка времени при проживании одновременно с ними. Пришедшее славянское население вначале должно было иметь свою самобытную культуру, явственно прослеживаемую в археологических памятниках, которая постепенно должна была включать инородные балтские элементы, меняющие облик их культуры. Однако такие памятники, как примеры, ни в одной работе В.В. Седова не приведены. Тушемлинская культура, по мнению В.В. Седова, считается основой, с которой вступили во взаимодействие пришедшие славяне, в результате чего сформировалась КСПДК. Судя по имеющимся материалам, тушемлинская культура действительно занимала эту территорию до конца VII в., но на рубеже VII и VIII вв. прекратила свое существование, если же некоторые весьма немногочисленные остатки тушемлинского населения еще и оставались в местах своего обитания в Смоленском Поднепровье и Подвинье до середины VIII в., то на пришедшее сюда в VIII в. население они не могли оказать заметного влияния, что подтверждается и вещевым материалом, и деталями погребального обряда. Если считать, что пришедшее славянское население первоначально должно было иметь свою культуру, отраженную в археологическом вещевом комплексе, то таковая в работах В.В. Седова не представлена. То же, что выявлено в погребальных сооружениях КСПДК VIII–IX вв., не имеет прямых аналогий ни в тушемлинской культуре, ни в синхронных славянских древностях на территории Восточной Европы. Какого-либо объяснения этого в работах В.В. Седова нет.

По нашему мнению, КСПДК появилась в Поднепровье и Подвинье в уже сложившемся виде на основе балтских культур, расположенных западнее, а от сохранившегося местного населения восприняла только незначительные элементы их культуры, которые не изменяли в целом КСПДК.

Рис. 7. Раскопки длинного кургана у д. Купники

Не совсем правомерно утверждение В.В. Седова для КСПДК, что: «Лишь на окраине ареала этих памятников встречаются захоронения, которые могут быть отнесены к Х в. [115, с.231]. В действительности же, на окраинах ареала КСПДК их захоронения встречаются даже в самом начале XI в., к примеру: на Верхней Волге в Березовецком курганном могильнике – курганы 19, 62 и др. [151, рис. 4 и 6]; в Восточной Литве в захоронениях курганного могильника Стакай вместе с гончарной керамикой XI в. [176, с. 233; 239]. Однако, есть погребения первой половины Х в. КСПДК в районе Смоленска: курганный могильник Купники, длинный курган № 3, погребение 3 [219, с.24, илл. 11]; погребения в курганном могильнике Заозерье: длинный курган № 63; удлиненные курганы №№ 52, 64 и 67 [226, с.111–117, табл. 82, 85; с. 122–125, табл. 95], (материалы хранятся в фондах Смоленского музея-заповедника); курганный могильник Арефино, курган № 1, раскопки В.И. Сизова 1881 г. (Фонды ГИМ, опись 1711 / 1–47; [219, илл. 27: 1–15]).

Утверждение В.В. Седова: «В целом же переход от погребений в длинных курганах к трупосожжениям в круглых (полусферических) насыпях в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье ... приходится на IX столетие» [115, с. 231] требует уточнения. С нашей точки зрения, если этот переход и мог начаться в самом конце IX в., то интенсивно он происходил в Х в., а заканчивался в самом начале XI в. формированием новой культуры курганов с трупоположениями, характерными для летописных кривичей, в рамках общей древнерусской культуры.

Возникновение курганного обряда и, в частности, длинных курганов в Полоцкой и Смоленской землях, по мнению В.В. Седова, «было обусловлено какими-то перемещениями населения из ареала псковских длинных курганов» [115, с. 231]. Таким образом, им еще раз подтверждается гипотеза о заселении Поднепровья и Подвинья населением – носителями КПДК, чему фактически противоречат имеющиеся вещественные материалы. Чтобы как-то снять имеющиеся противоречия и объяснить разницу в материальной культуре, возникшую не только за счет поглощения местного балтского субстрата, выдвигается предположение: «В VIII–IX вв. в этих землях наблюдается инфильтрация новых групп славянского населения, вышедших, по всей вероятности, из далеких Дунайских земель» [115, с. 232]. Основанием этому, по его мнению, является нахождение в женских погребениях височных колец с плоскими заходящими концами и «лунничных» височных колец. Нет основания признать этот довод убедительным, так как женский головной убор с головным венчиком типа «вайнаг» и разнообразными привесками, включавший подобные височные кольца, появился в Смоленском Поднепровье в VIII в. в уже сложившемся виде, а сформироваться он мог только в пределах балтских, а не дунайских земель.

Ссылаясь на Повесть временных лет (с. 13) В.В. Седов утверждает: «...полочане происходят от кривичей» [115, с. 232], но из текста летописи этого не вытекает. Летописец говорит, что полочане являются славянами, что они, подобно другим славянам, «пришедшее и ... седоша на Двине и нарекошася полочане, речки ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота, от сея прозвашася полочане.» [98, с. 11]. А затем у славянских племен возникли княжения «... а другое на Полоте, иже полочане.» [98, с. 13]. Из этого следует, что славяне-полочане имели свое княжение в земле кривичей. Описание возникших княжений приводится летописцем по географическому принципу, поэтому после упоминания княжения в Полоцке указывается территория расселения кривичей по отношению к Полоцку: «От нихъ же кривичи, иже седятъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, их же градъ есть Смоленскъ; туде бо седятъ кривичи» [98, с. 13]. В данном случае летописец говорит о местоположении кривичей, а не о том, как утверждает В.В. Седов, что «полочане происходят от кривичей» [115, с. 232]. Нужно также отметить, что летописец не говорит о существовании княжения у кривичей в Смоленске, как и у мери, чуди, муромы и других, но в то время княжения были в славянских землях. Видимо, у кривичей сохранялась

еще своя организация в виде пережитков родоплеменных структур. Под 862 г. в летописи говорится о создании варяжской администрации для управления городами и землями, подвластными Рюрику. При этом указывается: «И по темъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници ... в Полотьски кривичи...» [98, с. 18]. Это дает возможность предполагать, что кривичи были первыми жителями поселения при впадении р. Полоты в Двину, то есть там, где в дальнейшем поселились пришедшие славяне-полочане и где окончательно сформировался город Полоцк.

Нужно отметить, что в работах В.В. Седова о «кривичах» эпохи длинных курганов многие положения, высказанные им, гипотетичны, а не являются результатом детального анализа археологических источников и по существу не имеют обоснования фактическим материалом. Часто используемый им иллюстративный метод, если он не подкреплен детальным анализом комплексов вещественных и других источников, то не всегда может быть основанием для объективных научных выводов.

И.И. Ляпушкин в 1968 г. опубликовал книгу «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства», в которой он исходил из общего положения, что восточные славяне как единое целое «со своим особым языком и общим названием» утвердились только в IX в. [73, с. 5]. О кривичах и КСПДК он говорит следующее: «В последние десятилетия среди исследователей довольно прочно укрепилось мнение, что древнейшими известными археологическими памятниками кривичей являются длинные курганы ... Принять это положение в той общей форме, в какой они выступают в нашей литературе, нельзя. ... Наиболее ранними достоверными славянскими памятниками в этих районах в настоящее время можно признать лишь обычные, небольшие по размерам, полусферические курганы с трупосожжением, близкие по форме и содержанию одновременным курганам соседних славянских территорий». Эти памятники он датирует IX–X вв., а славянские древности VII–VIII вв. на соседней летописной территории радимичей, вятичей и др. племен, по его мнению, выделить пока не представляется возможным, [73, с. 19, 20]. Таким образом, кривичей КСПДК И.И. Ляпушкин не может признать славянами.

В 1974 г. М.И. Артамонов опубликовал рецензию на работу В.В. Седова «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья» 1970 г. [14, с. 245–254]. Давая общую оценку работы В.В. Седова, он говорит, что она «не может не быть положительной». Определение роли балтского субстрата в формировании белорусского народа весьма важно. Вместе с тем, он не соглашается с некоторыми другими положениями. Рассматривая раздел работы о кривичах, считает, что положения В.В.Седова о времени их формирования и этнической принадлежности спорны, что наличие в могильниках длинных и сферических курганов еще не доказывает преемственности развития, а славянская принадлежность длинных курганов не может считаться доказанной. «Со значительно большей вероятностью, чем славянские, их можно признать балтскими памятниками» [14, с. 251]. Он считает, что расселение славян по балтской территории шло, в основном, по Днепру из Среднего Поднепровья, где принадлежность памятников славянам не вызывает сомнений. Происходило это расселение в VIII–X вв., но о VIII в. можно говорить только предположительно [14, с. 252].

В 1970-х гг. И.В. Белоцерковская подвергла анализу материалы из курганов кривичей Смоленской земли. Исходя из датированных курганных древностей летописных кривичей XI–XII вв., она ретроспективно рассматривала древности X в. (круглые курганы с трупосожжениями) и VIII–IX вв. (длинные курганы) и выявила определенную преемственность в погребальном обряде и вещевом комплексе между этими древностями, а также пришла к выводу, что древности курганов VIII–X вв. принадлежат балтам. Славяне, по ее мнению, пришли в Смоленское Поднепровье и Подвинье поздно, не ранее конца IX в., а точнее, на рубеже IX–X вв. [19, с. 53–65].

В 1978 г. была опубликована монография В.А. Булкина, И.В. Дубова и Г.С. Лебедева «Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв.». В работе подвергнут анализу огромный пласт вещественных источников, что позволило пересмотреть некоторые установившиеся представления об этнокультурных процессах, происходивших на больших пространствах Древней Руси в IX–XI вв. Во второй главе «Верхнее Поднепровье и Подвинье» авторы на основе анализа существующих источников о кривичах и КСДК не поддерживают гипотез, предложенных В.В. Седовым, а формулируют свое видение этнокультурного развития этого региона во второй половине I тыс. н.э. и заселения славянами всего Верхнего Поднепровья и Подвинья. Они считают, что в IV–VII вв. эти пространства занимала балтская тушемлинская культура. Исходным очагом формирования КСДК считают восточные районы современных Литвы и Латвии. КСДК только «На рубеже VII–VIII вв. во вполне сложившемся виде ... проникает в днепро-двинское междуречье, где сталкивается, возможно, с родственной тушемлинской культурой. Ассимиляция местного населения сопровождалась усвоением некоторых элементов субстратной культуры. КСДК почти полностью прекращает свое самостоятельное существование, будучи поглощенной, новым населением, продвинувшимся из южных и юго-западных областей Верхнего Поднепровья» [21, с. 44,45]. Новым населением являлись славяне, а их расселение в междуречье Днепра и Западной Двины в дальнейшем особенно усилилось в XI в. Рассматривая вопрос об этнокультурном развитии населения в пределах Псковской земли, авторы приходят к выводу, что славяне ассимилировали местную чудь «... ранними памятниками которой можно считать псковские длинные курганы VI–VII вв.» [21, с. 85], т.е. население, оставившее псковские длинные курганы, они не считают славянами-кривичами.

Э.М. Загорульский неоднократно обращался к проблемам происхождения и этнической принадлежности длинных курганов (1965, 1977, 1998 гг.). В работе 1965 г. «Археология Белоруссии» общие положения о кривичах изложены в свете концепции Третьякова-Седова, но Э.М. Загорульский указывает, что «в поздних длинных курганах VIII–IX вв. балтийские вещи известны» [44, с. 129]. Освещая древнюю историю Белоруссии в 1977 г., он отмечает: «Этническая принадлежность носителей длинных курганов определяется поразному, их называли то славянскими, то финскими, то литовскими. Больше всего аргументации выдвигалось в пользу славянской атрибуции» [45, с. 75]. Однако, рассмотрев аргументацию В.В. Седова о славянстве этих памятников, он предлагает свою интерпретацию источников по вопросу этнической принадлежности населения, оставившего длинные курганы и считает их балтами [45, с. 75–77]. Окончательное видение этих проблем он изложил в монографической работе «Заходняя Русь. IX–XIII ст.ст.», в которой подверг критическому анализу концепцию В.В. Седова о происхождении длинных курганов, времени и путях их распространения «с территории исторических венедов Повислинья». Он считает, что длинные курганы возникли на летописной территории уже в VI в., задолго до того, как тут распространились типичные славянские памятники и здесь даже ранние длинные курганы хорошо увязываются с местным балтским материалом [46, с. 9, 11]. Э.М. Загорульский утверждает, что славянские памятники севернее от Припяти, которые бы датировались ранее VIII в. н. э., ему не известны. Да и VIII в. не очень надежная дата, а массовое расселение славян на территории Белоруссии приходится на IX–X вв. [46, с. 17, 18]. По его мнению, длинные курганы сохраняют свою культуру в течение всего периода их бытования. Эта культура не входила в круг славянских древностей. Только на заключительной фазе их существования происходят изменения – появление славянских элементов. В X в. классические длинные курганы не бытовали [46, с. 233]. Основные положения, высказанные Э.М. Загорульским, являются синтезом не только археологических материалов, но и данных других наук и, в целом, более или менее соответствуют со-

стоянию изученности археологических источников второй половины I тыс. н. э. северной части Белоруссии и сопредельных территорий.

В 1983–1985 гг. В.В. Енуков изучал курганы VIII–X вв. в районе города Смоленска у пос. Колодня и у д. Сумароково. В 1990 г. им опубликована работа «Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей», являющаяся его доработанной кандидатской диссертацией. В работе детально проанализирован обширный материал, имеющий отношение к древностям смоленско-полоцких кривичей VIII–X вв. В.В. Енуковым тщательно проанализирован погребальный обряд КСПДК и разработана новая классификация погребений, в которой взяты за основу способ и место размещения остатков трупосожжений в курганной насыпи и наличие в захоронениях глиняных погребальных сосудов-урн. Классификация включает 3 отдела, 6 типов и 22 варианта погребений. Тщательно рассмотрен погребальный инвентарь КСПДК, выделены основные типы вещей и приведены ближайшие аналогии им в других культурах, определено примерное время их бытования. К сожалению, проведено рассмотрение каждого типа вещей в отдельности, а не по отдельным комплексам, а также на их основе не восстановлен общий характер женского убора и системы украшений КСПДК VIII–IX вв. и сферических курганов конца IX–X вв. Материалы из курганов X – начала XI вв. получили также полную разработку [39, с. 106–126]. Рассмотрен также вопрос и об этнической принадлежности КСПДК. Автор считает, что местное население тушемлинской культуры IV–VII вв. не было основой в формировании КСПДК, поскольку в конце этого периода она перестала существовать в Смоленском Поднепровье и в Витебско-Полоцком Подвинье. В первой половине, возможно, середине VIII в. произошел «приход нового населения. Аналогии в украшениях и керамика указывают на конкретный регион: прибалтийские земли. Мы не имеем возможности в рамках настоящей работы конкретизировать исходную область переселения» [39]. На основе общего анализа балтских вещей и погребальной обрядности высказано предположение, что »Переселенческая волна исходила не из одного узкого региона ... что переселение имело черты военного похода, в котором участвовал ряд балтских племен, имевших разную похоронную обрядность. ... что в переселенческую массу влились остатки тушемлинцев». Далее указывается: «Несколько позднее в Днепро-Двинском междуречье появляются носители второй традиции, которыми, как можно думать, являлись славяне» [39, с. 128]. В результате контакта двух культур славяне усваивают часть балтского комплекса украшений и «складывается обычай возведения длинных насыпей с большим количеством погребений» [39, с. 129]. В целом развитие КСПДК происходит при взаимодействии двух традиций (балтов и славян), а в конце IX–X вв. балтские элементы исчезают [39, с. 130]. Предложенная концепция не бесспорна, хотя она и фиксирует реальные начало и конец, но вызывает ряд вопросов. Если принять две волны заселения, то нет ясности о характере погребальных сооруженй 1-ой балтской волны, как не совсем ясно, какой характер имели погребальные памятники 2-й волны в момент расселения на территории носителей 1-ой традиции? Утверждение В.В. Енукова, что в результате контакта славян и балтов сложился обычай возведения длинных курганов, спорно, так как самые древние курганы КСПДК относятся к типу длинных и весь этот тип распространялся в Поднепровье и Подвинье в уже сложившимся виде. С нашей точки зрения, есть больше оснований предполагать, что славянская культура в последний период существования КСПДК сменила ее, ассимилировав частично, и трасформировалась в культуру круглых курганов X–XII вв.

В.Я. Конецкий в 1990-х гг. рассматривал вопрос о формировании культуры псковско-новгородских длинных курганов [56]. Сделав обзор различных существующих концепций формирования культуры длинных курганов, он считает предпочтительным мнение, что исток формирования курганной традиции был во внешних импульсах, исходивших из области восточно-литовских курганов. Это подтверждается комплексом находок [56,

с. 221]. Но в целом, по его мнению, культура длинных курганов по происхождению явление многокомплектное [56, с.223].

О.М. Олейников, начиная с 1990-х гг. изучает курганные древности в Верхнем Поволжье на территории Тверской области. Результаты исследований им частично опубликованы [89,90,91]. В 2007 г. вышла в свет его статья, в которой рассмотрена культура длинных курганов Верхневолжского и Верхнеднепровского регионов в свете новых данных [92, с. 166–184]. В ней изложены материалы о культуре длинных курганов, дополняющие и уточняющие сведения о хронологии, территории и путях распространения археологических памятников этой культуры. При этом О.М. Олейников замечает, что его работа не противоречит «в принципе общей хронологии КДК, предложенной В.В. Седовым» [92, с. 166]. Судя по материалам работы, он считает, что население, сооружавшее длинные курганы, было полиэтничным, среди которого наиболее активными были славяне, продвинувшиеся из Средней Европы, а затем расселившиеся от Пскова до Смоленской земли. Значительная часть статьи посвящена культуре псковских длинных курганов, расцвет которой, по его мнению, приходится на VI–VIII вв. н.э. В это время началось проникновение КПДК на юг в Смоленское Поднепровье и вниз по Волге до Ржева. С нашей точки зрения, распространение культуры псковских длинных курганов в Смоленское Поднепровье вообще не зафиксировано.

С конца VIII в. до середины IX в., по его мнению, происходила ассимиляция носителями культуры длинных курганов местного тушемлинского населения, но с этим положением трудно согласиться, так как, судя по опубликованным материалам о тушемлинской культуре [144; 170], она в конце VIII–IX вв. в Поднепровье не существовала. В работе утверждается, что в период от середины IX в. до середины X в. КПДК распространяется по р. Вазузе до верхнего течения р. Угры [92, с. 173]. Все это, с нашей точки зрения, весьма сомнительно. К примеру: длинные курганы на р. Угре не зафиксированы. Еще в X в. там обитали племена мощинской культуры, связанной с голядью, а курганы смоленских кривичей на Угре появляются только в XI в. [222а]. Интересным в данной статье является попытка сопоставить данные о колебании палеоклимата в V–XII вв. в Верхнем Поволжье и Поднепровье с периодами расселения носителей длинных курганов и их численностью, но высказанные положения нуждаются в более детальной разработке.

В.С. Нефедов с 1990-х гг. изучает смоленские длинные курганы. Им проведен анализ комплексов вещей из ряда погребений и уточнены датировки. Он считает, что самые ранние погребения в смоленских длинных курганах, содержащие датируемые вещи, сооружены не ранее середины VIII в. [84, с.191–199]. Опубликованная им археологическая карта могильников культуры смоленских длинных курганов, включающая 68 объектов, дает представление о заселенности в VIII–X вв. территории Смоленского Поднепровья и Подвинья [85, с. 186, 187, рис. 1,2]. В этой же работе определена ландшафтно-геоморфологическая приуроченность смоленских длинных курганов преимущественно к конечно-моренным грядам, при этом часто они располагались по берегам ледниковых озер, а в Поднепровье – в долинах крупных рек [85, с. 188]. Выявлено топографическое соотношение могильников и поселений КСДК. Специально рассмотрен вопрос о происхождении височных колец КСДК с плоскими заходящими концами [85а]. Основной признак, определяющий славянское происхождение этих колец, – завиток на одном или двух концах кольца – не убедителен, так как подобные завитки как на височных кольцах, так и на других проволочных украшениях известны и не у славянских племен в середине и второй половине 1 тыс. н.э. В этой же работе отвергнута гипотеза В.В. Седова о происхождении височных колец КСПДК от лунничных колец [85а, с. 38,39].

Значительный вклад в изучение древностей кривичей в северо-западной части Беларуси внесла Дучиц Л.В. Ею был изучен район Браславских озер на левобережье Западной Двины и дана картина расселения кривичей на землях прибалтийских племен и общая

картина их материальной культуры [35]. В работе «О славянском расселении на северо-западе Беларуси» Л.В. Дучиц и В.И. Шадыро проанализировав курганные древности пришли к выводу, что заселение этой территории Беларуси происходило с X в. н.э. [34].

В.И. Шадыро в большой работе о Белорусском Подвинье в I тыс. н.э. [158] рассмотрел имеющиеся точки зрения на время происхождения и значение этнонима кривичи. Им проанализированы письменные источники, данные топонимики, гидронимики и другие результаты исследований языковедов, что позволило определить субстратное население Белорусского Подвинья последней четверти I тыс. н.э. как балтское. Он считает, что на рубеже I и II тыс. н.э. в результате активного расселения славян и христианизации края у аборигенов устанавливается двуязычие [158, с. 119]. По его мнению, анализ археологических материалов показывает, что до конца I тыс. н.э. на территории Белорусского Подвинья вообще проникновение славян осуществлялось небольшими группами главным образом из юго-западных и западных направлений. Расселение кривичей, на его взгляд, нужно рассматривать особо, так как этническая принадлежность их славянам весьма спорна, особенно на ранней стадии формирования и миграционных движений. С начала II тыс. н.э. и особенно с конца XI в. археология фиксирует активизацию процесса славянского заселения Северной Белоруссии. Включение территории Белорусского Подвинья в круг славянских культур не сопровождалось тотальной сменой населения. Наоборот, археологические данные свидетельствуют о почти повсеместном своеобразном соединении культур – местной восточно-балтской и новой славянской [158, с. 124].

Автор настоящей работы изучает культуру длинных курганов начиная с 1951 г., а непосредственные раскопки самих курганов в пределах Смоленского Поднепровья и Подвинья проводил в течение ряда лет с 1952 по 1994 гг. Поскольку в публикациях до начала 1950-х гг. многие вопросы, связанные с культурой длинных курганов были дискуссионными, поэтому перед исследованиями были поставлены следующие задачи: расширить круг источников и на этой основе уточнить погребальные обряды населения того времени и особенности погребального инвентаря, а также попытаться решить вопросы хронологии культуры и этнической принадлежности населения, оставившего эти погребальные памятники.

Рис.8. Раскопки кургана № 2 у д. Цурковка

В результате уже первых раскопок 1952–1958 гг. курганов у д.д. Арефино (рис. 6, 30), Василевщина (Купники, рис. 7), Слобода-Глушица, Цурковка (рис.8), Сож, Петрополье (рис.46), Еловцы и Заборье (рис. 14, 65) [184]. Была предварительно уточнена хронология КСДК и получены новые материалы для решения других проблем [161, с. 147–152; 162, с. 17–20; 165, с.162–169]. При анализе вещевого комплекса из погребений было отмечено его сходство с древностями балтов территории Литвы и Латвии [170, с. 85–128; 173 с., 224–229; 176, с. 219–235]. Дальнейшие раскопки курганов у д. Шугайлово (рис. 10, 12) [171, с. 37–38; 173, с. 228–229; 174, с. 64–65; 177, с. 88]; у д. Заозерье (рис. 1–5, 33) [174, с. 64–65; 191, с. 89–90]; у д. Ковали [174, с. 65], у д. Дроково (рис. 31), у д. Акатово [167] значительно расширили базу источников. Была разработана классификация погребений [170], выявлена особая закономерность в расположении курганов на местности, определены хронологические рамки КСДК от первой половины VIII в. до середины X в., дано подробное описание вещевого комплекса, высказано мнение об их этнической принадлежности к этнокультурной общности восточных балтов [223] . Некоторые, ранее высказанные положения о хронологии КСДК [161, с. 151,152] в ходе последующих исследований подтверждены не были и были пересмотрены и уточнены.

Работы не всех археологов, проводивших исследования курганных древностей кривичей на территории Белоруссии, мною в данной работе учтены, так как часть из них опубликована в местных изданиях и была мне недоступна, а часть – была мало информативна. Полный историографический обзор для Белорусского Подвинья был дан Г.В. Штыховым в монографии «Крывічы» [241, с.11–20] и повторять его в данной работе нет необходимости.

Древности КСПДК VIII–X вв.

Прежде, чем давать характеристику древностям КСПДК, следует определить, что подразумевается под группой памятников, составляющих КСПДК? Это – курганные могильники, обычно состоящие из сравнительно небольшого количества насыпей. Как правило, число курганов в могильниках не превышает 3–4 десятков и располагаются они в пределах могильника компактно. Это может свидетельствовать в ряде случаев о сравнительной кратковременности функционирования большинства курганных кладбищ КСПДК в пределах общего двухсотлетнего существования самой культуры. После X в. (в последующих XI–XIII вв.) совершение погребений и возведение курганов в могильниках КСПДК прекращается, исключения единичны [217а]. Население этого региона с XI в. уже создавало новые курганные кладбища в совершенно иных природноландшафтных условиях, для некрополей которых характерны и совершенно другой погребальный обряд, и другой вещевой комплекс, типичный для летописных кривичей, не выходящий за рамки общей древнерусской культуры.

В археологической литературе широко распространялось мнение о всех длинных курганах Восточной Европы как памятниках одной культуры и одного славянского этноса. При этом разные формы курганов рассматривались как определенные хронологические этапы их общего развития. Эти общие положения не согласовывались с имеющимися археологическими материалами. Нами была высказана точка зрения о несостоятельности деления курганов этого времени только по внешним признакам – их форме: на длинные, удлиненные, круглые и других форм, как на хронологически разные этапы их развития

[173, с. 225]. К этому мнению присоединились археологи, изучавшие КСПДК (В.В. Седов [112, с. 5] и другие исследователи). В таком случае можно считать, что определяющими критериями для КСПДК являются:

1. Погребальный обряд, допускающий как одно, так и несколько захоронений остатков кремации в одной и той же курганной насыпи;

2. Сопутствующий вещевой погребальный комплекс, имеющий свои специфические особенности. Такие критерии не давали основания для безоговорочного объединения всех «длинных курганов» Восточной Европы (смоленских, полоцких, псковских и др.) в одну археологическую культуру или же рассматривать их как хронологические ступени развития одной и той же культуры, в которых отличия связаны только с некоторыми субстратными влияниями, возникшими при расселении носителей КСПДК на разных территориях. По имеющимся археологическим материалам есть достаточно оснований рассматривать смоленско-полоцкие и псковские длинные курганы как самобытные, самостоятельные археологические культуры, не связанные единством происхождения и различные по своей этнической принадлежности.

В свете вышесказанного, с нашей точки зрения, под термином «длинные курганы» Смоленского Поднепровья и Подвинья следует понимать погребальные памятники VIII–X вв., содержащие одно или несколько захороненных остатков трупосожжений, совершенных по строго определенным обрядам, и имеющие одинаковый погребальный инвентарь, включающий украшения и другие артефакты балтских типов. Такие определяющие черты смоленско-полоцких длинных курганов резко отделяют их от псковских длинных курганов и с учетом других признаков дают основание говорить о разных этносах населения, оставивших обе группы длинных курганов. Нет также оснований говорить и о происхождении КСПДК от псковских длинных курганов.

Нет единого мнения и по вопросу о происхождении КСПДК. Большинство археологов считает, что эта культура в уже сложившемся виде распространилась в Поднепровье и Подвинье [39, 92]. Однако есть мнение, что КСПДК формировалась на основе местной тушемлинской культуры.

До начала VIII в. и распространения КСПДК в Поднепровье и Подвинье на этой же территории обитали племена тушемлинской археологической культуры IV–VII вв. [317а]. Эта культура представлена археологическими памятниками: открытыми поселениями – селищами, укрепленными поселениями – городищами-убежищами и грунтовыми могильниками. Характер материальной культуры, включая весь вещевой комплекс, самобытен [217а]. Ее основные типы керамики, бытовавшие VI–VII вв., имеют сравнительно высокие формы, слабопрофилированы с неярко выраженным венчиком и не имеют орнамента (рис. 9:2; прил. рис. 7:23–27). Они совершенно отличны от керамики КСПДК (рис. 9:1; см. прил. рис. 7:10–14 и рис. 15:10,13) и от славянской керамики этого же времени, что было доказано детальными исследованиями И.П. Русановой [103]. Керамика ТК VI–VII вв. прототипом для формирования керамики КСПДК быть не могла, истоки ее формирования совершенно иные. Это относится и к другим элементам вещевого комплекса. Основные формы височных колец, браслетов, подвесок и других предметов ТК (прил. рис. 7:15–22) не нашли своего развития в древностях КСПДК. Все это становится очевидным при сопоставлении комплексов вещей КСПДК и ТК (прил. рис. 7). Но это не исключает того, что некоторая сохранившаяся часть тушемлинского населения, вошедшая в общность КСПДК, хотя и не могла в целом изменить общего характера ее культуры, но все-таки незначительное влияние на КСПДК ТК оказала. Это прослеживается, к примеру, при сравнении отдельных элементов погребальной обрядности. В частности, использование глиняных сосудов в качестве урн и способы их размещения в погребении как у ТК, так и в КСПДК, а также сожжение на стороне и помещение части остатков кремации в округлых материковых ямках.

Есть достаточно оснований полагать, что формирование КСПДК произошло около рубежа VII–VIII вв. на основе культур балтской культурной общности в пределах вос-

точных областей Прибалтики. Население сформировавшейся КСПДК около середины VIII века н.э. заняло значительные территории Смоленского Поднепровья и Витебско-Полоцкого Подвинья, расселившись в тех же местах, где ранее обитало население ТК. Смена культур, судя по всему, произошла быстро, так как на оставленных поселениях ТК возникли поселения и курганные могильники КСПДК, прежде чем эти пространства заросли вековым лесом. Основная масса могильников КСПДК расположена на культурном слое поселений ТК и их курганные насыпи состоят из культурного слоя ТК, включающего артефакты IV–VII вв.

Рис.9. Глиняные сосуды-урны: 1. Культуры длинных курганов; 2. Тушемлинской культуры

Археологические материалы, полученные преимущественно в результатах раскопок курганных могильников, при анализе их вещевых комплексов и погребального обряда, позволяют дать общую характеристику материальной и духовной культуры населения того времени, отраженную в вещественных источниках, и приблизиться к решению некоторых вопросов этнической истории населения Верхнего Поднепровья и Подвинья во второй половине I тыс. н.э. и начале II тыс. н.э.

Погребальный обряд населения КСПДК VIII–X вв.

Начиная рассматривать погребальный обряд, необходимо хотя бы условно представить, какую структуру имело то общество, которое оставило курганные могильники КСПДК и как эта структура вообще отражена в погребальных памятниках VIII–X вв.

Можно полагать, что курганный могильник представлял собой кладбище территориальной общины, которая могла состоять либо только из ближайших родственников, либо могла включать как этнически родственных, так и не родственных иноплеменников. В любом случае, члены общины общались на понятном им языке и имели общую материальную и духовную культуру, что и было, наряду с трудовой деятельностью, основой их совместного обитания. Без сомнения, каждая такая община была частью одной этнокультурной общности и входила в состав племенной структуры.

Можно полагать, что каждая община имела свой курганный могильник, в котором хоронились только ее члены. Курган же представлял собой усыпальницу патриархальной семьи. Пока основатель семьи был жив, все умершие члены этой семьи хоронились в одном кургане. Вполне возможно, что взрослые дети мужского пола создавали новые семьи и отделялись, а для своих умерших они устраивали другой курган на общем курганном могильнике. Девушки, вышедшие замуж, уходили в семью мужа, и они, и их дети, в случае их смерти, хоронились в одной семейной усыпальнице, пока сохранялась эта семья. Наличие в курганных могильниках КСПДК курганов с разным количеством захоронений, видимо, отражает обычаи патриархальных семей территориальной общины того времени,

связанные и с временем ее существования, и с временем ее обитания на данной территории. Присутствие в курганах со многими захоронениями разных вариантов погребальной обрядности, с нашей точки зрения, связано с полом, возрастом, положением в семье и временем года, когда совершалось погребение, а, как правило, не с разной этнокультурной принадлежностью погребенных, как считают некоторые археологи (например, В.В. Енуков, выделяет для КСПДК две традиции, связанные с разным этносом [39, с. 41–47]). Если женщина-иноплеменница была включена в состав семьи, то она со временем воспринимала ее культурные традиции, в том числе, на нее должны были распространиться особенности погребального обряда, присущие данному коллективу.

Погребальный обряд, основу которого составляло трупосожжение, был широко распространен в VIII–X вв. и в Поднепровье, и во всей Восточной Европе. Однако погребальный обряд, связанный с памятниками VIII – начала X вв. КСПДК, имеет специфические черты, которые выделяют его среди синхронных культур. Прежде всего, необходимо принять во внимание выбор места захоронений и возведения курганов. Во всех известных нам случаях для создания кладбища культуры длинных курганов выбирались места, более древние, ранее обжитые и оставленные предшествующим населением. Это, в большинстве случаев, места поселений середины – третьей четверти I тыс. н.э., то есть селища с культурным слоем тушемлинской или банцеровской культуры. Только в одном случае у д. Акатово могильник КСПДК располагался на территории грунтового могильника ТК [167, 169]. Поэтому насыпи длинных курганов сооружены в значительной степени (а иногда и целиком) из культурного слоя ТК и соответственно включают фрагменты керамики и другие артефакты, не имеющие прямого отношения к культуре длинных курганов. Это свидетельствует о том, что население тушемлинской культуры до появления носителей культуры длинных курганов или во время их расселения вынуждено было совсем покинуть эти места поселений, либо в отдельных случаях какая-то уцелевшая часть населения ТК оставалась в своих местах обитания и сливалась с пришлым населением КСПДК. Основные пространства таких поселений оказывались свободными – незаселенными. Это позволило новому, пришедшему населению не только здесь обосноваться, но и на местах, обжитых предшествующим населением, расположить курганные могильники.

Курганы располагались кучно в пределах могильника и какого-либо видимого порядка в их взаиморасположении не прослеживается.

Обязательным условием при выборе места для самого поселения и устройства могильника было наличие в непосредственной близости водоема (озера, реки, ручья). С выбором места на берегу водоема, видимо, связано расположение на местности некоторой части курганов и их ориентация. Так, во многих случаях, длинная ось курганных насыпей была ориентирована перпендикулярно берегу водоема. С точки зрения топографической привязанности, в большинстве случаев, курганные могильники располагались на невысоких местах: от возвышенных участков поймы до пологих склонов надпойменной террасы, не заливаемые весенними паводковыми водами. Таково расположение большинства длинных курганов и самих могильников у д.д. Рядынь, Хатынь, Городок, Ганино, Дубосище, Мончино, Лопино, Цурковка, Дроково, Заозерье и др. (табл. 2). Исключением является расположение курганного могильника у быв. д. Слобода-Глушица, где он занимал край высокого левого коренного берега реки Сож. Ориентировка курганов не была случайной, она заранее планировалась при сооружении первоначальной насыпи округлой формы, когда, как правило, у этого первоначального кургана грунт брался для его сооружения и соответственно возникали ровики только с двух противоположных сторон насыпи с таким расчетом, чтобы курган можно было достраивать только в две стороны, у которых ровиков не было. Чаще всего это направление было перпендикулярным берегу водоема.

Рис.10. Курган № 3 КСПДК у д. Шугайлово

Это достаточно четко прослежено в ряде мест, в том числе и в курганных могильниках у д. Арефино в Поднепровье и у д. Заозерье в Подвинье [191, с. 89,90].

Основу погребального обряда КСПДК в VIII–X вв. составляло трупосожжение умерших, совершаемое, в большинстве случаев, вне пределов места, предназначенного для погребения и сооружения кургана (в Заозерье сожжение вне кургана было в 30 случаях из 40 изученных). Вообще во всех курганных могильниках КСПДК, подвергшихся раскопкам, использовались два варианта места сожжения покойников (на месте погребения и сооружения кургана или вне его – на стороне). Это не является специфической особенностью только племен КСПДК, а имело место в курганах племен Скандинавских стран, у балтских племен в Прибалтике и у некоторых групп славян в Восточной Европе. Видимо, это не связано с социальным положением или полом умерших, так как все захороненные в длинных курганах имели однотипный инвентарь и не выделялись какими-либо особыми деталями в размещении праха на месте погребения. Не исключено, что использование двух вариантов мест сожжения покойников, в некоторой степени, могло быть связано с временами года или другими природными факторами, а также сожжение умершего могло совершаться вне места погребения в случае гибели на чужбине.

Такие специальные места сожжения умерших вне курганных насыпей в пределах рассматриваемой территории КСПДК пока не обнаружены и не изучены, а поэтому сказать что-либо о конструкции костра, сложенного из дерева, и о характере обрядов, сопровождавших процесс сожжения, пока нет каких-либо оснований. Единственное, что можно представить по материалам, полученным в результате исследований, так это обрядовые действия после окончания сожжения и затухания костра, и переноса праха к месту погребения, и сооружения кургана.

Рис.11. Глиняный гончарный сосуд первой половины X века из длинного кургана у д. Купники

На месте сожжения умершего часть остатков кремации собирали и помещали в глиняный сосуд-урну, остальное также брали и все вместе с урной приносили на место погребения и сооружения кургана.

В большинстве случаев, в качестве урны использовали лепные глиняные сосуды и только в X в. и весьма редко урнами служили глиняные сосуды, изготовленные на гончарном круге (рис.11), но иногда в качестве урн использовали туески, изготовленные из бересты. Встречаются также погребения без урн, но это не исключает использования в качестве урн сосудов, сделанных из дерева или коры деревьев, которые истлели и до наших дней не сохранились. Само место погребения предварительно очищалось и иногда покрывалось тонким слоем глины или суглинка. Независимо от того, была ли глиняная подсыпка или отсутствовала, на этом месте разводился костер, следы которого прослеживаются на поверхности в основании курганной насыпи в виде мелких угольков и следов золы и часто грунт в этих местах несет следы некоторой прокаленности. Весьма затруднительно определить, что служил ли этот костер на месте погребения целям только очищения участка от травы и мусора при отсутствии глиняной подсыпки, или во всех случаях (при подсыпке и без таковой) имел специальное ритуальное назначение. Размещение принесенного праха на подготовленном месте могло происходить разным способом. Часто в средней части подготовленного участка выкапывалась округлая в плане ямка диаметром от 0,3 м до 0,5 м (очень редко до 0,6 м), которая прорезала не только дерновый и культурный слои, но и материковый грунт часто до 0,3–0,4 м в глубину. По своей форме ямка, в некоторой степени, напоминала емкость сосуда. В эту ямку ссыпали принесенные остатки кремации и над ними сверху устанавливали урну с прахом, чаще всего перевернутую вверх дном, но иногда она помещалась и в нормальном положении. В отдельных случаях урну разбивали и ее фрагменты бросали на поверхность погребения. Реже встречаются захоронения, когда прямо на подготовленном участке, без выкапывания специальной ямки, рассыпали остатки сожжения и среди них помещали урну также либо в нормальном положении, либо перевернутой вверх дном, но иногда урну разбивали. В редких случаях вместо глины и суглинка на расчищенном участке делали подсыпку из чистого кварцевого песка.

При сожжении умершего на месте сооружения кургана выбранный участок очищали и иногда посыпали глиной и реже – песком [226, с. 93] и на нем сооружали костер из дров (чаще использовались дуб, береза, реже – хвойные породы дерева). На груду дров укладывали покойника в одежде и клали ему некоторое количество вещей [226, с. 93, табл. 51–53]. После окончания сожжения остатки кремации (кальционированные кости, угольки, зола и пр.) сгребали в кучу к центру площадки. Часть праха помещали в глиняный сосуд-урну, а остальное оставляли на выжженной поверхности и на этих остатках установили урну.

В Заозерье при раскопках кургана № 48, погребение 3 было установлено, что при сожжении на месте женщина была помещена на костер головой к западу [226, с. 93,

табл. 51, 53]. Это было определено при разборке кострища, в западной части которого найдены металлические украшения головы, шеи и груди, в средней части кострища были фрагменты вещей, которые можно сопоставить с украшениями рук, а в восточной части кострища фрагментов украшений и других вещей не найдено. Такое расположение на кострище вещей дало основание считать, что женщина во время кремации лежала головой к западу. Вообще же при кремации умерших на месте погребения, остатков металлического инвентаря в захоронениях сохраняется больше, чем при сожжении на стороне. При сожжении на месте часто еще до сгребания остатков сожжения в кучу, в средней части подготовленной площадки выкапывали округлую ямку, в которую помещали часть остатков кремации, а другую часть, ссыпанную в урну, устанавливали сверху, чаще всего вверх дном. Нужно отметить, что часть урн была в огне и сильно прокалена, их поверхность имеет светло-сероватый цвет и растрескалась, не исключено, что эти сосуды были в огне во время трупосожжения или размещались на еще не остывшем кострище среди углей.

Как правило, рассмотренные способы размещения остатков кремации на древней поверхности в основании кургана, на подготовленных площадках или на небольших подсыпках глины или песка представляли собой первые погребения, совершенные в создаваемых длинных курганах. Иногда эти погребения сверху засыпались чистым песком [226, с. 93], но над каждым из таких первых погребений возводился курган, круглый в плане, насыпанный грунтом, взятым, чаще всего, непосредственно с двух сторон сооружаемого кургана. В результате выемки грунта для сооружения кургана образовывались углубления в виде ровиков. Кроме того, на прилегающих к кургану участках и за пределами ровиков снимался поверхностный слой (дерн и часть культурного слоя древнего поселения тушемлинского времени), который также шел на сооружение курганной насыпи. Некоторая часть курганов КСПДК так и осталась круглой формы с одним захоронением, но в большинстве случаев с первоначальным курганом связывались последующие захоронения.

Населением КСПДК практиковалось также сооружение курганов четырехугольной формы, под насыпью которых могло быть как одно, так и несколько захоронений. В курганном могильнике у д. Акатово курганные насыпи были в четырехугольных срубах, от которых сохранились обгоревшие бревна и в одном из курганов прослежены два венца бревен. Четырехугольная форма этих курганов фиксируется также и по расположению прямых ровиков вдоль краев деревянного сруба или земляной насыпи, где следы дерева не сохранились [170, с. 88,89, рис. 3,4].

Широкое распространение имели погребения, размещенные на выровненном краю насыпи уже существовавшего кургана, либо на специальной подсыпке к краю кургана, либо на поверхности земли у края кургана. При сожжении умершего вне кургана размещение принесенных остатков кремации на этих дополнительных площадках имело те же особенности, как и при первом захоронении на поверхности материка. В отдельных случаях сожжение умерших производилось и на таких дополнительных площадках по тем же обычаям. При засыпании землей таких погребений курганная насыпь увеличивалась как в длину, так частично и в высоту. При совершении нескольких таких погребений курган принимал удлиненную или длинную форму. Четкая картина постепенного сооружения насыпи по мере совершения очередных погребений зафиксирована неоднократно при раскопках: курган № 63 у д. Заозерье [226, табл. 79]; курган № 2 у д. Слобода-Глушица [168, с. 180, рис. 2], курган № 14 у д. Арефино [219, с. 63, илл. 15] и другие.

Погребения, размещенные на выровненной поверхности, либо в специально выкопанной неглубокой округлой ямке на подготовленной площадке в пределах уже существовавшего кургана, сопровождались урнами, поставленными нормально или в перевернутом положении, или специально разбитыми, или вообще они могли не иметь глиняных урн, но это не означает, что погребения без глиняных урн были всегда безурновыми. Население

КСПДК наряду с глиняными сосудами-урнами использовало в качестве урн берестяные туески (Арефино, Купники, Заозерье, где они найдены слегка обуглившимися) но туески или деревянные сосуды, использованные в качестве урн не всегда могли сохраниться до наших дней.

Такие погребения, совершенные у кургана на присыпке, на выровненной поле кургана или на поверхности его вершины с последующей досыпкой грунта и увеличением размера самого кургана, следует называть дополнительными.

При сожжении на стороне практиковался еще один способ размещения остатков кремации в уже существовавшем кургане. В таких случаях в насыпи кургана выкапывали округлую ямку и в нее помещали принесенные остатки кремации с урной или без таковой, яма засыпалась до уровня поверхности кургана и курганная насыпь чаще всего не увеличивалась в своих размерах. Такие погребения в ямках курганных насыпей можно называть вводными

Последующие погребения в уже существующих курганах были весьма разнообразными как по месту размещения самих захоронений в курганных насыпях, так и по общему последующему оформлению насыпи, по наличию урн и другим признакам. К настоящему времени в археологической литературе имеется несколько классификаций погребений КСПДК, основанных на учете разных признаков. Нами была в 1963 г. предложена классификация погребений только КСДК, учитывающая такие основные признаки: место сожжения умершего, место и способ размещения остатков кремации в курганной насыпи [170, с. 99–104]. В.В. Седов в 1974 г. при создании классификации погребений в длинных курганах использовал данные не только КСПДК, но и псковских длинных курганов совсем другой этнической общности со своими специфическими особенностями погребального обряда и инвентаря. Это значительно усложнило классификацию. Он за основу классификации взял: место сожжения, способ размещения остатков сожжения в насыпи курганов, что позволило ему выделить 11 типов захоронений [112, с. 18–20]. В.В. Енуков в 1990 г. разработал более детальную классификацию погребений только для КСПДК, в которой не учитывалось место сожжения, но дополнительно выделялось: наличие урны, ее положение и некоторые другие признаки [39, с. 17–24].

Рис. 12. Курган № 3 у д. Шугайлово в процессе раскопок

Каждая из вышеприведенных классификаций погребений КСПДК имеет свои преимущества и свои недостатки и может быть использована при изучении курганных древностей.

Разные формы и размеры курганов в могильниках КСПДК VIII – середины X вв. и разнообразие способов размещения погребений в курганных насыпях можно рассматривать либо как явление, связанное с неоднородностью населения, обитавшего в сельских территориальных общинах того времени, но сложившегося еще в области формирования культуры за пределами Смоленского Поднепровья и Подвинья, скорее всего, из разных групп населения одной этнокультурной общности; либо как результат изменений идеологических представлений и, соответственно, как незаконченность процесса формирования устойчивых форм погребальной обрядности. В Смоленском Поднепровье и Витебско-Полоцком Подвинье такое разнообразие в погребальной обрядности было характерно только в период существования КСПДК VIII–X вв., что выделяет ее из числа других культур как предшествующего времени (тушемлинская культура), так и последующего времени (культура курганов летописных кривичей XI–XIII вв.).

Погребальные обрядности КСПДК самобытны и не имеют прямых аналогий в синхронных древностях восточнославянских племен. Также они кардинально отличаются от погребальных обрядностей псковских длинных курганов VI–VII вв. и псковских круглых курганов VIII–X вв., хотя формы самих курганных насыпей в некоторых случаях могут и совпадать. Без сомнения, КСПДК и КПДК оставлены населением разной этнической принадлежности.

Вещевой комплекс КСПДК VIII–X вв.

Погребальный обряд населения КСПДК предусматривал захоронение умерших вместе с некоторым количеством вещей. Это могли быть не только предметы одежды, но и орудия труда, и бытовые вещи, и украшения. Их характер и количество определялись принятыми тогда традициями и, видимо, зависело от пола и возраста умерших. Наряду с погребениями, в которых были единичные вещи или они даже были безынвентарными, но в отдельных захоронениях КСПДК, хотя и редко, было обнаружено значительное количество вещей, преимущественно поврежденных и сохранившихся в виде фрагментов, но все-таки позволяющих составить представление о характере погребальных вещевых комплексов того времени. Сохранность вещей в погребениях плохая и это объясняется тем, что во время кремации умерших под действием огня вещи либо сгорали или совсем разрушались, превращаясь в слитки металла и стекла, либо несколько менялась их форма, или от них сохранялись только обломки разных размеров, иногда мало информативные.

Как правило, целиком сохранившиеся вещи в погребениях встречаются весьма редко, некоторая часть таких вещей найдена деформированной. Кроме того, нужно учитывать, что при трупосожжении вне места захоронения и возведения кургана, не все остатки кремации могли быть собраны, помещены в урну и дополнительно без урны принесены на место погребения. Это в каждом отдельном случае затрудняет решение вопроса о количестве вещей и их взаимосвязи с другими вещами в погребальном комплексе, в том числе, и решение вопросов, связанных с этнокультурной атрибуцией как вещей, так и самих погребенных.

Но, вместе с тем, погребения в длинных смоленско-полоцких курганах в целом нельзя считать бедными инвентарем. Вещи из погребений КСПДК, в некоторой степени, позволяют решать многие вопросы хозяйства и культуры населения того времени. Орудия труда, оружие и другие предметы дают представление о кузнечной обработке железа и

стали, об особенностях изготовления и разнообразии вещей из цветных металлов, кости и глины. В большинстве как женских, так и мужских погребений была керамика, либо в виде целых глиняных лепных сосудов, либо в виде их фрагментов.

Прежде чем рассматривать конкретные вещи из погребений КСПДК, следует дать общую характеристику отдельным вещевым комплексам как из мужских, так и из женских захоронений VIII–X вв.

В курганном могильнике у д. Заозерье, в кургане № 48, женское погребение 3 было совершено трупосожжение на месте сооружения кургана и в остатках кремации найдено значительное количество вещей, побывавших в огне. По расположению основных вещей удалось определить, что при сожжении умершая была положена на костер головой к западу. Вещевой комплекс, полученный при изучении кострища, состоявший из вещей, сохранившихся целиком или в виде фрагментов, позволил восстановить полный типичный убор и характер украшений взрослой женщины того времени. Главным элементом убора головы был металлический головной венчик ленточного типа с привесками (типа прил. рис. 18:7 и 9:1). В данном случае это подтверждается находками всех элементов, составлявших венчик такого типа: спиралей (прил. рис. 13:1); разъединительных пластин-обоймиц (прил. рис. 13:16–18); биэсовидных подвесок-держателей к венчику: (прил. рис. 14:5,15) и трапециевидных привесок (прил. рис. 13:8,9). Полное описание головного венчика дано ниже. Голову украшали также плоские височные кольца (прил. рис. 13:4). На шее и груди были ожерелья, составленные из стеклянных бус (прил. рис. 13:12–14) и спиралек малого диаметра. Женский убор в других захоронениях мог включать еще: шейные гривны, браслеты, перстни и некоторые другие предметы украшений, но в данном погребении кургана № 48 они среди мелких фрагментов бронзовых вещей и сплавов металла не обнаружены. В рассмотренном нами погребении 3, кроме вещей убора, еще найдены: разбитый орнаментированный глиняный сосуд-урна (прил. рис. 13:6); пряжка (прил. рис. 13:3) и фрагмент костяного орнаментированного одностороннего гребня (прил. рис. 13:11). Подобные вещевые комплексы чаще бытовали в VIII–IX вв. и реже встречаются среди погребений начиная с последней четверти IX в.

В конце IX–X вв. преобладают погребения женщин с металлическими головными венчиками жгутового типа (прил. рис. 18:8). Примером вещевого комплекса, включающего венчик жгутового типа может служить женское погребение 2 из кургана № 5 у д. Заозерье (прил. рис.11).

Венчик этого типа состоял из одного или двух рядов сравнительно крупных спиралей (прил. рис. 11:14–17), одетых на шнуры, концы которых завязаны в виде пучка, а к нему при помощи колечек крепились плетеные цепочки (прил. рис. 11:29) с подвешенными ромбовидными подвесками (прил. рис.11:24, 27). Полное описание головного венчика жгутового типа дано ниже. Головной убор погребения 2 дополнялся плоскими височными кольцами (прил. рис. 11:19,20). Грудь и шея украшались ожерельями, состоявшими из стеклянных бус и бронзовых спиралей. Погребение включало также фрагмент серебряного браслета (прил. рис. 11:18) и разбитый глиняный лепной сосуд-урну (рис.11:28). Вещевые комплексы со жгутовыми венчиками вообще включали и другие предметы – бытовые вещи и украшения: трехдырчатые подвески-держатели с трапециевидными привесками; равноплечую фибулу, круглую бляху (прил. рис. 10:1–7) [226, курган № 68, табл. 99].

В большинстве изученных женских вещевых комплексах с головными венчиками ленточного и жгутового типов полного набора всех элементов убора и украшений в раскопанных курганах пока не найдено (прил. рис. 14,15). Однако, по наличию в погребениях не всех, а только отдельных, частично сохранившихся элементов можно определить тип венчика и характер убора, т.е. все они, без сомнения, относятся к одной и той же этнокультурной традиции. Неполные наборы вещей в погребальных комплексах можно объяснить

тем, что либо часть вещей в огне расплавилась и превратилась в слитки и капли металла, но они действительно могли быть в погребениях, или вещи и их фрагменты по каким-то причинам при кремации вне кургана в погребение не попали, либо погребенные не имели полного комплекта вещей в уборе, но пока для решений этого вопроса чаще всего нет оснований.

Мужские погребения содержат мало вещей. Определить пол погребений без вещей у нас нет оснований, так как специальное остеологическое изучение по определению пола погребенных не проводилось. Примерами вещевых мужских комплексов КСПДК могут служить захоронения из разных могильников. Погребение 6 из кургана № 48 у д. Заозерье [226, с. 92–95, табл. 49,51,53], совершенное в материковой ямке, содержало глиняную урну и бронзовую фибулу (прил. рис. 15:12,13).

Погребение 1 в кургане № 2 у д. Купники, совершенное в подкурганной ямке, включало глиняный сосуд-урну, железный нож и железную трубочку для трута [218, с.14,15; илл. 5:4,6].

Погребение 3 в кургане № 10 у д. Купники содержало: фрагменты урны и железную четырехугольную пряжку с вогнутыми боковыми краями [218, с.17–20; илл.15].

В погребении кургана № 6 у пос. Колодня, совершенного в специально выкопанной ямке, были: глиняный сосуд-урна, железный узколезвийный топор и железная четырехугольная пряжка с вогнутыми боковыми краями [220, с. 112,113; илл. 12:1–3].

Некоторые мужские погребения содержали иногда еще калачевидные кресала, пинцеты и другие единичные вещи. Вполне вероятно, что отдельные раскопанные захоронения, не имевшие инвентаря, могли принадлежать мужчинам.

В большинстве погребений как женских, так и мужских и повсеместно в культурном слое поселений КСПДК керамика является наиболее массовым материалом, поэтому характеристику отдельных категорий вещей для всех типов памятников КСПДК начнем с керамических изделий.

Керамика (глиняная посуда, рис. 4,13,14). Изделия из глины, обнаруженные в захоронениях КСПДК, представлены преимущественно лепными сосудами, изготовленными из местных глин со значительной отощающей добавкой дресвы (зерна растолченного гранита) вручную без применения гончарного круга. Обычно глина с добавкой перемешана не тщательно и дресва распределена неравномерно. Использовались два способа обжига: восстановительный и окислительный. Стенки сосудов на изломе могут быть как одноцветными (красными), так и двухцветными (снаружи – красноватыми, внутри – темными). Некоторая часть сосудов подверглась вторичному обжигу на костре во время трупосожжения. Основная масса найденных сосудов плохой сохранности: механическая прочность их невелика, а сосуды, подвергшиеся вторичному обжигу во время кремации, деформированы, и их поверхность местами растрескалась и вспучена или ошлакована. По своим формам они сравнительно однообразны, хотя в целом подразделяются на горшки и миски. Горшки (прил. рис. 7:10–13; 11:28; 15:10,13), которые использовались в качестве урн и сопровождающих сосудов, обнаружены в пределах погребений как целиком сохранившимися и поставленными либо в нормальном положении, либо, и чаще всего, в перевернутом положении – вверх дном; так и в виде скопления фрагментов (часто это – просто раздавленные грунтом насыпи горшки, или специально разбитые).

Непосредственно в погребениях среди остатков кремации найдены и миски (прил. рис.7:14; 12:8), иногда вместе с горшками, как например, в кургане № 14 (1) у д. Арефино [219, с. 60–63, илл. 5 и 16]. Кроме того, фрагменты таких же по форме сосудов встречались в грунте курганных насыпей и в культурном слое на территории курганных могильников (Заозерье, Шугайлово, Слобода-Глушица и др.). Все найденные горшки по своей форме имеют много общего. Это – приземистые сосуды, у которых нижняя часть имеет форму усеченного конуса, перевернутого вершиной вниз. В верхней трети сосуды имеют наибольшее расширение, которое как бы образует плечико, которое, сужаясь, переходит

Рис.13. Лепной глиняный сосуд-урна из погребений КСПДК у д. Дроково

в короткую шейку и венчик (прил. рис.14:1). Все горшки выглядят приземистыми, низкими, так как, в большинстве случаев, их высота (12–18 см), как правило, меньше максимального диаметра на уровне плечиков (исключения встречаются редко и отмечены в Смоленском Подвинье только в курганах у д. Шугайлово (прил. рис. 36:2).

По характеру оформления нижней части сосудов можно выделить два варианта. **I**. Конусообразная часть сосуда от днища до плечика на профиле имеет некоторую вогнутость (прил. рис. 15:10). **II**. Нижняя часть сосуда в профиле ровная или слегка выпуклая (прил. рис. 14:7;15:13). Оба варианта имеют одинаковые особенности оформления верхней части сосудов: **а** – шейка четко выражена и венчик отогнут наружу (прил. рис.13:2); **б** – тоже самое, но венчик поставлен прямо – вертикально (прил. рис.13:6); **в** – иногда венчик отогнут во внутрь и шейка слабо выражена [220, илл. 3:2]. Все сосуды гладкостенные и большинство не имеет орнаментации. Орнаментированные горшки в погребениях встречаются сравнительно редко. Для украшения сосудов чаще всего использовался ложногребенчатый орнамент, нанесенный по сырой глине до обжига концом тонкой палочки, обмотанной тонкой веревочкой. Такие ложногребенчатые оттиски наносились или по краю венчика, или по плечику, или сразу и по венчику и по плечику в виде наклонных рядов (прил. рис. 7:12,13). Иногда такие оттиски на плечиках сосудов составляли зигзаги [220, илл.18:1], или были в виде других комбинаций (рис. 13).

Реже встречается орнамент в виде ряда ямочек – оттисков пальца по краю венчика (прил. рис.13:6) и еще реже украшали стенки сосудов круговыми зигзагообразными или одиночными углообразными нарезками (прил. рис. 12:7; 15:13). Также очень редко поверхность горшков украшалась глиняными небольшими налепами (прил. рис. 15:10).

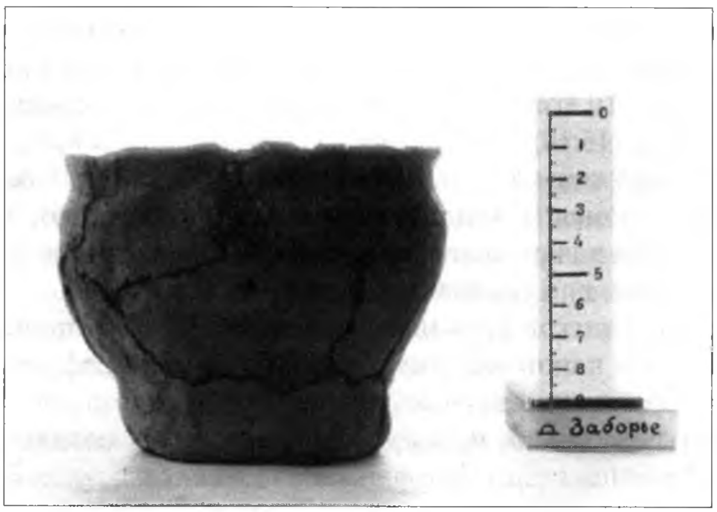

Рис.14. Глиняный сосуд-урна из курганов у д. Заборье

Глиняные миски по форме все примерно одинаковые. Они имеют значительное превышение диаметра на уровне плечиков над общей высотой. Их закругленно выпуклые стенки завершаются венчиком, слегка отогнутым вовнутрь или почти вертикальным. Все они не имеют орнамента и отличаются между собой только размерами (прил. рис. 7:14; 12:8).

Происхождение керамики этого типа у населения КСПДК и развития ее форм из керамики тушемлинской, банцеровской, мощинской и

других восточнобалтских культур третьей четверти I тыс. н.э. на имеющихся материалах типологически не может быть доказана. Некоторое сходство керамика КСПДК имеет с керамикой пражско-корчакской, роменской и Луки Райковецкой, связанных со славянским этносом. Однако, это далеко не означает, что население вышеуказанных славянских культур непосредственно входило в формирующуюся конкретную общность балтских племен КСПДК, сложившуюся в пределах территории балтов. Конечно, из основных форм тушемлинской керамики VI–VII вв. она возникнуть не могла, так как сосуды ТК были сравнительно высокими и слабопрофилированными. Такие типы сосудов вполне соответствовали тем отопительным сооружениям в виде наземных открытых очагов овальной формы, на которых их использовали для приготовления пищи и для других целей. И до тех пор, пока сохранялись наземные жилища столбовой и кольевой конструкций с открытыми очагами сохранялась и высокая слабопрофилированная глиняная посуда.

Для большинства племен, у которых были наземные дома или полуземлянки с печами-каменками или с глинобитными печами, имевшими ровный под, свод и невысокое устье, вполне соответствующими таким печам были профилированные, выпуклобокие, сравнительно низкие горшки, в том числе, и с выпуклыми округлыми плечиками.

У населения КСПДК в VIII–IX вв. уже были глинобитные печи, что засвидетельствовано при изучении археологического комплекса у д. Заозерье [226, с. 97, табл. 58,59]. Тогда как ранее в пределах этого комплекса, как и на селищах у д.д. Кислые, Шугайлово, Аносинки, Ерилово, Куприно в культурном слое тушемлинского времени были только открытые очаги и типичная тушемлинская слабопрофилированная и высоких пропорций керамика [217а, с. 44 и сл., табл. 27:1–5].

Каким путем и от какой группы балтов или племен других этносов население КСПДК позаимствовало устройство глинобитных печей, пока не установлено. При использовании печей в домашнем хозяйстве для приготовления пищи в глиняной посуде были необходимы такие формы горшков, которые при минимальных затратах топлива и времени давали готовый продукт. Для этого малопригодными были высокие и слабопрофилированные формы горшков, использованные в предшествующее время местными племенами балтов (днепродвинскими, тушемлинскими и другими группами населения). Максимально удобными и эффективными для хозяйственного использования в печах того времени были невысокие сильно профилированные горшки с высоким плечиком. В данном случае форма используемых горшков определялось не этническими многовековыми традициями керамического производства местного населения, а хозяйственно-экономическими требованиями.

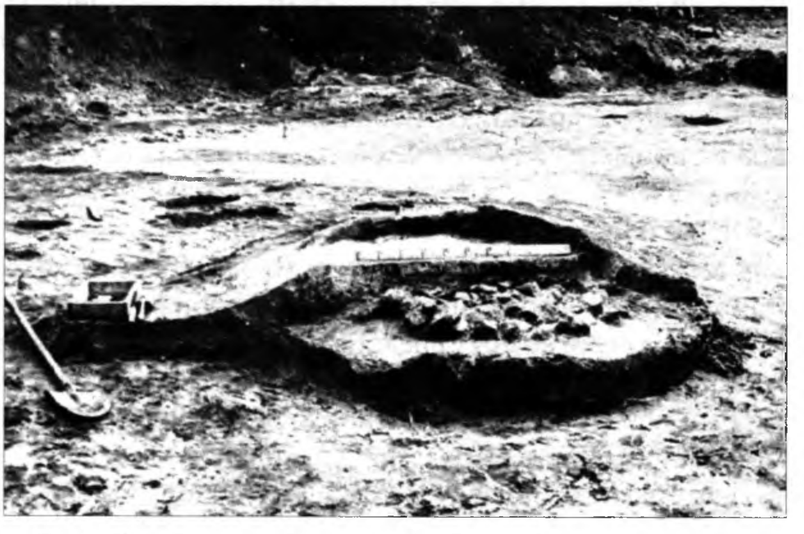

Рис.15. Основание глинобитной печи под курганом № 59 у д.Заозерье. КСПДК

Решить вопрос: у каких племен низкие профилированные горшки этого типа были заимствованы населением КСПДК – пока затруднительно. Вполне возможно, что такие формы горшков в период формирования этой культуры были первоначально просто заимствованы у своих соседей, не исключаются и славяне, но они не привнесены в результате переселения больших масс иноэтничного населения при

формировании КСПДК. Это подтверждается, в некоторой степени, особой технологией изготовления глиняных сосудов, не свойственной вышеуказанным группам славянского населения, обитавшим южнее. При подготовке глиняной массы для изготовления посуды население КСПДК в качестве отощающей добавки к жирной глине использовало дресву, а не шамот. Стенки вылепленных ими сосудов с дресвой не такие массивные, как при использовании других добавок. Дресва же, как отощающая добавка к жирной глине, традиционно использовалась восточными балтами начиная с раннего железного века.

Есть достаточно оснований полагать, что вся КСПДК, включая керамику, первоначально сформировалась за пределами Смоленского Поднепровья и Подвинья и в уже таком оформившемся виде распространилась на этих пространствах. Каких-либо существенных изменений форм керамики КСПДК во время ее бытования с VIII по X вв. в Смоленском Поднепровье и Подвинье под влиянием других культур не происходило. Некоторым исключением является северная окраина территории КСПДК в Подвинье, где, видимо, частично сохранялось после VII в. население тушемлинской культуры, или, может быть, сказывалась близость культуры псковских курганов, традиции керамического производства которых иногда проявлялись в производстве глиняной посуды населения КСПДК в пограничных районах с КПДК. Примером чего может служить могильник у д. Шугайлово, в котором в курганах №№ 7, 10 в качестве урн использовались глиняные сосуды высоких пропорций, совмещавшие в себе две разные производственные традиции. Нижняя половина сосудов имела форму, близкую к цилиндрической, характерную как тушемлинской культуре, так и населению южной части КПДК. Верхняя часть сосудов представляла обычный профилированный горшок КСПДК, как бы насаженный на нижнюю цилиндрическую часть (прил. рис. 7:10 и 336:1).

Туески. В погребальном обряде КСПДК использовалась также посуда, изготовленная из березовой коры. В частности, в качестве урн служили туески, изготовленные из бересты. Они нами засвидетельствованы непосредственно в двух курганных могильниках в погребениях среди остатков кремации (Купники и Арефино). Их могли использовать в качестве урн, а также и в других целях. В кургане № 14(1) у д. Арефино [219, с. 90; илл. 12, 14:1–4; 17:2–5] В курганах №№ 1 и 2 у д. Купники [218, с. 9–17, илл. 3, 5]. В погребениях были также фрагменты днищ туесков, состоявшие из двух слоев бересты [219, илл. 14: 1–4; 218, 3:17]. Сохранились целиком донца нескольких туесков, диаметром 10 см и 16 см и фрагменты стенок, но форму их по этим находкам восстановить трудно и решить, были ли они цилиндрической формы или усеченноконическими. В курганах №№ 1 и 2 у д. Купники в погребениях часть туесков не содержала остатков кремации и, видимо, не являлась урнами.

Вполне возможно, что использовалась также посуда, изготовленная из дерева, но если она не побывала в огне и не обуглилась, то в песчаном грунте курганных насыпей не сохранилась.

Вещи и другие материалы, полученные в результате изучения погребальных памятников КСПДК, позволяют решать не только вопросы хозяйственной деятельности, но дают и некоторую информацию о других сторонах жизни населения КСПДК, в том числе, о культуре и религиозных представлениях населения того времени. Такую информацию содержат многие категории вещей, рассмотренных нами в данной работе.

Вещевой комплекс погребений КСПДК, кроме керамики и туесков, включал и другие самые разнообразные вещи. Это – различные украшения, орудия труда и бытовые предметы. Количество их как в женских, так и в мужских захоронениях от VIII в. к середине X в. заметно убывало. Кроме того, мужские погребения содержали мало вещей, а иногда только глиняный сосуд-урну или даже бывали без инвентаря. Женские захоронения имели значительно больше вещей, но число их, вероятно, зависело от возраста и положения погребенных.

Комплекс вещей из женских погребений

Вещественные археологические источники для всей территории распространения КСПДК будут примерно одинаковы по своим типам. Это единообразие в первую очередь относится к вещевым комплексам женских погребений. Общеизвестно, что женский костюм и комплекс женских украшений являются важнейшими этнокультурными признаками. Сопоставление женского вещевого погребального комплекса КСПДК, а не единичных артефактов из погребений, с инвентарем погребений из памятников других культур как в пределах Смоленского Поднепровья и Подвинья, так и на других смежных территориях позволяет решать вопросы о родственности и генетической преемственности рассматриваемых культур. При этом сопоставления, проводимые для более широкого хронологического диапазона времени от середины I тыс. н.э. до начала II тыс. н.э., помогут более конкретно рассмотреть некоторые вопросы общего этнокультурного развития населения Верхнего Поднепровья и Подвинья в целом, и каждого региона в отдельности, и определять этническую принадлежность отдельных групп населения, в том числе, и летописных кривичей XI–XII вв.

Головной убор и система женских украшений КСПДК

Несомненно, к головному убору относятся следующие артефакты, найденные в женских захоронениях, в большинстве случаев сохранившиеся в виде фрагментов, что было следствием обряда трупосожжения.

Таковыми являются: проволочные спирали, разъединительные пластины-обоймицы, биэсовидные, колпачковидные и трехдырчатые подвески-держатели, трапециевидные, ромбовидные и других форм привески, цепочки, височные кольца нескольких типов и некоторые другие предметы. Основная масса этих предметов изготавливалась из бронзы, но часть височных колец была сделана из серебра, а для изготовления некоторых подвесок использовались сплавы разных цветных металлов и другие материалы. Часть этих предметов была элементами сложных составных украшений (головных венчиков и ожерелий).

Рассмотрим обнаруженные в погребениях вещи, которые могли быть самостоятельными находками. Это – целые отдельные предметы или их фрагменты, а также части составных предметов.

Спирали бронзовые (рис. 16) представлены тремя видами и все они изготавливались из тонкой проволоки в сечении выпукло-плоской или – уплощенно-треугольной. Различаются спирали размерами диаметра: крупные спирали, чаще всего встречаемые, имели диаметр около 10 мм (прил. рис. 8: 2,4; 10: 5; 14: 14–17); в некоторых случаях использовались более крупные спирали диаметром до 20 мм; спирали среднего размера имели диаметр 7–8 мм (прил. рис. 8:3); а малого размера – диаметром около 4 мм (прил. рис. 10:4; 13:4). Они имели длину до 5 см, но в большинстве случаев сохранились в виде обломков.

Практически спирали найдены во всех могильниках КСПДК, подвергшихся раскопкам. Использовались спирали преимущественно в качестве составных частей разных украшений: головные венчики ленточного типа включали преимущественно спирали диаметром 10 мм (табл. 9:1;18:7); головные венчики жгутового типа – спирали диаметром до 20 мм (табл.18:8) вместе со спиралями диаметром 7–10 мм; в ожерельях со стеклянными бусами были спирали 4–6 мм (прил. рис.13:16) и других размеров [176, с. 223, рис.1:2–4]. Вообще же бронзовые спирали были широко распространены у многих племен Восточной Европы в середине и третьей четверти I тыс. н.э., но к рубежу третьей и четвертой четверти I тыс.н.э. у племен Восточной Европы они вышли из моды, но исключением

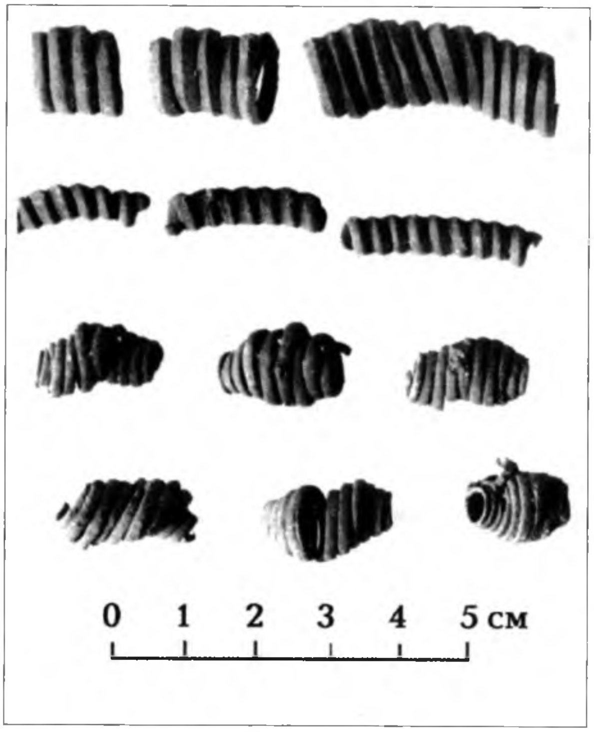

Рис.16. Бронзовые спирали из курганов у д. Заозерье

Рис.17. Бронзовые пластины-обоймицы из погребений КСПДК

были племена КСПДК. При этом, по своему внешнему облику и по сочетанию спиралей трех различных размеров в системе украшений в одном погребении (курганные могильники Цурковка, Дроково, Заозерье и др.) они характерны для КСПДК последней четверти I тыс. н.э. и для некоторых групп балтских племен этого же времени, включая латгалов, древних литовцев и других групп населения Прибалтики [64, таб. VIII и 88, таб. IV; 113а.]. У славянских племен в Поднепровье и на смежных территориях в последней четверти I тыс. н.э. они не были обязательными и характерными украшениями.

Разъединительные пластины-обоймицы (рис. 17), как правило, имели длину 4,9–5,2 см при ширине 1,9–2,5 см (прил. рис. 8:1,5;13:16-18;9:1; 14:6; 15:5). Они являлись деталями головных венчиков ленточного типа (прил. рис.18:7) и служили для сохранения ширины плоского венчика, состоявшего из нескольких рядов спиралей, одетых на тонкие шнуры.

Изготавливались они из тонкой листовой бронзы. Наружная сторона пластин-обоймиц в большинстве случаев украшалась прессованным орнаментом, включавшим прямые линии, или ряды ложной зерни вдоль длинных краев пластины, иногда дополненных округлыми выпуклинами с точкой посредине (Заозерье [226], курганы № 48, прил. рис. 52: 16–18 и табл. 53:5 и в кургане № 59, прил. рис. 70:2. [226, с. 36]; Арефино [219, илл. 27:8, 202]. Иногда они были орнаментированы выпуклыми крестиками. В отдельных случаях встречались пластины-обоймицы без орнамента.

Подвески-держатели найдены почти во всех изученных могильниках КСПДК. На 1990 г. В.В. Енуковым было отмечено 29 захоронений с подвесками-держателями двух типов: биэсовидными и трехдырчатыми [39, с. 59). В.В. Енуков называет эти подвески держатели «подвесками-цепедержателями», что не полностью отражает их функцию, так как, чаще всего, без использования цепочек к ним непосредственно на металлических колечках крепились трапециевидные и дру-

гих форм подвески. Анализ набора украшений, включавшего подвески-держатели, дает основание выделить не 2 (как считает В.В. Енуков), а 3 типа подвесок-держателей.

1-ый тип (прил. рис. 8:6,9; 9:6; 13:5,15; 14:9) представлял собой проволочные биэсовидные подвески-держатели разных размеров [226, с. 36, табл. 52: 5,15; 219, илл.19:2], к которым на бронзовых колечках или цепочках крепились преимущественно две трапециевидные привески. В свою очередь сами они прикреплялись к другим предметам украшений или к спиралям плоских головных венчиков двумя способами: либо непосредственно продевались через 1–2 оттянутых звена спиралей, либо крепились при помощи металлического колечка, продетого в оттянутые звенья спирали. Биэсовидные подвески-держатели использовались главным образом в VIII–IX вв. и реже в первой половине Х в. Подобного типа подвески-держатели были широко распространены в балтских древностях, включая латгалов [63].

2-ой тип (прил. рис. 8:21;9:5,24;10:3) – плоские металлические литые подвески-держатели подтреугольной формы с тремя круглыми отверстиями (трехдырчатые). Они выполняли такую же функцию, как и биэсовидные, то есть к каждой из них крепились на металлических колечках по две подвески трапециевидных форм. Сами же они, судя по находке в кургане у д. Вусце, могли подвешиваться к головным венчикам через выступающие звенья спиралей. Найдены они в могильниках КСПДК у д. Шугайлово (курган № 8), у д.д. Заозерье [226, с. 36, табл. 70:10], Вусце [241, рис. 24:1], Вышадки [241, рис. 30:2,3]. Изготавливались они путем литья в глиняных формах только в последний период существования КСПДК, т.е. в самом конце IX и первой половине Х вв. Это подтверждается нахождением аналогичной трехдырчатой подвески-держателя в кургане №22 курганного могильника у пос. Новоселки [221, с. 181, илл., 6:6]. Погребения в этом курганном могильнике совершались в первой половине Х в. н.э. [221, с. 160,181, илл. 6:6]. Одним из мест находок и изготовления трехдырчатых подвесок-держателей в землях КСПДК было поселение в Гнездове, которое в целом датируется второй половиной IX–X вв. В 1968 г. И.И. Ляпушкиным на поселении (селище) в Гнездове была раскопана бронзолитейная мастерская, в которой изготавливали трехдырчатые подвески-держатели и ромбовидные привески [74, 75,76] Характер производства и описание этого типа подвесок-держателей из Гнездова даны в работе Н.В. Ениосовой [36, с. 212–214].

Основная масса трехдырчатых подвесок-держателей найдена в пределах КСПДК. В Гнездове был и основной центр их изготовления. Это дает основание согласиться с мнением, высказанным В.В. Енуковым, что этот тип подвесок-держателей «характерен для территории КСПДК и является для нее одним из культурных признаков [39, с.59].

За пределами территории КСПДК такие подвески-держатели найдены в женском погребении, как деталь типичного кривичского комплекса украшений, в кургане № 77 у Мохова на Днепре в Гомельской области Беларуси [77, с.140, рис. 6] и в Городке на Ловати, где было налажено их производство [29; 30, с. 143 , рис. 2: 9,10]. Подвески-держатели 2-го типа, как деталь украшений, использовались также латгалами [64, табл. VII:1; 247, T.LIV:9].

3-ий тип (рис.18). Колпачковидные подвески-держатели (прил. рис. 8:7; 14;12). Они представляют собой полусферические подвески с уплощенными краями и выполняли функцию держателей привесок и являлись как бы соединительными звеньями в украшениях. На верху сферической части таких подвесок было одно круглое отверстие, через которое они привязывались к цепочкам или спиралям на концах жгутовых венчиков. На уплощенных краях такой подвески-держателя было три отверстия, через которые при помощи металлических колечек подвешивались трапециевидные привески. Колпачковидные подвески-держатели в захоронениях встречаются реже, чем биэсовидные и найдены в могильниках КСПДК на Смоленщине: Пищино, Хатынь, Ярцево [156, табл.V:25,26 и

Рис. 18. Бронзовые колпачковидные подвески-держатели из курганов у д. Заозерье

Рис. 19. Бронзовые трапециевидные подвески из погребений КСПДК

таб. VI:4], Арефино [68, табл. П:34], Заозерье [226, с. 39, табл. рис. 7:12]; Дроково, Цурковка, Шугайлово (курган № 3). Аналогичные колпачковидные подвески-держатели известны в могильниках латгалов [64, таб. VIII: 9,10,11]. Подобные подвески-держатели использовались так же, как элемент конструкции ручных складных весов, но тогда на краях колпачки имели 4 отверстия [244, с. 208, рис. 168]. В качестве украшений они применялись в самом конце IX – первой половине X вв. В погребении кургана №60 у д. Заозерье была колпачковидная подвеска с отверстием на вершине, но без поля с отверстиями, напоминавшая колокольчик [226, табл. 75:8). Подобные колпачки, называемые колокольчиками, широко использовались латгалами в качестве украшений [88, с. 34, табл. 3:9 и 4:3].

Трапециевидные привески (рис.19; прил. рис. 9:2–4, 23;13: 8, 9; 14:7,14; 15:6) широко использовались в качестве украшений на всей территории КСПДК с VIII в. до середины X в. В древнерусскую культуру курганов кривичей с трупоположением XI–XII вв. на этой территории они, как правило, не переходят. Трапециевидные привески встречены во всех могильниках, подвергшихся раскопкам, и отмечены в литературе в Арефине, Дрокове, Лопине, Пищине, Хатыни, Ярцеве [156, табл. IV:8; V:7–17; VI:4; VII:13–16; VIII:1,3,5–7], Акатове, Цурковке, Березинке, Василевщине (Купники), Заозерье и др. [176, с. 226], Лужесне, Устье, Борках, Баскатове и др. [241, рис. 20:2,3; 24:1; 31:1–4;32:1].

Трапециевидные привески изготавливались из тонкой листовой бронзы и использовались населением КСПДК в качестве дополнительных элементов украшений убора. Они имели размеры от 2 х 1,7 см до 5 х 3,8 см, большинство из них украшено прессованным орнаментом в виде рядов точек по нижнему краю, каймой из линий по всему периметру и прессованными кружочками с точкой посредине, но использовались трапециевидные привески и без орнамента. Такие привески малого размера подвешивались на колечках к височным кольцам (прил. рис. 8:11) или к нижнему ряду спиралей головных венчиков (прил. рис. 13:5,15). Тра-

пециевидные привески более крупных размеров использовались при помощи подвесок-держателей (прил. рис. 8:5;9:5,6;14:12) в системе украшений головного убора.

Плоские привески к головным венчикам, шейным гривнам и другим украшениям известны в Прибалтике со II в.н.э. Они имели разную форму: трапециевидную, треугольную, четырехугольную, которые эволюционно видоизменялись и часть из них орнаментировалась. У отдельных групп населения Прибалтики такие привески использовались в качестве украшений длительное время, их носили даже в начале II тыс. н.э. [246, с. 344, рис.90,91,97,98; с. 353, рис. 381; 63, с. 26,28).

В VIII–IX вв. население КСПДК и некоторые племена в Прибалтике использовали трапециевидные привески в качестве украшений совершенно одинаково. Это не только единство формы и орнаментации самих привесок, но и особенности количественного и структурного их размещения в системе украшений. Об использовании трапециевидных подвесок до формирования КСПДК населением Смоленского Поднепровья и Подвинья говорят находки таковых в ряде археологических культур. Трапециевидные подвески, преимущественно малого размера, использовались в качестве украшений населением тушемлинской культуры. Они найдены на поселениях IV–VII вв. в Заозерье, Шугайлове, Кислые [217а, с. 87,88, табл. 23:1]. Найдены они и на поселениях банцеровской культуры, датируемой третьей четвертью 1 тыс. н.э., т. е. и за пределами территории распространения длинных курганов. Таковы находки на Банцеровском городище [82, с. 259, рис. 2:9]; на городище Бураково [241а, с. 171].

Ромбовидные привески (рис. 20; прил. рис. 9:17,18,25;11:23–27 встречаются сравнительно редко. Так они найдены в погребениях курганных могильников Заозерья и Шугайлова. Во всех случаях обнаружены они вместе с плетеными цепочками, к концам которых крепились при помощи колечек.

В Заозерье в кургане № 5, погребение 1 они составляли вместе с плетеными цепочками целый набор (рис. 20 и прил. рис.11:23–27), который был частью головного жгутового венка, а в кургане № 59, погребение 2 вместе с ромбовидной привеской, попорченной огнем, были: фрагмент плетеной цепочки, спирали большого диаметра и трехдырчатая подвеска-держатель [226, с. 71, табл.15:23–27 и с. 104, табл. 70:12]. Эти захоронения с ромбовидными привесками, без сомнения, относятся к позднему периоду существования КСПДК. Найдены они в Гнездове, где было также и их производство [36, с. 214, рис. 2:4–8] и где они могут датироваться концом IX – серединой X вв. За пределами территории КСПДК подобные привески найдены в Городке на р. Ловати [29, с. 80, рис. 25:7], на Зап. Двине в Витебске – подвеска на плетеной цепочке [19а, рис. 76:7] и в погребении кургана № 77 у Мохова на Днепре, недалеко от Лоева Гомельской области Беларуси [77, с.141, рис. 1–4]. Подобные привески на плетеных цепочках использовались латгалами в качестве украшений [64, табл. V:3; 88, табл. III:12].

Рис.20. Ромбовидные подвески на цепочках из кургана № 5 у д. Заозерье

Грибковидные привески могли также быть частью одежды в качестве пуговиц, но находки их в кургане № 60 могильника Заозерье, прикрепленными к цепочкам, подтверждает, что они использовались населением КСПДК и в качестве украшений [226, с.39, табл. 75:20 21]. В длинных курганах они встречаются часто: Городок, Дроково, Хатынь, Шугайлово, Рудня, Слобода-Глушица, [39, с. 60, 61]; Заозерье, Арефино [219, с.100, илл. 28:7]. Однако, не во всех случаях можно было решить, что были они привесками как украшения или просто служили пуговицами.

Бубенчики использовались как украшения в качестве привесок и найдены в женских и мужских захоронениях. Были они в погребениях курганных могильников Арефино, Дроково, Заозерье, Рудня [39, с. 64]. Бубенчики имеют преимущественно шаровидную форму с крестообразной или прямой щелевидной прорезью. Такой формы бубенчики использовались в качестве привесок и позднее в древнерусских курганах XI–XII вв. [163, с. 211,212, рис.34:1–3]. Они были как привески и у латгалов [64, таб.I:2; II:8; 88, таб. 1:4], и у других групп населения Восточной Европы.

Привески-уточки, изготовленные из кости, найдены в погребениях 6 курганных могильников: Лопино, Хатынь, Городок, Дроково в пределах Смоленской земли и в Борках и Бескатово на севере Белоруссии [241, рис. 31:9–16 и рис. 32:4,5]. Поскольку они входили в систему украшений, связанную с головными венчиками или с другими типично балтскими элементами, и найдены они в длинных курганах как в Поднепровье, так и в Подвинье, то их можно считать вещами, характерными для КСПДК. Не исключено, что подвески-уточки были не только украшениями, но и являлись оберегами, т.е. они могли быть связаны с магией. Близкие по форме привески-уточки встречаются в древностях Латвии: у куршей [244, табл. 49:4] и латгалов [244, табл. 60:17,18; 88,табл. II:5]. Известны также подобные уточки из радимических курганов с трупосожжениями [104, табл. VI:9; 125, табл. II:4].

Цепочки, изготовленные из бронзы или железа, являлись держателями разного рода привесок и найдены преимущественно в женских захоронениях многих могильников КСПДК (прил. рис.10:2;11:23–26). Встречаются они, хотя несколько реже, и в мужских захоронениях, в которых использовались для подвешивания к поясу и одежде привесок и других предметов. В период VIII–X вв. у населения КСПДК в употреблении были три типа цепочек. **Тип 1.** Цепочки, состоящие из простых, одинарных проволочных колечек. **Тип 2.** Цепочки, составленные из колечек, в которых проволока имеет два оборота. **Тип 3.** Цепочки, сплетенные из очень тонкой бронзовой проволоки. Все три типа цепочек встречались преимущественно в погребениях конца IX – середины X вв. Такого типа цепочки широко использовались в Прибалтике, особенно латгалами [63, 1999, с. 26,31; 64, таб. II:2; IV:1–7; V:1,4–12; VII:10; X:3,4; 88, таб. III:3,4,9,12]. Цепочки вообще в качестве украшений были широко распространены в IX–X вв. у многих групп населения Европы [82а, с. 80,81], но в сочетании со строго определенными подвесками и другими вещами, уже перечисленными нами, они являются частью вещевых комплексов, характерных только для ареала древних балтов.

Все уже рассмотренные металлические предметы украшений: спирали, разъединительные пластины-обоймицы, привески и пр. использовались преимущественно как детали головных венчиков типа «вайнаг» или жгутовых и в целом были частью своеобразного женского наряда и украшений, характерных для КСПДК на основной территории ее распространения с VIII в. и до середины X в. Головной убор женщин включал обычно металлические ленточные венчики типа «вайнаги» (прил. рис.18:7), но после середины IX в. в моду входят также венчики жгутового типа (прил. рис. 18:8), хотя целиком и не вытесняют из употребления венчики ленточного типа (Полное описание венчиков дано

ниже). Оба типа головных венчиков дополнялись разными привесками. В систему металлических украшений головных уборов еще обязательно входили височные кольца.

Венчики-вайнаги ленточного типа (рис. 21) Основу венчиков составляли 4–6 рядов бронзовых спиралей диаметром 7–10 мм, одетых на шнуры, чаще всего сплетенные из лыка. Для того, чтобы лента сохраняла свою ширину, каждый участок из 4–6 спиралей отделялся в такой ленте от соседних, рядом расположенных участков бронзовых спиралей, бронзовыми разделительными пластинами-обоймицами, которые имели высоту 4,9–5,2 см при ширине 1,9–2,5 см (прил. рис. 9:1). В некоторых случаях использовались венчики-вайнаги, состоявшие только из спиралей и разъединительных пластин-обоймиц и не включавшие какие-либо другие украшения. Чаще всего ленточные венчики дополнялись другими элементами украшений. В таких венчиках в нижнем ряду спиралей 1–2 звена оттягивались и образовывали ушко, к которому при помощи проволочного колечка крепились биэсовидные подвески-держатели, или пластинчатые подтреугольных форм с тремя отверстиями – трехдырчатые подвески-держатели. В свою очередь к этим подвескам-держателям на проволочных колечках помещались бронзовые привески трапециевидные, ромбовидные и других форм, характеристика которым дана выше.

Подобные ленточные венчики с полным набором подвесок-держателей и привесок (большая часть их во время кремации была попорчена огнем и фрагментирована) обнаружены в 14 погребениях в разных могильниках КСПДК [39, с. 54]. Можно полагать, венчики ленточного типа были широко распространены у населения КСПДК. и их было больше в раскопанных могильниках, чем уже отмеченные 14 захоронений, так как во многих других погребениях найдены фрагменты разъединительных пластин-обоймиц или бронзовых спиралей и многочисленные слитки бронзы и мелкие обломки неопределенных бронзовых украшений. Вполне можно считать, что венчики ленточного типа были основными и широко распространенными украшениями женщин КСПДК. Венчики этого типа использовались в Смоленском Поднепровье и Подвинье с VIII в. и до середины X в. Однако, в Верхнем Поволжье венчики ленточного типа найдены даже в курганах с трупоположениями XI в. [151, с. 92–95, рис. 6]. В Прибалтике они были обычными элементами убора с IV по XII в. н.э. [245, с. 144; 246, с. 349,352, рис. 267–270, 350, 360]. В частности, в Нукшинском могильнике они использовались в течение всего периода совершения захоронений, т.е. с VIII по XII в., как и на всей территории проживания латгалов [88, с. 26,27, погребения 4, 10, 20 и др. табл. IV: 1–3; 64, рис. 11, табл. VIII: 18; 63, с.23]. В славянских синхронных женских погребениях за пределами территории КСПДК подобные венчики не зафиксированы.

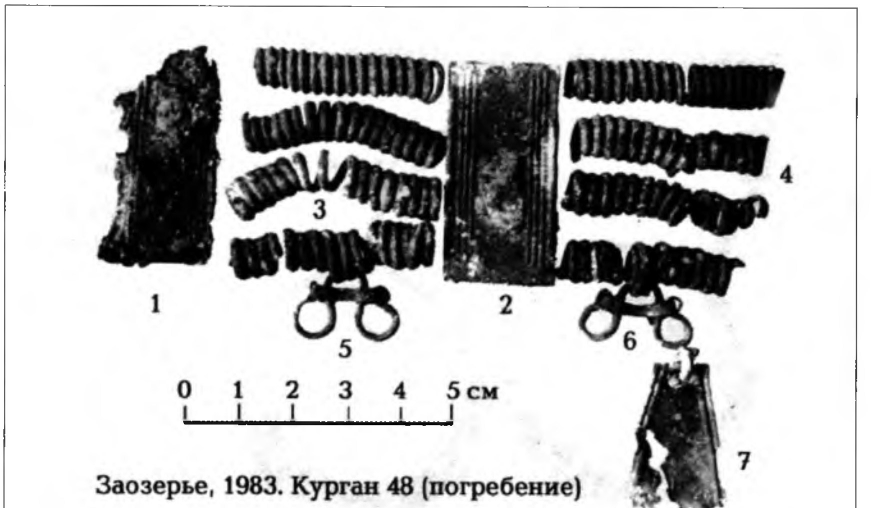

Рис.21. Часть венчика ленточного типа с подвесками из кургана № 48 у д.Заозерье

Венчики жгутового типа (прил. рис.18:8) включали несколько рядов спиралей иногда диаметром 10 мм, но в ряде случаев использовались сравнительно короткие спирали диаметром до 20 мм, которые одевались на шнуры. Спира-

ли, одетые на длинные шнуры, собирали в пучок, который не скреплялся пластинами-обоймицами, но его оба конца завязывались сзади, образуя венчик. Здесь же, сзади к пучку завязанных спиралей прикреплялись подвески-держатели с привесками, или же на прикрепленных цепочках подвешивались привески ромбовидных и трапециевидных форм. Венчики жгутового типа также часто встречаются в погребениях КСПДК, о чем говорят многочисленные находки в захоронениях разных могильников спиралей большого диаметра, бронзовых цепочек, ромбовидных и трапециевидных привесок, но при этом в них отсутствуют какие-либо следы разъединительных пластин-обоймиц. Такое сочетание находок дает полное основание считать, что они являются фрагментирванными остатками головных жгутовых венчиков [226, с. 36,37].

Венчики жгутового типа были широко распространены у населения Прибалтики. Они известны у древних литовцев и использовались ими в IX–XII вв. н.э. [246, с. 352, рис. 359, 360]; были распространены у латгалов [64, рис. 11; 88, с. 34,35, таб. IV:2,3], у которых встречаются в захоронениях с IX в. [63, с. 23], но особо широкое распространение получили у них в X в. и использовались далее в XI–XII вв. [250, s. 94, рис. 6].

Головной убор, основу которого составляли металлические головные венчики типа «вайнаг», был характерным для балтских племен и сложился он у них намного раньше, чем сформировались племена КСПДК, и продолжал использоваться длительное время после X в., когда КСПДК уже прекратила свое существование.

В археологической литературе утвердилось мнение, что металлические головные венчики как ленточные, так и жгутовые, были весьма характерны для древних литовских и латышских племен в течение длительного времени с IV по XII вв. н.э. [245, с. 144]. Однако, как нами было показано, характерны они были и для населения КСПДК в течение всего периода ее существования с VIII в. и по X в.

Височные кольца являлись обязательным элементом украшений и включались в состав головного убора. Они изготавливались из бронзы или серебра и представлены тремя основными типами.

Тип I (рис. 22). Кольца с двумя плоскими серповидными концами, заходящими друг за друга, и имеющими на концах завитки (прил. рис. 8:10;9:7,8;13:4;14:10).

Серповидные поверхности с наружной стороны имели выступающий поясок, с двух сторон которого на серповидном расширении бывает орнамент в виде зигзагообразной линии, нанесенной гравировкой. Носили их, видимо, у висков по одному с каждой стороны. По данным на 1990 г. в погребениях КСПДК они встречены 31 раз, из которых в Смоленском регионе – в 23 случаях [39, с. 53]. За пределами Смоленского Поднепровья и Полоцко-Витебского Подвинья они были найдены в Восточной Литве [99а, с. 196, рис. 67; ИЭМ, AR, 132:17; МИЛ, 12345:204]; на городище Камно в Псковской области [97а, с. 14, рис. 4:14]; в Городке на р. Ловати [29, с. 78, рис. 25:4]; в Изборске [118, с. 91].

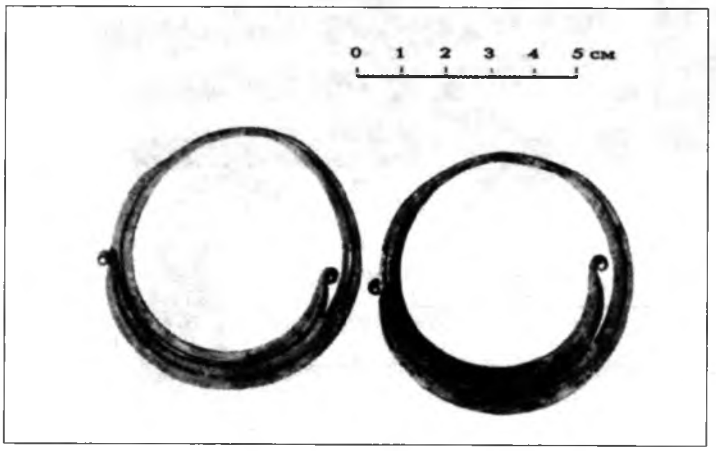

Рис.22. Бронзовые височные кольца из кургана № 65 у д. Заозерье

Тип 2 (рис. 23). Височное кольцо с одним плоским серповидным расширением, имевшим на лицевой стороне у краев один или два выпуклых пояска и 4–5 отверстий для подвешивания на колечках трапециевидных привесок (рис. 23 и прил.

рис. 8:11). Одно височное кольцо этого типа, найденное в захоронении курганного могильника Арефино, имело гладкую орнаментированную лицевую сторону с 4 отверстиями (прил. рис. 8:12). На Смоленщине височные кольца 2-го типа обнаружены в 4 курганных могильниках: Акатово [169; 170: рис. 7:13,14], Арефино [219, илл. 27:19], Цурковка [165, рис. 3:17], Хатынь; а в Подвинье – у Баскатова [39, рис. 14:4].

Рис.23. Поясной набор и височное кольцо с подвесками из кургана № 1 у д. Цурковка

Височные кольца типов 1 и 2, встречаемые в погребениях КСПДК, для других групп населения этого времени в пределах Восточной Европы не характерны. Их происхождение все-таки можно увязать с древностями прибалтийских племен. В V–VI вв. н.э. на территории Литвы женские погребения содержали проволочные разомкнутые с заходящими друг за друга концами височные кольца разных типов, в том числе, и со слегка уплощенными концами [246, с. 349, рис. 252]. Преимущественно у балтских племен существовала традиция дополнительно снабжать плоскими привесками различные предметы украшений. Видимо, с этой традицией связано оформление височных колец 2-го типа. Эта тенденция украшения привесками предметов убора в Прибалтике связана не только с височными кольцами, но в дальнейшем распространяется и на шейные гривны с плоскими концами [63, с. 27,28] и даже на браслеты и перстни [63, с. 33].

Тип 3 (рис. 24). Круглопроволочные браслетообразные разомкнутые височные кольца с завитком на одном конце (прил. рис. 9:22;11:11) являются сравнительно редкими находками в погребениях КСПДК. Всего они обнаружены в 5 захоронениях (Заозерье, Шугайлово, Слобода-Глушица, Арефино, Свила). На одном конце таких височных колец иногда имелся завиток наружу (5 экз.) или во внутрь (1 экз.). Точных аналогий височным кольцам типа 3 в синхронных древностях восточных балтов найти трудно, но полные аналогии им есть на территории Восточной Литвы, где они были в употреблении ранее в V–VI вв. н.э. [246, с. 349, рис. 253, 256, 257], поэтому исключать их из древностей балтов пока преждевременно. Однако, нужно отметить, что у восточных балтов тушемлинской культуры IV–VII вв. в употреблении были проволочные браслетообразные височные кольца с одним или двумя слегка утолщенными концами (прил. рис.7:19–22), т.е. традиция использования проволочных браслетообразных височных колец была присуща не только славянским, но и восточнобалтским племенам.

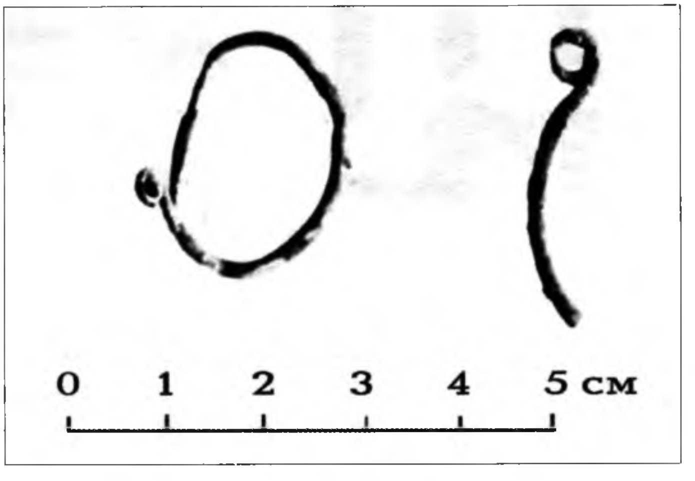

Рис.24. Перстнеобразные височные кольца из погребений КСПДК у д. Шугайлово

Украшения шеи, груди и рук. Предметы, украшавшие шею и грудь, не были столь разнообразны. Это – стеклянные бусы, составлявшие ожерелья, либо такие же ожерелья, но, кроме стеклянных бус, включавшие бронзовые спирали малого диаметра и подвески. Реже в качестве украшений использовались бронзовые шейные гривны. Кроме того, одежда на груди скреплялась металлическими подковообразными фибулами и часто на одежде крепили подвески, служившие украшениями и, возможно, оберегами.

Бусы (рис. 25) сравнительно многочисленны, но основная их масса была оплавлена во время кремации умерших и утратила первоначальную форму или вообще превратилась в слитки и капли стекла. Сохранившиеся бусы по своим типам не очень разнообразны. Преобладают бусы, изготовленные из стекла синего и желтого цвета. Редко встречаются бусы-лимонки и глазчатые (желто-зелено-красные и коричнево-красно-белые). Форма бус глазчатых шаровидная, бочковидная (прил. рис. 11:1), цилиндрическая. Синие бусы бывают сравнительно крупными, преимущественно 14-гранными (прил. рис. 8:13), изготовленными из прозрачного, синего, но иногда и голубого стекла

Бусы желтого цвета не такие крупные, по форме они бывают зонными, двойными, тройными, но могут быть и очень мелкими в виде бисера (прил. рис. 11:4; 14:11). Редко встречаются двойные и тройные бусы с золотой прокладкой или желтой краской между слоями стекла. Перечисленные типы бус характерны для большинства женских погребений и практически найдены во всех курганных могильниках КСПДК. Они, скорее всего, южного происхождения и были обычны в древностях Юго-Востока Восточной Европы и, в частности, в погребениях салтовской культуры VIII–IX вв. [33, с. 217, 229, 230].

Давать полное описание всех типов стеклянных бус из погребений КСПДК нет необходимости, так как по состоянию на 1990 г. это уже было сделано В.В.Енуковым [39, с. 62–65]. Абсолютно точные аналогии наборам стеклянных бус из смоленских длинных курганов подобрать трудно. Однако, нужно отметить, что для племен Прибалтики наиболее характерная расцветка бус, включенных в ожерелье, была также синих и желтых цветов. Так, у древних литовцев такое сочетание цвета и форм бус встречается с III–IV вв. н.э. до XII в. н. э., а крупные синие бусы были в моде до XIII в. [246, с. 345, 355, рис. 115,464].

Рис.25. Бусы-пронизки металлические и бусы голубые стеклянные из кургана № 3 у д. Шугайлово

У латгалов бусы не являлись характерными украшениями, но в тех случаях, когда они обнаружены в погребениях, ожерелье состояло из синих и желтых бусин [88, с. 36].

Бусы металлические. В Смоленском Подвинье использовались бусы, изготовленные из бронзовой проволоки в виде спиралей биконической формы. Они найдены в погребениях могильников Заозерья и Шугайлова, а также в кургане № 3 могильника Азерно. Еще бусы, изготовленные из тонкой проволоки, но цилиндрической формы, засвидетельствованы в Торопецком могильнике. Бронзовые спиральные биконические бусы были характерны для восточно-литовских курганов, где датируются VIII–XI вв. [61, рис. 6:5,6,8].

В состав ожерелий вместе с бусами часто включались простые бронзовые спиральки разного размера. В Заозерье в погребении 1, над которым не сохранилось насыпи, найдены бронзовые спиральки диаметром 5–6 мм совместно со слегка оплавленными бусами желтого цвета. В этом же погребении были бронзовые спиральные биконические бусы, сделанные из тонкой выпукло-плоской проволоки. Подобные металлические бусы найдены в курганном могильнике Азерно, где в кургане № 3 вместе с ними были трапециевидные привески, фрагмент плоского височного кольца с заходящими концами, стеклянные бусы и другие вещи. Погребение датируется X в. н.э. [241, с. 123,124, рис. 51]. В Заозерье в кургане № 60 в ожерелье вместе со стеклянными желтыми бусами были бронзовые спирали как 5–6 мм в диаметре, так и спирали диаметром 3 мм, последние изготовлены из очень тонкой проволоки круглого сечения. Включение бронзовых спиралей в ожерелье из стеклянных бус имело место также и у литовских племен в IX–XII вв. [246, с.355, рис. 464].

Бронзовые спирали, включаемые вместе с бусами в ожерелья, по своим размерам были меньшего диаметра, чем спирали для головных венчиков в этих же погребениях. Они имели максимальный диаметр до 5 мм и изготавливались из тонкой бронзовой проволоки выпукло-плоского или треугольного сечения, чаще всего, в 8–13 оборотов. Иногда встречаются спирали меньшего размера в 4–6 оборотов, были ли это цельные изделия или обломки длинных спиралей установить не удалось. Фрагменты спиралей малого размера встречаются в слитках стекла.

Население КСПДК в ожерелья включало, кроме бронзовых спиралек, еще и некоторые металлические подвески.

Гривны шейные, сохранившиеся целиком в остатках трупосожжений, пока не обнаружены. Фрагменты их замков и обломки дротов (прил. рис. 8:14–16) встречены во многих погребениях ряда могильников КСПДК. Судя по этим остаткам, большинство дротов гривен имело округлое сечение, иногда обмотанное тонкой проволокой, [220, с. 116, илл.18:9] или восьмигранное сечение дрота, иногда украшенного насечками. Концы гривен седловидной и костылевидной формы составляли замок. Гривны с такого типа концами известны в нескольких вариантах сочетания элементов замков, но определить, к какому варианту относятся находки фрагментов из смоленских курганов пока не удалось. Такого типа гривны в фрагментах найдены в курганных могильниках: Цурковка, Слобода-Глушица, Акатово, Колодня, Березинка, Василевщина (Купники), Заборье, [176, с. 228,229]; Бельмонт, Озерцо, Рудня, Торопец [39, с 55]. Подобные шейные гривны были обычными украшениями у племен Прибалтики. Их считают особо характерными для латгалов [88, с. 35, рис. 4,7; 64, с. 24, рис. 4; 63, с. 27 и рис. с. 29]. У латгалов они появляются в конце VII в. [88, с. 36] и использовались длительное время. Часто они встречаются и на территории Литвы, где датируются VIII–X вв. [246, с. 352, рис. 370,371; 245, с. 26, карта 16] Таким образом, хронологический диапазон бытования гривен с подобными замками в Прибалтике достаточно широк и охватывает все время функционирования могильников КСПДК. Отдельные экземпляры гривен этого типа найдены и за пределами территории КСПДК и Прибалтики. Так, на Украине такая гривна была в кладе у д. Ивахники, датируемом IX в. [58, с. 79,80, табл. 1:4].

Фибулы подковообразные (рис.26) изготовлялись из бронзы и железа и были в употреблении в течение всего периода существования КСПДК. Использовались они и в женском, и в мужском костюмах. Всего их обнаружено более 20 экз. в 11 курганных могильниках: Акатово, Арефино, Василевщина (Купники) Заозерье, Колодня, Цурковка, Слобола-Глушица и др. Так например, в Заозерье в захоронениях найдено 7 подковообразных фибул, из них 6 бронзовых и 1 железная (прил. рис. 15:11). По характеру оформления концов фибул их можно подразделить на 2 вида.

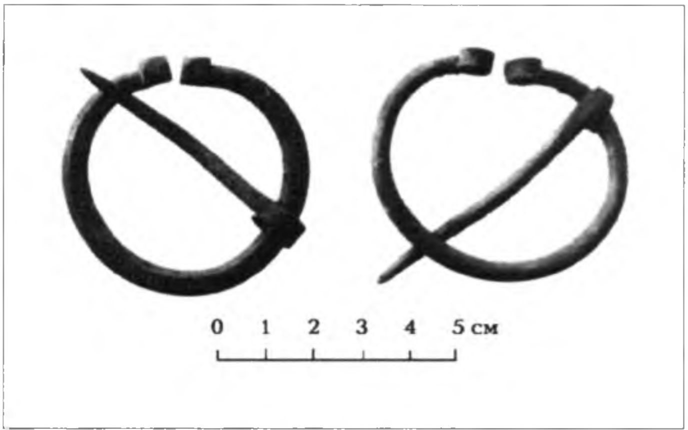

Рис.26. Бронзовые подковообразные фибулы из кургана № 63 у д.Заозерье

Вид I (рис. 26:2). Концы дуги расплющены и спирально завернуты, образуя как бы цилиндрики. Дуга фибул этого вида обычно бывает круглого сечения и может быть либо гладкой (прил. рис. 8:12; 9:19;15:12), либо украшенной косыми насечками или нарезками, составляющими зигзаги или елочку (прил. рис. 8:13). Они составляют основную массу среди находок фибул в Смоленском Поднепровье и Подвинье и найдены в курганных погребениях Заозерья, Цурковки, Хатыни, Лопина, Арефина, Василевщины (Купники), Ярцева [176, с. 229; 226, табл. 53:11,12] и датируются VIII–X вв. Ближайшие аналогии как по форме, так и по характеру орнаментации можно найти в древностях латгалов [228, табл. III:6; 88, с. 35, табл. VII; 63, ,с. 27]. Многочисленные аналогии фибулам 1-го вида имеются в Прибалтике, где они были распространены как на территории Латвии [244, табл. 63], так и на территории Литвы [246, рис. 372, 423, 435; 245, карты 33, 34 и др.]. В Прибалтике они были особенно широко распространены в VIII–X вв., хотя использовались и позже, включая XI–XIII вв.

Вид II (рис. 26:1). На концах дуги имеются граненые головки. Сечение дуги у фибул 2-го вида, чаще всего, бывает 6-гранным, а верхняя грань украшена зигзагообразным орнаментом. Обнаружены в погребениях курганных могильников Заозерья [226, табл. 81:10] и Шугайлова. Фибулы 2-го вида датируются концом IX–X вв. Точные аналогии фибулам 2-го вида в древностях соседних культур нам неизвестны, но по форме головок они близки фибулам с территории Латвии [88, табл. VIII:1, 2, 7, 6. 244, табл. 63:11,12].

Равноплечая фибула (прил. рис. 10:6) обнаружена в Заозерье в кургане № 68 в погребении КСПДК вместе с остатками жгутового головного венчика. Она имеет скандинавское происхождение и датируется IX в. Аналогии ей многочисленны как в Скандинавии [248, s. 19. Fig. 30], так и на средневековых торговых путях в Восточной Европе, например, в Гнездове [2, с. 360, рис. 8], в курганном могильнике у Торопца [59, с. 292].

Браслеты в захоронениях КСПДК встречаются в виде фрагментов, что не во всех случаях позволяет решать вопрос об их типах. Однако форма сечения пластины и орнаментация поверхности дают основание считать, что значительная часть фрагментов происходит от браслетов спиральных в несколько оборотов (прил. рис. 8:19). Сечение их пластины бывает: выпукло-плоским, трапециевидным, уплощенно-треугольным, а иногда с ребрышком вдоль середины наружной поверхности. Орнаментировались они гравировкой либо в виде зигзагообразных, либо параллельных линий. Фрагменты таких браслетов обнаружены в курганах Акатова, Вязовеньки, Березинки, Купников, Колодни, Заозерья и др. [176, с. 229]. Аналогичные браслеты характерны для древностей VIII–IX вв. Литвы [245, карта 56; 246, с. 365, рис. 498,499] и Латвии [244, табл. 43:11], где более широко были распространены у латгалов в VIII–XII вв. [88, табл.VI:2,8,11,16; 64, с. 40, рис. 26, табл. II:3; 63, с. 27, рис. на с. 11]. Таким образом, судя по найденным фрагментам браслетов, в древностях Прибалтики есть полные аналогии браслетам из погребений КСПДК и по форме и по орнаментации. Возможно, они как в Латгалии, так и восточнее у населения КСПДК распространялись из одних и тех же центров их производства.

Особой формы бронзовый браслет (рис.27:2; прил рис. 8:29) найден в кургане у д. Цурковка [165, с. 167, рис.3:15]. Дуга браслета представляет собой четырехугольную в сечении пластину, концы которой расширены и свернуты в виде полых конусовидных трубок. На наружной стороне расширенной части имеется орнамент в виде прессованной ложной зерни.

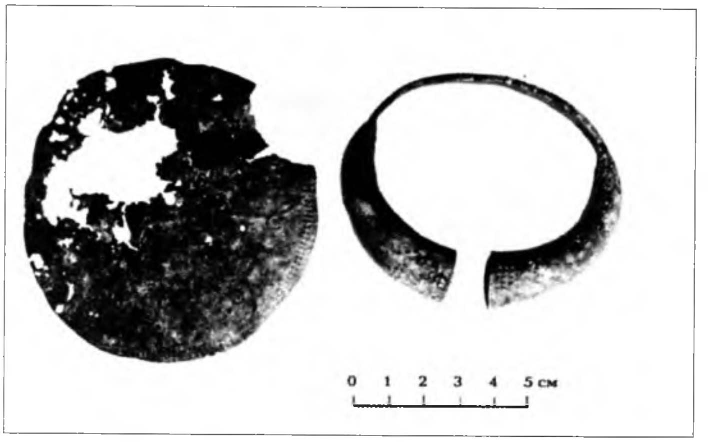

Рис.27. Бронзовые бляха и браслет из кургана № 1 у д. Цурковка

Это – единственная находка в погребениях КСПДК. Подобного типа браслеты с полыми расширенными концами, но изготовленные из серебра, встречаются юго-западнее – от Среднего Поднепровья до Дуная и бассейна Вислы. Совершенно аналогичный по форме серебряный браслет был найден среди других вещей клада в Словакии около Врбовок, датируется VII в., его отличает несколько иная система орнаментации. Подобного типа браслеты известны из кладов в Среднем Поднепровье и в районе Киева, где они были зарыты в VIII в. [58, с. 75,77, рис. 4–6]. Они также несколько отличаются характером орнаментации. Такого же типа браслет найден в Польше в Бискупине, где он рассматривается как импорт от аваров и датируется концом VII – началом VIII вв. [243, с. 311, рис. 105:17]. Такого же типа браслеты были распространены и в Литве [246, с. 148, карта 55]. Не исключено, что население КСПДК имело браслеты и других типов, но по найденным фрагментам их форма пока не может быть определена.

Перстни были обычными женскими украшениями КСПДК, и они засвидетельствованы более чем в 20 погребениях. Чаще всего перстни сохранились в виде фрагментов, хотя в Заозерье, Лопине, Арефине и других могильниках они найдены целиком сохранившимися. Часть из них изготовлена из бронзовой проволоки круглого или плоско-выпуклого сечения в виде спирали в 3–4 оборота (Арефино, Лопино, Богин). Изготавливались спиральные перстни и из бронзовой плоской полоски со слегка утонченными концами в 3 оборота (Заозерье, курган № 48). Сравнительно редко встречаются перстни широкосрединные, усатые и коронковые. Перстни спиральные, изготовленные из проволоки разного сечения, из погребений КСПДК могут быть сравнимы с находками из латгальских могильников VIII–XII вв. [88, с. 75, 77. рис. 4–6, табл. II:16–25; 63, с. 30, рис. на с. 33]. Перстни широкосрединные и усатые имели более широкое распространение в Восточной Европе.

Бляхи круглые с умбоновидным выступом посередине (рис. 27:1; 28 и прил. рис. 14:8) или без такового (табл.10:7), встречаются чаще всего орнаментированными. Все они изготовлены из тонкой листовой бронзы, были слегка выпуклыми и максимально имели диаметр до 10 см. В центре блях была округлая умбоновидная выпуклость с отверстием посередине. Вдоль краев блях располагадся орнамент в виде трех рядов штампованных точек, а между центром и краем блях иногда был также штампованный орнамент в виде комбинаций из штампованных линий и округлых выпуклин (Заозерье, к. 60 [226]; Цурковка, к. 2 [165]). В Заозерье в погребении кургана № 68 была круглая неорнаментированная бляха такого же диаметра, по краю которой располагались маленькие отверстия (прил. рис.10:7). Из 8 погребений с подобными бляхами 7 происходят из 5 могильников Смоленского региона: Арефино, Дроково, Заозерье, Цурковка, Шугайлово.

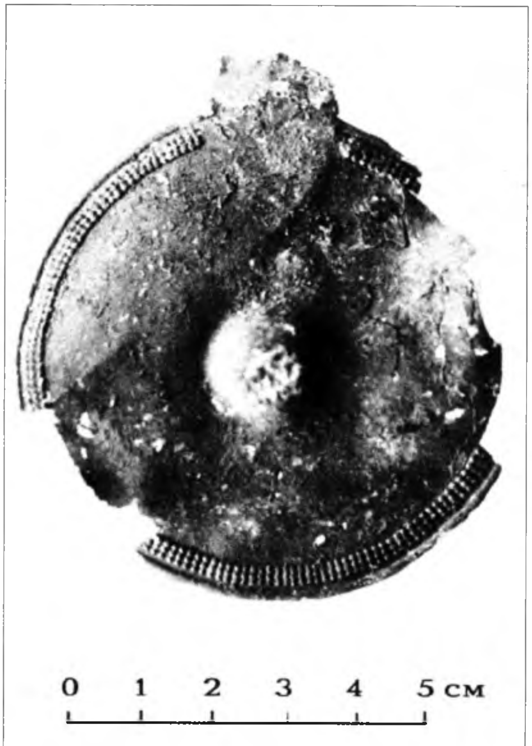

Рис. 28. Бронзовая орнаментированная бляха из курганов у д. Шугайлово

Это дает основание считать, что подобные украшения были характерны преимущественно для смоленской группы населения длинных курганов. Какое место в женском уборе занимали эти бляхи – установить пока нет возможности. Подобные бляхи соседние племена в Поднепровье и Подвинье не использовали и вообще точные аналогии нам неизвестны. Круглые бляхи в качестве украшений были у древних литовцев, но по технологии изготовления и орнаментации они заметно отличаются [246, рис. 458, 476]. Можно полагать, что подобные круглые бляхи являются специфическими украшениями, характерными только для КСПДК.

Бытовые вещи по сравнению с предметами украшений встречаются в женских погребениях не так часто. Среди них нужно отметить: серпы, ножи, гребни и пряслица.

Серпы. В смоленском междуречье Днепра и Западной Двины серпы найдены в погребениях двух курганных могильников. В Заозерье в захоронении 1 без сохранившейся курганной насыпи [226, табл. 7:2] и в Шугайлове, курган № 7, погребение 2 [183, рис. 6] Еще один серп найден в районе Полоцка в курганном могильнике Глинище [230, рис. 3:3]. Серп из Заозерья (прил. рис. 14:2, рис.29) характеризуется плоским черенком, являвшимся прямым продолжением клинка, и клинком, закругленно изогнутым почти под прямым углом. Длина сохранившейся части серпа 12 см (мысовая часть серпа обломана (рис. 29). Подобного типа серпы широко использовались не славянским населением в 3-ей четверти I тыс. н.э.[15, с.414, мал. 177].

Серп из Шугайлова [182, рис. 5] имел сильно изогнутый клинок и черенок, поставленные под углом к нему. Его размеры – 27 см. Аналогичные серпы использовались славянским населением Древней Руси в IX и последующих веках. Серп из Глинища такого же типа, как и серп из Шугайлова.

Пряслица глиняные усеченно-биконической формы (прил. рис.12:6) в остатках кремации встречаются редко. Такой формы пряслице из Заозерья (курган № 67, погребение 3) происходит из захоронения взрослой женщины. Подобные пряслица изготавливались не только населением КСПДК, но и предшествующим населением ТК в V–VII вв.[226, с. 24, 25]. Вообще же они имели широкое распространение у племен, включая славян и балтов, населявших Восточную Европу во второй половине I тыс. н.э.

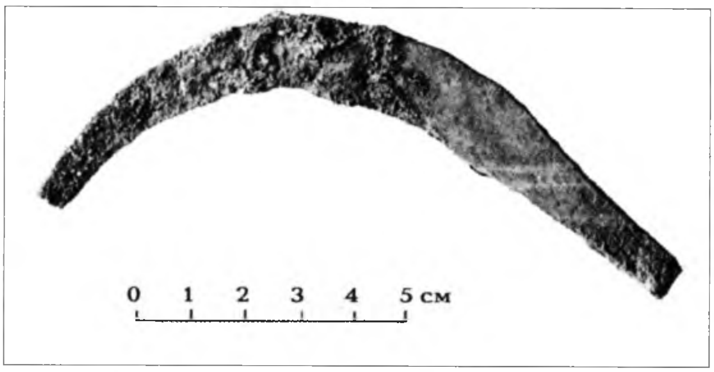

Рис.29. Железный серп из погребения 2 в кургане КСПДК у д. Заозерье

Ножи. Характеристика ножей, использованных в хозяйственных целях, происходящих из погребе-

ний в длинных курганах, дана ниже при описании вещевого комплекса мужских погребений.

Рассмотренный нами вещевой комплекс женских захоронений, сохранившийся в процессе кремации, большей частью в виде фрагментов, дает представление и о некоторых орудиях труда, и о бытовых предметах, и о женских украшениях. Причем, часть этих вещей, входивших в погребальные комплексы, самобытна и они являются характерными только для КСПДК. Это – плоские височные кольца двух типов, бляхи, трехдырчатые и колпачковидные подвески-держатели, ромбовидные подвески на цепочках и некоторые типы привесок. В целом же женский головной убор и украшения, как нами было отмечено при рассмотрении погребального инвентаря и отдельных его элементов, имели аналогии в древностях балтов (латгалов, земгалов и других групп населения Прибалтики). Это особенно четко фиксируется при сравнении головного убора и украшений из женских захоронений КСПДК и захоронений латгалов этого же времени (прил. рис.18). У тех и других эволюционное изменение отдельных типов украшений и деталей убора с VIII в. по X в. происходило одинаково (головные венчики, подвески-держатели, привески и пр.). Женский вещевой комплекс КСПДК у славян Поднепровья этого времени (древлян, дреговичей, северян и др.) аналогий не имеет.

Вещевой комплекс мужских погребений КСПДК

Мужские погребения, как правило, содержат мало вещей и иногда включают только глиняный сосуд-урну, но, можно предполагать, что отдельные мужские погребения были без инвентаря.

Ниже приводится описание вещей из мужских погребений, найденных либо целиком сохранившимися, либо в виде фрагментов, но часть из них могла встречаться и в женских захоронениях. При этом, в описании использованы преимущественно материалы, полученные в результате раскопок курганов, проведенных нами в течение ряда лет в Смоленском Поднепровье и Подвинье, и хранящиеся в Смоленском музее-заповеднике и в меньшей мере – материалы из раскопок, произведенных в Витебско-Полоцком Подвинье белорусскими археологами. Эти же смоленские материалы использовали в своих работах: В.С. Нефёдов в статьях [84,85]; В.В. Енуков при описании вещевого комплекса КСПДК в книге [39] и Г.В. Штыхов в монографии «Крывічы» [241, с. 54, мал. 35].

Ножи были сравнительно частыми находками в мужских захоронениях. По своей форме их можно отнести к трем типам. **Тип I.** Ножи, имеющие на клинке ровную или слегка выпуклую спинку, плавно переходящую в короткий плоский черенок. При переходе от черенка к лезвию есть слегка закругленный уступ [226, табл. 65:3]. Этого типа ножи были в употреблении как у населения КСПДК, так и в предшествующую эпоху тушемлинской культуры. **Тип II.** Ножи, у которых при переходе от черенка к клинку есть уступы и со стороны лезвия и со стороны спинки, но черенок у них короткий, составляющий около половины длины рукояти (прил. рис. 11:30), как и у ножей первого типа. **Тип III.** Эти ножи имеют четко выраженные уступы и со стороны спинки, и со стороны лезвия при переходе от клинка к черенку, длина которого равна длине рукояти (прил. рис.12:6; 13:10). Иногда у ножей типа III конец черенка бывает загнут под углом или завернут в колечко (курган № 48 у Заозерья [226, с. 92, табл.52:10]). Ножи типа III встречаются в погребениях КСПДК редко и были в употреблении в последний период совершения захоронений в длинных курганах. Они широко использовались в самом конце IX и X вв. и известны в погребениях этого времени в Гнездове [122, с. 57, 58, табл. VI: 22, 23 и IX:26]. Предполагается, что ножи с длинным черенком и коротким лезвием, имевшими широкий массивный

обушок, использовались не как обычные хозяйственные ножи, а как инструмент для работы по кости и дереву [122, с. 57, 58). Ножи типов I и II, имевшие лезвие длиной в 10 см и более, могли использоваться в качестве оружия.

Наконечники копий в погребениях встречаются редко и входят в комплексы вещей последнего периода существования КСПДК. Наконечник втульчатого копья из кургана № 7 у д. Шугайлово [183, рис. 6] можно отнести к типу III, весьма распространенному в Восточной Европе [49, с. 12].

Наконечники стрел в погребениях бывают редко и они относятся к двум типам. **Тип I.** Двушипные втульчатые, найденные в западной части территории КСПДК. Наконечники стрел типа I были широко распространены, начиная с VI в. н.э. на пространствах, расположенных к югу от территории КСПДК, в том числе, обычны и в древностях славян, от которых, видимо, наконечники стрел этого типа и были заимствованы населением КСПДК. **Тип II.** Черешковый наконечник стрелы с ланцетовидным пером был в погребении кургана № 50 у д. Заозерье [226, с. 45, табл. 61:1]. Подобные наконечники стрел датируются IX–X вв. Они были широко распространены в скандинавских древностях и являются частыми находками в курганах Гнездова [122, с. 72,73 и табл. IX: 11,13]. Находка наконечника стрелы этого типа в Заозерье, находившемся на пути «из варяг в греки», не исключает его скандинавское происхождение.

Топоры найдены только в трех курганах КСПДК: Колодня [220, с.113, илл. 12:1], Еловцы [164, с. 293], Катынь (фонды СМЗ). Все топоры узколезвийные: топор из кургана у д. Еловцы имел щековицы, тогда как таковой из Колодни был без щековиц, а у топора из Катыни был обломан обух.

Пряжки являются частой находкой в мужских погребениях, но встречаются они иногда и в женских захоронениях (например, курган № 5 у д. Заозерье. [226, с. 44, табл. 16:12]). Они представлены несколькими типами.

Рис.30. Курганы VIII–IX вв. у д. Арефино

Тип I. Четырехугольные пряжки с вогнутыми сторонами, преимущественно изготовленные из железа, встречаются наиболее часто. Найдены практически во всех изученных курганных могильниках: Заозерье – курган № 48 [226, табл. 52:3], Купники – курган № 10 [218, илл.7:4 и 15]; Арефино [219, илл. 27:4]; Колодня, курган № 6 [220, илл. 12:2]; Слобода-Глушица из курганов №№ 11 и 29 [168, рис. 3:9,21]; из курганных могильников Варганы и Пагодзище [241, рис. 24:2,3) и Борки [241, рис. 31:8,35]. Такие пряжки были распространены в последней четверти I тыс. н.э. на значительных пространствах Восточной Европы, также и за пределами территории КСПДК.

Тип II. Прямоугольные пряжки встречаются реже и преимущественно в восточной части территории КСПДК. Изготавливались как из железа, так и из бронзы, например, в кургане у д. Слобода-Глушица [168, рис. 3:22].

Тип III. Трапециевидные пряжки являются весьма редкими находками. Считается, что пряжки прямоугольные и трапециевидные распространились из южнорусских степей [50, с. 76].

Тип IV. Круглые пряжки встречаются очень редко: одна найдена в Заозерье, курган № 5 [226, табл. 16:12]; а также – Слобода-Глушица [168, рис. 3:7] и Глинище [241, рис.38:15].

Тип V. Полукруглые пряжки известны из Шугайлова [183, рис 5], где они, вероятно, были частью снаряжения лошади и всадника, и из кургана № 59 у д. Заозерье [226, табл.70:14].

Тип VI. Пряжки овальной формы, изготовленные из железа, встречаются редко. В Заозерье найден 1 экземпляр в кургане № 66 [226, табл. 92:3].

Тип VII. Лировидные и близкие им по форме. Использовались в последний период существования КСПДК. Они найдены: курган № 3 у д. Купники [218, илл. 11:2]; курган № 15 у д. Арефино [220, илл.18:20]; курган № 63 у д. Заозерье [226, табл.81:6]; в кургане у д. Шугайлово [183, рис. 6]; из курганов у Слободы-Глушицы [168, рис. 3:10].

Тип VIII. Составные пряжки (дужка на стержне) известны из Купников, курган № 3 [218, илл.11:1], из Арефино [219, илл. 27:13].

Поясные наборы встречаются редко. Один из них найден в погребении кургана № 2 у д. Цурковка (рис. 15). Он включал бронзовые литые орнаментированные бляшки двух типов (рис. 25).

Одни из них состояли из двух частей на шарнире. Аналогии им есть в могильниках аварского времени (VII–VIII вв.) на Мораве и Дунае у Братиславы: могилы всадников №№ 62 и 116 в могильнике у Devinska Nova Ves [242а]. Эти бляшки, без сомнения, были частью поясного набора. Кроме того, в этом же погребении у д. Цурковка найдены бляшки серебряные округлые с плоским верхом, тонкие с заклепками. Бляшки разных форм найдены также в погребениях и некоторых других курганных могильников у д.д. Арефино, Слобода-Глушица, Рудня, Глинище и др., но составляли ли они там поясные наборы – не установлено.

Пинцеты встречаются редко и отмечены только два случая находок в пределах смоленской группы курганных могильников (Колодня [220 , илл. 16:2] и Заозерье [226, табл. 12:1]. На этой территории в предшествующую эпоху ТК пинцеты также были в употреблении [217а, с. 70, табл. 6:9,10].

Кресала калачевидные (прил. рис. 24:3) известны на всей территории КСПДК, а не только «в 3 случаях, отмеченных в литературе в погребениях курганов Витебского Подвинья в пределах Белоруссии – Богин, Опса, Рудня [39, с. 71]. В Смоленском Поднепровье калачевидное кресало было вместе с железной трубочкой для трута в погребении 3 кургана № 3 у д. Купники [218 с. 24, илл. 11:10,16]. Высказанное ранее мнение о времени появления калачевидных кресал «с юга в третьей четверти I тысячелетия н.э.» с территории корчакской культуры [39, с. 72] неправомерно. Во-первых, КСПДК не сосуществовала одновременно с корчакской культурой, так как сложилась не ранее середины VIII в.н.э.,

Рис.31. Лепной глиняный сосуд-урна из погребений КСПДК у д. Дроково

когда до этого времени корчакская культура перестала существовать, что исключает их прямые контакты. Во-вторых, синхронная корчакской культуре тушемлинская культура VI–VII вв. калачевидных кресал не имела, т.е. в это время, до появления КСПДК в Смоленском Поднепровье и в Подвинье калачевидных кресал не было. В-третьих, эти кресала в погребениях КСПДК появляются только в последний период ее существования, в конце IX – начале X вв., что подтверждается всем комплексом вещей в погребениях с кресалами. Так, в погребении кургана № 2 у Рудни вместе с калачевидным кресалом был глиняный гончарный горшок-урна [241, рис. 28], который не может датироваться ранее X в. Комплекс вещей, включающий кресало, из погребения кургана № 3 у д. Купники датируется концом IX – началом X вв. Видимо, только в это время в КСПДК появляются калачевидные кресала и не исключено, что они были заимствованы у славянского населения, проживавшего в Полоцке и Смоленске (Гнездово).

Трубочки для трута (прил. рис.12:2) сравнительно частая находка в курганах Смоленского Поднепровья, тогда как в Белорусском Подвинье отмечена только одна находка в Рацком Бору [39, с. 71, рис. 24]. В кургане № 3 у д. Купники такая железная трубочка найдена вместе с калачевидным кресалом, что может свидетельствовать не только о датировке, но и об использовании ее для получения огня.

Шилья найдены в Смоленском Поднепровье в курганных могильниках Колодни [220, илл.10:1], Слободы-Глушицы [168, рис.3:5].

Шпоры найдены в насыпях курганов у Слободы-Глушицы курган № 18 [161, с. 147–152: 168, с. 190, 191; рис. 3:31] и Цурковки [165, с. 162–169] Шпора с пуговицеобразными зацепами из Слободы-Глушицы располагалась не среди остатков сожжения, а в непосредственной близости от них в грунте насыпи. Возможно, она не имеет отношения к погребению, а привнесена вместе с грунтом при возведении кургана. Грунт насыпи состоял, большей частью, из культурного слоя середины и третьей четверти I тыс. н.э., включавшего древности ТК. Эта шпора первоначально была мною ошибочно датирована первой четвертью I тыс. н.э. В действительности подобные шпоры были широко распространены в Смоленском Поднепровье в середине – третьей четверти I тыс. н.э. и до расселения здесь носителей КСПДК [217а, с. 68–69, табл. 7:2,5).

Удила. Все они обнаружены в пределах Смоленской земли в курганных могильниках: Дроково, Заборье, Слобода-Глушица, Еловцы. Целиком сохранились удила из кургана № 2, раскопанного В.И. Сизовым у д. Дроково. Эти удила на концах псалий имели щитки с двумя отверстиями [183, с. 47, рис. 10:13]. Удила такого типа были широко распространены в Восточной Европе в позднеаварское время и могут датироваться VII – первой половиной VIII вв. [50, с. 13, 14]. Удила из других курганов были двучленными, без псалий с неподвижными кольцами на концах.

Ботала обнаружены в Заозерье в курганах № 64 в хорошем состоянии и в кургане № 52, где сохранился только железный язычок от ботала [226, табл. 85:7 и 65:7]. В Белорусском Подвинье они обнаружены в Рацком Бору и в Борках [241, рис.31:18].

Оселки (точильные бруски с отверстием и без такового) отмечены В.В. Енуковым в 8 местах на всей территории КСПДК [39, с. 72, рис.18:10]. В пределах Смоленской земли они были найдены в Заозерье, курганы №№ 8, 48, 49 [226], в Колодне курган № 8 [220], в Дрокове [183, с. 48, рис. 10:3].

Гребни костяные составные односторонние найдены только в виде фрагментов. В Заозерье они обнаружены в нескольких курганах. В кургане № 52 были фрагменты накладки с поперечными нарезками на концах и циркульным орнаментом на фрагменте средней части гребня [226, с. 44. табл. 65:8].

В кургане № 63, погребение 4 находились фрагменты, вероятно, от двух гребней. Накладки одного из них имели ширину 18 мм и орнамент в виде трех поперечных линий и двух циркульных кружочков с точкой посередине. Другие накладки имели ширину 13 мм и орнамент в виде перекрещивающихся линий [226, с. 44, табл. 81:1–5]. Фрагменты гребней с такой же орнаментацией были найдены в Гнездове В.И. Сизовым [122, табл. VI:18], а Д.А. Авдусиным обнаружен в кургане № 95 целый сохранившийся гребень [5, с. 274, рис. 1]. Эти гребни из Гнездова могут датироваться X в.

Погребение кургана № 64 в Заозерье содержало накладки гребня, имевшего орнамент в виде двух горизонтальных линий, а на краях накладок – двух поперечных линий, по обеим сторонам которых было по одному или два кружочка [226, с. 45, табл. 85:8,10].

Судя по характеру орнаментации, такие гребни могут датироваться началом X в.

Гребень цельный костяной, односторонний орнаментированный был найден в Шугайлове в кургане № 6, погребение 1 [183, рис.6]. Подобные гребни были широко распространены в конце IX–X вв. и известны как в славянских, так и в скандинавских погребениях.

Гирьки. В литературе есть указание о находке комплекта гирек в Довборе на западе территории КСПДК [39, с. 73]. В Смоленском Поднепровье и Подвинье в длинных курганах ни гирьки, ни весы пока не найдены.

Монеты найдены в двух местах (Поречье и Черневичи) в Витебском Подвинье [39, с. 73].

Кувшинчик с ручкой (рис.32). В захоронении кургана № 1 у д. Шугайлово в качестве урны использовался глиняный кувшинчик с ручкой, изготовленный на гончарном круге (рис. 32). Поскольку это погребение содержало небольшое количество мелких косточек и в нем не было предметов украшений, то можно предполагать, что это погребение мальчика.

Вещи из мужских погребений не столь разнообразны, как из женских, но они дают разнообразную информацию к характеристике многих сторон жизни населения КСПДК за период от VIII до середины X вв. Они подтверждают изменения, происходившие

Рис.32. Глиняный гончарный сосуд из кургана № 1 у д. Шугайлово

в культуре, начиная с последней четверти IX в. н.э., под влиянием культуры славян, и эти изменения особенно прогрессировали после вхождения населения КСПДК в состав Древнерусского государства.

Большинство предметов из мужских погребений КСПДК имели широкое распространение в VIII–X вв. у разноэтничного населения Восточной Европы и поэтому не могут служить во всех случаях этноопределяющими. Однако, будучи рассмотрены в комплексе с элементами погребального обряда и характером вещевого комплекса женских погребений из этих же курганов их этническая атрибуция становится очевидной, то есть археологические источники дают основание по материалам мужских погребений видеть в носителях КСПДК восточных балтов.

К вопросам хронологии и этнической принадлежности КСПДК

Рассмотренные нами археологические данные о погребальном обряде и вещевом комплексе женских и мужских захоронений КСПДК позволяют решать общие вопросы их хронологии. Время бытования культуры длинных курганов с момента их открытия определялось в целом по-разному в рамках I тыс. н.э. А.А. Спицын по мере появления нового материала пересматривал свою точку зрения и в одной из последних работ предполагал, что это памятники VI–XI вв. [ЛОИА. Архив А.А. Спицына, фонд 5, дело 61, л. 7]. В.И. Сизов датировал смоленские длинные курганы VI–VIII вв. н.э. [121, с. 81]. Этим же временем датировал все длинные курганы Восточной Европы Н.Н. Чернягин [156, с. 95]. П.Н. Третьяков в ранних работах расширял хронологические рамки бытования длинных курганов, отводя им период от IV–V до IX–X вв. [142, с. 233], но в дальнейшем, после археологических исследований на Смоленщине, он пересматривает время сооружения длинных курганов кривичей, относя их появление в Поднепровье к VIII в. [144, с. 41] или ко времени «не ранее конца VII – начала VIII вв.» [145, с. 281]. С.А. Тараканова считала длинные курганы еще более древними, относя возникновение их к II–III вв. н.э., а возможно, и к более раннему времени [135, с.107]. А.Н. Лявданский, анализируя материалы из длинных курганов района Полоцка, пришел к выводу, что они сооружены в VI–VIII вв. [69, с. 195]. В.В. Седов считал наиболее древними псковские длинные курганы, возникновение которых он относил к IV–VI вв. н.э. Смоленскую группу длинных курганов он рассматривал как более позднюю и датировал ее VII–IX вв. [110, с. 51, 65 и сл.]. В последующем им сделаны некоторые уточнения. В 1974 г. он пишет: «Южнее, в районе Смоленской и Полоцкой земель, обычай сооружения длинных курганов распространяется в конце VII – начале VIII вв. и только некоторые захоронения в длинных курганах, расположенных на периферии ареала этих памятников, относятся к X в.» [112, с. 35]. В работе 1995 г. время их бытования определяется VIII–IX вв. и оговаривается, что отдельные захоронения на окраине области их распространения могут быть отнесены к X в. [115, с. 231]. В.В. Енуков датировал смоленские длинные курганы VIII – началом X вв. [39, с. 73 и сл.].

Л.В. Дучиц и В.И. Шадыро, анализируя материалы из курганов с трупосожжениями, раскопанными на северо-западе Беларуси, включавшие вещи КСПДК, пришли к выводу, что они оставлены кривичами, расширявшими область своего обитания на северо-запад, и здесь датируются концом IX – началом XI вв. [34, с. 78,79].

С нашей точки зрения, время существования КСПДК от ее появления на основной территории в Поднепровье и Подвинье до угасания определяется от середины VIII в. до середины X в., а на окраинах ареала этой культуры она доживала до начала XI в. [173,

с. 226; 227, с. 184–197]. Такая датировка КСПДК достаточно обоснована. Наиболее ранние вещевые комплексы из погребений в курганах у д. Цурковка [165] содержали вещи (рис. 20), датируемые не позже середины VIII в. н.э. Также датируются отдельные захоронения в курганном могильнике у д. Лопино [84]. Время существования КСПДК как самостоятельной культуры на основной территории определяется периодом немногим более двух столетий.

Угасание КСПДК происходило медленно, а окончательное прекращение существования было не одновременным актом, а на разных территориях происходило между серединой X в. (Смоленское Поднепровье) и началом XI в. (районы западной окраины Подвинья и верховья Волги). Это подтверждается как находками датирующих вещей в погребениях КСПДК, так и другими археологическими материалами.

Поздние захоронения в курганных могильниках КСПДК у д.д. Купники, Заозерье, Шугайлово включали калачевидные кресала, трубочки для трута, односторонние костяные составные гребни, трехдырчатые подвески-держатели, ромбовидные привески. Все эти вещи были в комплексах с лепными глиняными сосудами-урнами, что дает основание датировать их временем от самого конца IX в. до середины X в. Этому не противоречат находки: равноплечей фибулы (прил. рис. 10:6) вместе с трехдырчатой подвеской-держателем и другими вещами в кургане № 68 у д. Заозерье; глиняного гончарного сосуда гнездовского типа (рис. 40) в кургане у д. Купники. Подобные сосуды в Гнездове изготавливались на гончарном круге начиная с первой трети X в.

Курганные могильники КСПДК повсеместно в пределах Смоленской земли прекращают функционировать около середины X в.

Так было на севере в Озерном крае (прил. рис. 4), где в курганных могильниках КСПДК у д.д. Аносинки и Шугайлово погребений XI в. нет, а в непосредственной близости у д. Саки и пос. Слобода и в других местах возникли курганные могильники XI–XII вв.

Рис.33. Курган у д.Заозерье IX в.

То же самое наблюдается в Поднепровье в районе города Смоленска (прил. рис. 5). Курганные могильники у д.д. Цурковка, Купники, Колодня, Березинка, Арефино захоронений XI в. не содержат, в то же время в этом районе возникло много курганных могильников X–XI вв., не имеющих прямого отношения к КСПДК.

Аналогичная картина и в восточной части территории КСПДК (табл. 6). Однако здесь, недалеко от г. Ярцево, на р. Вопь у д. Сельцо курганный могильник включал как курганы VIII–X вв., так и XI в. Известен и еще один курганный могильник VIII–X вв. у д. Заозерье, в пределах которого захоронения в круглых курганах совершались в XI–XII вв.

Уже рассмотренные выше, в данной работе археологические данные доказывают, что население КСПДК с самого начала формирования этой культуры было балтами (Krieva) и около двух столетий оставалось таковыми. Оно только в составе Древнерусского государства постепенно было ассимилировано славянами. Славяне же, видимо, после рубежа VIII и IX вв. начали расселяться на землях населения КСПДК. Расселение славян заметно усилилось в конце IX–X вв. В этот отрезок времени происходила интеграции культур населения КСПДК и славян, и одновременно шел процесс ассимиляции населения КСПДК славянами. Более детально эти процессы этногенеза будут рассмотрены в последующих разделах данной работы.

Но здесь нужно отметить, что отдельные группы местного населения КСПДК (Krieva) на разных стадиях ассимиляции, как и некоторые элементы их культуры, сохранялись далее до середины XII в. Они и пришедшее славянское население (ККК) совместно в Древнерусском государстве назывались **кривичами**.

ГЛАВА II

ДРЕВНОСТИ КУЛЬТУРЫ КРУГЛЫХ КУРГАНОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX–X ВВ.

Древности культуры круглых курганов (ККК) второй половины IX–X вв. в пределах земель летописных кривичей частью изучены на основании раскопок сельских курганных некрополей с погребальным обрядом трупосожжения и связанных как с населением КСПДК, так и со славянским населением. В меньшей степени они изучены на основании исследования сельских поселений. Однако раскопки древнейших слоев, возникавших в это время городских поселений и их некрополей: Смоленска (Гнездово рис. 35–37, 45, 51), Полоцка, Витебска были сравнительно обширными и дали значительный вещевой материал. Поскольку у древних городов Полоцка и Витебска городских курганных некрополей того времени до наших дней не сохранилось, постольку характеристика таковых будет дана для сравнения с сельскими некрополями на примере Гнездовских курганов – языческого кладбища древнего Смоленска. Есть полное основание рассматривать основное население формирующегося города Смоленска конца IX–X вв., так и сельское население Смоленской земли как кривичей. Это засвидетельствовано летописью: «... кривичи, иже седять на верхъ ... Двины и на верхъ Днепра, их же градъ есть Смоленскъ; туде бо седять кривичи.» [98, с.13].

Научное изучение древностей круглых курганов IX–X вв. началось в пределах Смоленской земли во второй половине XIX в. В частности, изучение Гнездовского курганного могильника было начато в 1874 г., когда археолог М.Ф. Кусцынский раскопал в Гнездове 14 курганов и еще некоторое количество курганов за его пределами [62]. С 1882 и по 1903 гг. в Гнездове и в Смоленском, Духовщинском, Краснинском и Рославльском уездах

Рис. 34. Курган X века у д. Ямполье.
Фото 1950 г. На кургане был погреб

Смоленской губернии изучение курганов проводил В.И. Сизов, опубликовавший только сводную работу о Гнездове [122], тогда как материалы раскопок в других местах им опубликованы не были. В последующем изучение курганов проводили С.И. Сергеев, И.С. Абрамов [128], Е.Н. Клетнова [51,52,53], А.Н. Лявданский [65], но он также изучал курганы этого времени и за пределами Гнездова [68]. Исследовали Гнездово и другие археологи. В 1940 г. в Гнездове изучение курганов и поселения на городище проводили Н.В. Андреев и Н.П. Милонов (12а, с. 26–28).

С 1949 г. и по сей день Гнездовский археологический комплекс – курганы и поселения изучает Смоленская Археологическая экспедиция МГУ, долгие годы руководителем которой был Д.А. Авдусин. Им опубликованы подробные отчеты о раскопках курганов за первые годы работы экспедиции [2, с. 311–367: 4, с. 113–183; 5, с. 236–286] и краткая информация о раскопках в «Археологических открытиях» за 1967–1988 гг., а также ряд статей, написанных на основе исследования гнездовских древностей [1;3; 6, с. 74–86; 7, с. 92–122; 8, с. 3–20 и др.].

Отдельные вопросы на основе материалов из Гнездова рассматривали Е.Н. Каменецкая [48, с. 125–174], Ю.Э. Жарнов [43, с. 200–205], Т.А. Пушкина [100, с. 87–93; 101, с. 142–143], Н.В. Ениосова [36, с. 207–219] и другие. После 1994 г. и поныне изучение Гнездова продолжают ученики Д.А. Авдусина под руководством Т.А. Пушкиной. Кроме того, в изучении гнездовских поселений большие работы проводят археологи Государственного Исторического музея под руководством В.В. Мурашовой.

В Гнездовском археологическом комплексе в 1967–1968 гг. И.И. Ляпушкин проводил раскопки на древнем поселении, расположенном при впадении р. Свинки в Днепр [74, с. 43–44; 75, с. 66–67; 76, с. 120–122]. Эти работы в 1969 г. продолжал В.А. Булкин. Были выявлены жилые и производственные комплексы, датированные им IX в.

Рис.35. Курганы у пос. Гнездово (центральная группа, 1949 год. К настоящему времени большая часть этих курганов уничтожена карьером)

Отдельные вопросы материальной и духовной культуры на основе известных к тому времени материалов решал В.А. Булкин [20, с. 107–110; 22, с. 120–122; 23].

Е.Н. Каменецкая в Гнездове полностью раскопала курганную группу за рекой Ольшей [48, с.125–174].

Некоторое участие в изучении древностей Гнездова принял и автор настоящей работы. В 1949–1951 гг. участвовал в раскопках курганов Лесной группы в качестве сотрудника Археологической экспедиции МГУ под руководством Д.А. Авдусина. В 1957 г. самостоятельно раскопал один курган на восточном краю Лесной группы, получивший № 105, разрушаемый в связи со строительством дачи [5, с. 281], а в 1962 году производил раскопки двух курганов №№ 106 и 107 в юго-восточной части Лесной группы [222, с. 212–226].

В 1950–1970-х гг. регулярно обследовал распаханные под посевы участки на гнездовском селище, обнажения на берегу Днепра и кладоискательские ямы в целях уточнения топографии археологического комплекса и сбора подъемного материала, который был передан Смоленскому музею-заповеднику, где хранится в фондах под № СОМ 16479. На основе собранных материалов из Гнездова опубликовано несколько статей: [178, с.102–108:187 , с.150–163; 195, с. 57–64; 212, с. 14–22; 213, с.105–118].

И.В. Белоцерковская провела большую работу по систематизации материалов из раскопок полусферических курганов с трупосожжениями в пределах Смоленской земли. Ею были проанализированы результаты исследований, проведенных рядом археологов до 1970-х годов, и определено время сооружения курганов этого типа в пределах IX–X вв. и высказано мнение об этническом составе населения [19, с. 53–65].

Результаты изучения курганных некрополей конца IX–X вв. Гнездова и некоторых синхронных поселений, а также отдельных курганных могильников за пределами Гнездова в Поднепровье и Подвинье, опубликованных к настоящему времени, позволяют составить общее представление о древностях этого времени и их взаимоотношении с предшествую-

Рис.36. Курганы у пос. Гнездово
(Лесная группа, 1950 год)

щими и последующими археологическими культурами в области расселения летописных кривичей. Результаты анализа погребального обряда и вещевого комплекса из погребений с трупосожжениями в круглых курганах IX–X вв. важны также и при решении вопроса об этногенезе кривичей.

Без сомнения, этническая принадлежность значительного количества погребений в гнездовских и других круглых курганах по характеру погребального обряда и сопровождающему инвентарю может быть определена как славянская. Но это не означает, что среди них нет по происхождению потомков балтов (Krieva), ассимилированных славянами и включенных в этноним кривичи (летописные кривичи), ставшими носителями древнерусской (славянской) культуры.

Если многие курганные могильники, связанные с поселениями сельских общин, были по составу населения однородны, то этого нельзя сказать о раннегородском некрополе в Гнездове и о некоторых курганных могильниках при поселениях на путях «из варяг в греки» (типа Заозерья).

Гнездово представляло собой формирующийся древнерусский город (протогород), имевший в X в. типичную раннегородскую структуру, состоявшую из укрепленной части – детинца, неукрепленных поселений – селищ (посады) и нескольких кладбищ (языческие курганные могильники). Первое описание гнездовских археологических памятников было сделано в конце XIX в. В.И. Сизовым [122]. В 1920-х гг. А.Н. Лявданский составил подробный план археологических памятников Гнездова и дал описание всех поселений и могильников Гнездова [65]. В начале 1950-х гг. сотрудником Смоленской археологической экспедиции МГУ М.Н. Кисловым был составлен подробный план курганных групп Гнездова [48а].

Гнездово – ныне это, в некоторой степени, сохранившийся сложный археологический комплекс, включающий все вышеперечисленные части древнего города (протогорода): детинец, называемый «городищем»; посады – неукрепленные поселения, называемые селищами и огромные языческие кладбища (курганы). Все это располагалось на берегах Днепра при впадении в него речки Свинки (Свинца) и, кроме того, комплекс включает

Рис.37. Курганы у пос. Гнездово, 1949 год

второе укрепленное поселение (типа городища) с прилегающими к нему селищами и курганными могильниками, располагавшимися при впадении р. Ольши в Днепр.

Все обширные языческие курганные могильники, ныне называемые курганными группами: «Лесная», «Центральная», «Днепровская», «Ольшанская», «Заольшанская» и «Левобережная», включавшие в прошлом несколько тысяч курганов, располагались непосредственно вокруг поселений.

Есть достаточно оснований считать, что этот археологический комплекс в Гнездове и представляет собой сохранившиеся остатки первоначального города Смоленска IX–X вв., являвшегося важным торгово-ремесленным центром на пути «из варяг в греки» и, по существу, опорным пунктом славянской колонизации верховьев Днепра и прилегающих территорий. В XI в. город из Гнездова переместился на его современное место. Можно полагать, что все события второй половины IX и X вв., связанные с кривичами и их городом Смоленском, упомянутые в летописи [98], имеют прямое отношение к Гнездову. Именно здесь в 882 г. Олег принял власть над смоленскими кривичами от их старейшин и оставил в городе своих мужей. Таким образом земли днепровских кривичей и их город Смоленск были включены в состав Древнерусского государства.

Постараемся несколько подробнее рассмотреть археологические данные ККК, связанные с летописными кривичами IX–X вв. как из Гнездова (Смоленска), так и из территорий Поднепровья и Подвинья.

Погребальный обряд культуры круглых курганов второй половины IX–X вв.

Основная масса курганов этого времени имела форму слегка уплощенного сегмента шара (в плане круглые или округлые) и только в отдельных курганных группах встречались насыпи овальные и даже четырехугольные в плане (Новоселки, Гнездово). Основу погребального обряда местного населения Смоленской земли составляло трупосожжение, но в Гнездове в некоторой части курганов в различных группах зафиксирован обряд трупоположения. Так, например, в Заольшанской курганной группе из 87 раскопанных курганов в 34 курганах были трупоположения [48, с. 127].

Этот обряд трупоположения, главным образом, увязывается с инородным (скандинавским) населением, прибывавшим на Русь преимущественно в X в. и хоронившим традиционно своих умерших как по обряду трупосожжения, так и по обряду трупоположения.

В большинстве случаев, судя по материалам исследований в Гнездове, сожжение умерших происходило на выбранном месте, предназначенном для сооружения кургана, но специально неподготовленном [1, с. 314]. Костер для кремации умерших сооружался из бревен и поленьев, но мог включать также сучья и хворост. Сверху на эту «краду» помещался умерший, в очень редких случаях в специально установленной ладье [1, с. 315]. Мужчин-воинов хоронили вместе с оружием и некоторым количеством других вещей; мужчин – ремесленников и купцов помещали на костер с бытовыми вещами и предметами, связанными с их профессиональной деятельностью; женщин – с украшениями и бытовыми вещами. Отмечается также отдельные случаи сожжения на костре одновременно мужчины и женщины. После сожжения часть остатков кремации, включавших пережженные кальционированные кости, угли, золу и некоторые небольшие вещи, поврежденные огнем, помещали в глиняный сосуд-урну (рис. 39, 40), которую устанавливали в центре кострища в нормальном положении. Все оставшееся на кострище сгребали в кучу к центру участка, предназначенного для сооружения кургана [122, с. 14; 1, с. 315]. В редких случаях вещи, сопровождавшие умерших, попадали в урны вместе с костями, но большинство их, как правило, оставались среди кострища. Иногда урна устанавливалась на кострище

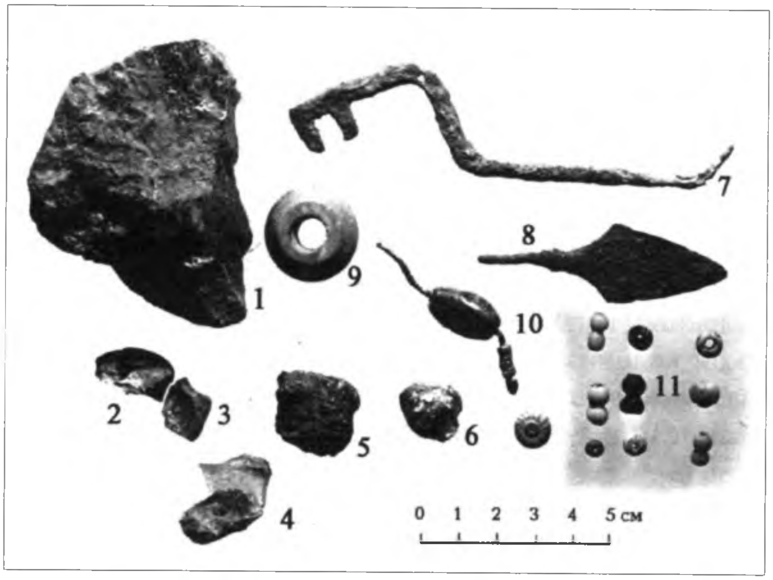

Рис.38. Селище у пос. Гнездово. Вещи из культурного слоя: 1—6 — обломки железной крицы, 7 — ключ, 8 — наконечник стрелы, 9 — шиферное пряслице, 10 — бусина на проволоке, 11 — стеклянные бусы разных форм

в перевернутом положении – вверх дном [122, с. 9–11, рис. 4,5; 1, с. 316, курганы 16, 20, 25]. Встречается также обычай, когда в материке в центральной части кострища выкапывалась неглубокая, округлая в плане ямка, диаметром 0,3–0,6 м, которая также заполнялась остатками кремации, а над ней размещалось все остальное и устанавливалась урна, но иногда урну специально разбивали [222, с. 214].

Некоторая часть погребений не сопровождалась помещением остатков сожжения в глиняную урну, то есть они были без урн [122, с. 15]. В 1949 г. в Лесной курганной группе из 42 раскопанных курганов 8 не имели урн [1, с. 315). В остатках кремации, помещенных на месте захоронения, зафиксированы кости лошади и птиц [122, с. 12; 1, с. 315,318]. При этом, Д.А. Авдусин считает, что животных и птиц на костре не сжигали вместе с покойником [1, с. 315], а клали на кострище во время возведения кургана.

Кроме обряда сожжения умершего на месте сооружения кургана практиковался обряд трупосожжения вне кургана [122, с. 28], а в Заольшанской курганной группе из 40 раскопанных курганов с трупосожжением в 15 сожжение произведено на стороне [48, с. 128]. При таком обряде трупосожжения вне курганной насыпи остатки кремации собирались и переносились на место сооружения кургана, часть их просто рассыпалась на выбранном и подготовленном участке, а часть помещалась в урну, которая устанавливалась на рассыпанных остатках сожжения. Особенности установки урны и другие детали оформления захоронения до возведения насыпи такие же, как и при трупосожжении на месте сооружения кургана, о чем сказано выше. Есть достаточно оснований предполагать, что не все трупосожжения на стороне совершались здесь же в Гнездове. Жителей Гнездова, умерших или убитых во время военных по-

Рис. 39. Глиняные гончарные сосуды из погребений Гнездова

ходов далеко на чужбине, могли там и кремировать, а собранный прах привезти на место родного поселения и захоронить в кургане с соблюдением существовавших обрядов.

Курганная насыпь возводилась в один прием. Грунт для сооружения кургана брался непосредственно вокруг возводимой насыпи, поэтому по периметру основания кургана образовывались ровики, которые не были кольцевыми, так как в них оставлялись перемычки, как бы всходы на курган, ориентированные в сторону поселения [122, с. 4].

В Гнездове, в Лесной группе курганов, в ее северо-восточной части, был раскопан частично поврежденный курган № 105, в котором в неглубокой яме в плане прямоугольной формы было совершено погребение мужчины по обряду трупоположения. Характер всего погребального сооружения и сопровождающего инвентаря (рис. 40) дают основание отнести это погребение воина-ополченца, жителя Гнездова к самому началу XI в.

Обряд трупоположения в больших подкурганных ямах с деревянными камерами, датированный X в., изученный в Гнездове, нами в данном случае не рассматривается, так как такой обряд не практиковался ни в длинных курганах Поднепровья и Подвинья, ни в славянских курганах IX–X вв. до принятия христианства. В Гнездове преимущественно этот обряд связан с присутствием чужеземцев-скандинавов и рассмотрение вопроса о погребениях такого типа по обряду ингумации в Гнездове выходит за рамки изучения древностей кривичей.

Погребальный обряд основного населения Гнездова, исключая скандинавов, пока не может быть в отдельных случаях подразделен на погребения славян, прибывших из Поднепровья или других территорий и местного аборигенного населения, ассимилируемого славянами в конце IX–X вв.

Однако, в отдельных курганах (№ 13 [2, с. 335] и др.) женские погребения включали височные кольца разных типов. Такие же височные кольца обнаружены и при раскопках культурного слоя как на детинце (городище), так и на посадах (селища). Преобладали проволочные перстнеобразные, среди них есть: сомкнутые, завязанные и с завитком на одном конце. Наряду с этим в культурном слое поселений встречены плоские литые височные кольца с заходящими серповидными концами, характерные для населения КСПДК [176; 178; 187, с. 159, рис. 5:3]; то есть обычные для местного населения КСПДК в VIII–X вв. В Гнездове найдены также височные кольца, близкие по форме северянским и роменским, а также гроздьевидные, напоминающие кольца из дунайских областей. Находки этих височных колец, по мнению Т.А. Пушкиной, не только говорят об их славянской принадлежности, но и очерчивают территории, где им есть аналогии, – Великую Моравию и область роменской культуры и дают основание предполагать, что продвижение славянского населении в Смоленское Поднепровье, включая Гнездово, происходило с юга и юго-запада [101, с. 55, 56]. Судя по находкам отдельных форм глиняных сосудов, в Гнездове были славяне, происходившие с побережья Балтийского моря [122].

Гнездово с его обширным курганным некрополем с конца IX до начала XI вв. представляло собой особое поселение периода сложения Древнерусского государства, то есть, оно было формирующимся городом (протогородом) с разнородным населением, находившемся в процессе интеграции и становления общей древнерусской городской культуры. Такой характер поселения, с одной стороны, способствовал утрате некоторых этнических особенностей отдельных групп населения, и, с другой стороны, содействовал сближению элементов разных культур и выработке общих городских тенденций ее развития. Погребальный обряд и тенденции его эволюции в Гнездове имеют некоторые отличия от таковых на территории Смоленской земли у населения, которое однозначно можно назвать сельским и которое, хотя и называлось кривичами, но еще состояло из ассимилируемых

Рис.40. Глиняный гончарный сосуд-урна из Гнездова

славянами балтов КСПДК и оседавших на землю славян – выходцев из других славянских земель – переселенцев из южных и юго-западных областей.

Сельские некрополи, включающие только круглые курганы с остатками трупосожжений, имеющие особый сопровождающий вещевой комплекс, датируемые второй половиной IX–X вв., пока изучены в недостаточной степени. Отдельные насыпи раскопаны в таких курганных могильниках как Ковали [129, с. 237–240; 195, с. 31, 32], Колодня [220, с. 101–145], Куприно [68, с. 315–317; 195, с. 91, 92], Кислые [195, с. 77, 78], Сумороково, [39, с. 107 и сл., рис. 44], Ямполье [68, с. 270–273], Петрополье и Доброселье [193, с.132, 133], Кушлянщина [159, с. 113–175] и др.

Некоторая общая характеристика курганов этого типа была дана В.В. Енуковым [39, с. 106–108], но им рассмотрены преимущественно материалы из центральных районов Смоленской земли, тогда как некоторые материалы из восточных районов привлечены не были.

И.В. Белоцерковская считает, что к этому типу древностей также относятся курганы из Копнева, Васильева, Высочерта, Знаменского, Кубарок, Березовки, Русанова, Кузьмичей, Ямполья, Семлева-Половецкого, Янова [19, с. 58, 59]. В целом, основу погребального обряда в этих сельских курганах составляло сожжение умерших, которое, в большинстве случаев, проводилось на месте сооружения курганной насыпи: чаще – на горизонте, реже – на подсыпке. Остатки кремации счищали к центру в кучу и так оставляли, но иногда выкапывали округлую ямку, ее, как и урну, заполняли частью остатков кремации. Зафиксированы случаи сожжения и вне курганной насыпи. В таком случае принесенные остатки кремации вместе с урной или без таковой размещались на выбранном для захоронения участке, на котором иногда уже была выкопана округлая ямка.

Над размещенными остатками сожжения возводился курган за счет выемки грунта вокруг сооружаемой насыпи. Все эти курганы содержат незначительное количество сопровождающих вещей: глиняные сосуды или их фрагменты, пряжки, предметы украшения и отдельные бытовые вещи, интерпретация которых с точки зрения этнической принадлежности весьма затруднительна. Погребальный обряд в некоторых элементах перекликается с погребальным обрядом населения КСПДК, что прослеживаются и позже, даже при переходе от язычества к христианству, но все-таки, в погребальном обряде круглые сельские курганы с трупосожжениями имеют общие элементы в обрядах с рядовыми славянскими курганами Гнездова, что уже отмечалось в археологической литературе [19, с. 59]. Население Гнездова было полиэтничным [178, с. 102–108; 6, с. 85]. Однако, отмеченные особенности погребального обряда в Гнездове были присущи не только захоронениям его славянского населения, но и в некоторой степени – представителям других этносов (балты, финно-угры, скандинавы). Поэтому определять этническую принадлежность захоронений в сельских курганах только по погребальному обряду, зафиксированному в Гнездове, было бы не всегда правомерно. При учете совокупности всех признаков, включающих и погребальный обряд, и вещевой комплекс, и топографию могильников, и прочие факторы, при их детальном анализе возникает возможность решать на основе ар-

хеологических материалов общие вопросы развития материальной и духовной культуры, а в частности, вопросы хронологии и этнической принадлежности этих памятников второй половины IX–X вв. и их связи с предшествующими и последующими археологическими древностями.

Рис.41. Курганы у пос. Новоселки. Лепной глиняный сосуд-урна первой половины X века из кургана № 13

Курганы второй половины IX – самого начала XI вв. Смоленского Поднепровья и Подвинья можно подразделить на две части по особенностям погребального инвентаря и некоторым деталям погребального обряда. При этом обе выделяемые части курганов сосуществовали вплоть до начала XI в., сохраняя обряд трупосожжения. Судя по описаниям этих курганов, внешняя форма их насыпей не имеет каких-либо различий, так как все они в плане круглые, то есть их форма – сегмент шара. Основная масса их содержит малочисленный погребальный инвентарь, но есть и без инвентаря. В характере сопровождающего инвентаря есть некоторые различия, позволяющие предварительно разделять их на две части. Одна часть курганов по характеру материальной культуры является продолжением традиций КСПДК, подвергшихся значительному воздействию внешних факторов, исходящих от населения других культур. Таковыми являются курганы в могильниках: Ковали, Колодня, Шиловичи и др. Другая часть курганов самобытна и воздействие на нее традиций КСПДК либо вообще не улавливается, либо весьма незначительно. К этой группе относятся курганы в могильниках: Куприно, Кислые, Сумороково, Доброселье, Ямполье и др., а также основная часть курганов в Гнездове.

Вещевой комплекс круглых курганов второй половины IX–X вв.

Круглые курганы второй половины IX–X вв. содержат мало вещей по сравнению с предыдущим периодом КСПДК VIII–IX вв. Если женские погребения включают керамику и некоторое количество предметов украшений, то значительная часть мужских захоронений либо имела единичные вещи (рис. 42), либо не имела сопутствовавшего инвентаря.

Суммарное рассмотрение вещевого комплекса из круглых курганов второй половины IX–X вв. привело бы к упрощенному представлению о составе населения и о процессе этнокультурного развития всего населения Смоленского Поднепровья и Подвинья в IX–X вв., несмотря на то, что конечным результатом было формирование единой культуры летописных кривичей XI–XII вв. и включение этой новой культуры в общую древнерусскую культуру. Нужно отметить, что процесс формирования новой культуры не был единым, так как в нем участвовали преимущественно две разные этнические группы населения, находившиеся не в одинаковых условиях, каждая из которых имела свои традиции и свои особенности.

Одна группа населения в этнокультурном отношении являлась преемником носителей КСПДК и ее можно охарактеризовать на примере материалов из курганов Шиловки, Ко-

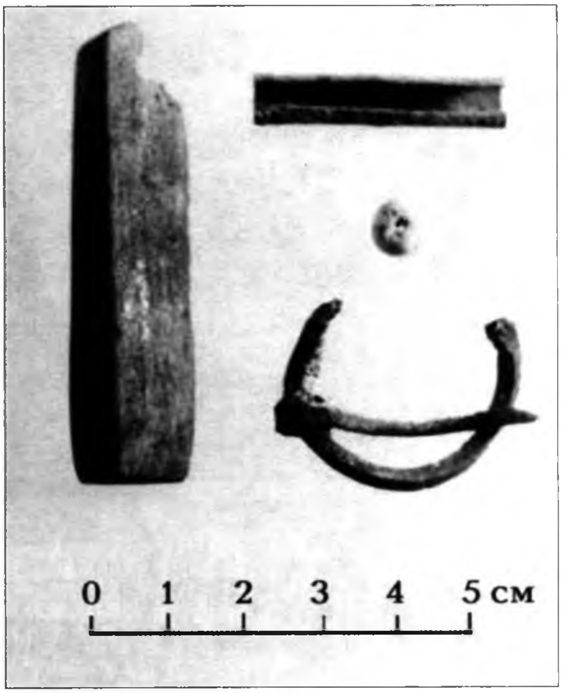

Рис.42. Вещевой комплекс из кургана X века у д. Заозерье

валей, Колодни и др. Погребальный обряд этой группы населения представлен только трупосожжениями, совершенными чаще на месте сооружения кургана, хотя практиковалось и сожжение вне кургана, но по описаниям результатов раскопок, проведенных в конце XIX в. и первой половине XX в., не всегда удается определить место сожжения. Кострище с остатками кремации располагалось на материке, под земляной насыпью Погребальный инвентарь беден или вообще отсутствует. Это характерно для всех курганов данной группы.

В курганном могильнике у д. Шиловка, состоявшем из 6 насыпей, И.С. Абрамов в 1905 г. раскопал 4 кургана, из которых 2 содержали остатки кремации в основании насыпей без сопровождающих вещей. В одном кургане на кострище найдены: медная орнаментированная бляшка, фрагменты медной и железной пряжек и железная игла или шило. В другом кургане на кострище в поперечнике более 2,8 м, имевшем в основании в материке две округлые ямки, найдены: глиняный горшок-урна с пережженными костями, многочисленные бронзовые спиральки двух диаметров, фрагменты плоского серебряного височного кольца и бронзовой трапециевидной подвески, оплавленные стеклянные бусы в виде слитков стекла [128, с.194]. Характер самого погребения с использованием подкурганных ямок, выкопанных в материке, и вещевой комплекс имеют аналогии в погребениях КСПДК, то есть здесь фиксируется, с одной стороны, сохранение традиций КСПДК в могильнике, включающем только круглые курганы, и бытовавшем в последний период существования этой культуры.

С другой стороны, в могильнике есть погребения с единичными вещами и без инвентаря, что может рассматриваться как присутствие другой традиции, не свойственной КСПДК. Решить вопрос, что в курганах у д. Шиловки захоронены представители двух разных этносов (Krieva и славяне) или только Krieva, находившиеся на разной стадии славянизации, по имеющимся материалам нет достаточных оснований, хотя полученный вещевой комплекс все-таки свидетельствует о пережитках традиций КСПДК.

Курганная группа у бывшей д. Ковали расположена в пойме р. Рутавечь и включала более 20 насыпей. В 1906 г. В.Н. Глазов в этом могильнике раскопал 18 курганов [129, с. 237–240]. В 13 случаях кострища были на уровне материка, а в 5 – на подсыпке. Часть праха помещалась в глиняные сосуды-урны, которые иногда устанавливались вверх дном. Сожжение умерших могло совершаться как на месте сооружения кургана, так и за его пределами. В кургане № 16, по форме слегка удлиненном, на кострище была железная четырехугольная пряжка с вогнутыми боками [129, с. 240, рис. 26). Подобные пряжки характерны для мужских погребений КСПДК. Часть курганов в остатках кремации не содержала инвентаря.

В 1968 г. нами в этом курганном могильнике было раскопано 3 кургана, имевших округлую форму [174, с. 65]. Все три кургана отличались друг от друга по деталям погребального обряда. В одном кургане на поверхности материка были только следы костра в виде угольков и золы, а кальционированные кости не обнаружены. Другой курган содержал

одно погребение, помещенное на материке, в котором была выкопана округлая ямка глубиною 0,26 м. Ямка была засыпана остатками кремации, которые к тому же размещались также по поверхности материка вокруг ямки на площади более 2 метров в поперечнике. В центре этого кострища был установлен вверх дном глиняный сосуд-урна, заполненный также остатками кремации, состоящими из перегорелых костей, угольков и золы. Каких-либо других вещей, кроме глиняной урны, в погребении не было. В третьем кургане на поверхности материка было скопление остатков сожжения на площади около 1,5 м в поперечнике, но на поверхности материка следы сильного огня не прослеживались. Под остатками кремации в материке была округлая в плане ямка диаметром около 0,6 м и глубиной до 0,3 м, заполненная также остатками кремации. В этом погребении найдены: бронзовые набоечки с двумя гвоздиками каждая, фрагмент граненой шейной гривны с костылевидным концом, дрот которой орнаментирован насечками. И еще в погребении были мелкие оплавленные фрагменты бронзовых предметов. Этот комплекс вещей можно датировать второй половиной IX – началом X вв. Элементы погребального обряда (материковые ямки для погребений) и найденные некоторые вещи: четырехугольная железная пряжка и фрагмент бронзовой шейной гривны сближают захоронения в Ковалях с погребениями КСПДК. Однако, малочисленный инвентарь в отдельных захоронениях и погребения без инвентаря могут рассматриваться и как погребения славян, воспринявших некоторые элементы КСПДК от местного населения. Есть основание считать, что курганный могильник в Ковалях фиксирует присутствие здесь разнородного населения и отражает процессы этнокультурного развития населения, обитавшего в поселении на одном из вариантов пути «из варяг в греки», проходившем по рекам Рутавечь и Каспля (бассейн Зап. Двины), в пределах которого перемещались и оседали различные группы населения конца IX–X вв.

Курганный могильник у пос. Колодня включал компактную группу из 9 круглых и овальных в плане курганов, расположенную у карьера и к настоящему времени детально изученную нами [195, с. 117–120 и 220, с.101–145]. Вторая часть курганной группы состояла из ряда одиночных курганов, расположенных вдоль правого берега Днепра, исследована В.В. Енуковым. В курганной группе раскопанные 8 курганов содержали и одиночные погребения, а также по два и более в отдельных курганах.

Трупосожжение проводилось и на месте сооружения кургана, и вне его. На месте размещения остатков кремации часто выкапывали в материковом грунте округлую неглубокую ямку, в которую ссыпали часть собранных остатков сожжения, но большая часть их помещалась в глиняный сосуд-урну и рассыпалась на поверхности материка в центральной части участка, выбранного для сооружения курганной насыпи. Урна могла помещаться в погребении как перевернутой вверх дном, так и в нормальном положении. Количество погребального инвентаря в каждом погребении невелико, а иногда включало единичные предметы, но в большинстве захоронений были лепные глиняные горшки, которые использованы в качестве урн. В отдельных мужских погребениях были: четырехугольная железная пряжка и железный узколезвийный топор; железный нож; железное шило; железный пинцет. Женские погребения, кроме глиняных сосудов-урн, содержали металлические украшения и некоторые другие предметы: бронзовые спиральки от головных венчиков, фрагменты бронзовых плоских височных колец и трапециевидных подвесок, бронзовую шейную гривну с костылевидным концом и дротом, обернутым тонкой проволокой, фрагменты плоских орнаментированных браслетов, стеклянные бусы и сплавы бронзы и стекла в виде капель и слитков. Суммарно раскопанные 8 курганов этой группы у пос. Колодня можно датировать серединой IX – серединой X вв. Набор женских украшений в погребениях свидетельствует о сохранении у населения некоторых традиций КСПДК. Этому не противоречат ни комплекс инвентаря из мужских погребений, ни особенности погребального обряда. Вместе с тем, сравнительная малочисленность инвента-

ря и отсутствие полного набора женских украшений в погребениях можно рассматривать как свидетельство влияния славянской культуры на местное население или как отражение процесса их ассимиляции славянами. В Колодне элементы славянской культуры выступают более явственно, что может объясняться нахождением этого курганного могильника на Днепре поблизости от Гнездова (древнего Смоленска), влияние культуры которого вполне могло сказаться на эволюции местных традиций

Таким образом, часть курганных могильников IX–X вв., состоявших из круглых курганов с трупосожжениями (Шиловичи, Ковали, Колодня и др.), по сути являются памятниками позднего этапа развития КСПДК, утратившие некоторые особенности в погребальной обрядности, связанной с сооружением собственно длинных курганов и перешедших к сооружению только круглых курганов.

Закономерно под влиянием культуры славян сокращается набор широко распространенных вещей КСПДК в женских погребениях – металлических украшений, а мужские погребения теперь уже бедны инвентарем или вообще стали безынвентарными.

Несколько иной характер носят круглые курганы с трупосожжениями у д.д. Ямполье (рис.34) и [68, с 270–273; 193, с. 172–174], Доброселье, Петрополье (рис. 46), Куприно, Кислые, Семлево-Половецкое, Копнево, Поклонная Гора и другие, которые И.В. Белоцерковская выделяет как курганы «Копневского типа» [19, с. 59–62].

Они составляют особую группу погребальных памятников середины IX – начала XI вв.

Погребальный обряд курганов «Копневского типа» характеризуется в большинстве случаев трупосожжением на месте сооружения кургана, но отмечены и сожжения умерших за пределами кургана. Остатки сожжения фиксируются на поверхности материка в виде тонкого слоя или иногда как собранные в кучу, в отдельных случаях погребение находилось на подсыпке, но иногда могло размещаться в верхней части курганной насыпи. Отнесение И.В. Белоцерковской ряда курганов, раскопанных Е.Н. Клетновой, к «Копневскому типу» неправомерно. Е.Н. Клетнова относила к обряду трупосожжения не только захоронения остатков кремации в виде кальционированных костей, как например, на Поклонной Горе курган « у дороги» и в группе мелких курганов № 1 [50а, с. 22–24], но и целые костяки, лежавшие на материке со следами костра в виде зольно-углистой прослойки с целиком сохранившимся набором металлических украшений, не подвергшихся дей-

Рис. 43. Курган №2 у пос.Колодня, 1955 год

ствию огня – Русятка, курганы №№ 4, 13, 14, курганы у д. Литвиново и в других местах [50а, с. 10–16, 20, 21]. Есть достаточно оснований рассматривать погребальный обряд в этих курганах не как трупосожжение, а как захоронения по обряду трупоположения на месте ритуального костра.

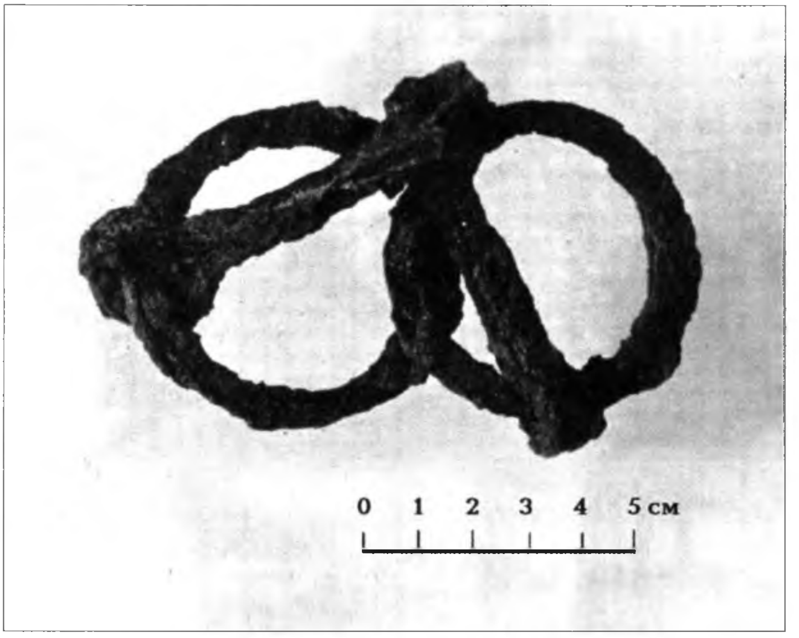

Рис.44. Железные удила из кургана у д. Петрополье

В погребальном обряде курганов «Копневского типа» использовались глиняные сосуды в качестве урн, которые вместе с перегорелыми костями устанавливались в нормальном положении, либо разбивались и на кострище представлены в виде фрагментов. Погребальный обряд курганов этого типа по своему характеру близок погребальному обряду значительной части гнездовских курганов, которые исследователь этого памятника Ю.Э. Жарнов считает связанными со «второй культурной традицией», присущей славянскому населению Гнездова [43, с. 20]. Курганы с такой погребальной обрядностью в Гнездове датируются концом IX–X вв.[122, с. 35; 1, с. 320; 19, с. 62; 43, с. 18].

Погребальный инвентарь из захоронений в этих курганах не многочислен, а в отдельных курганах, кроме глиняного сосуда-урны, ничего не обнаружено, но есть погребения и безурновые. Однако, например, в одном из раскопанных курганов у д. Ямполье в по-

Рис. 45. Курганы конца IX–X вв. у пос. Гнездово. (1950 г.) (Лесная группа)

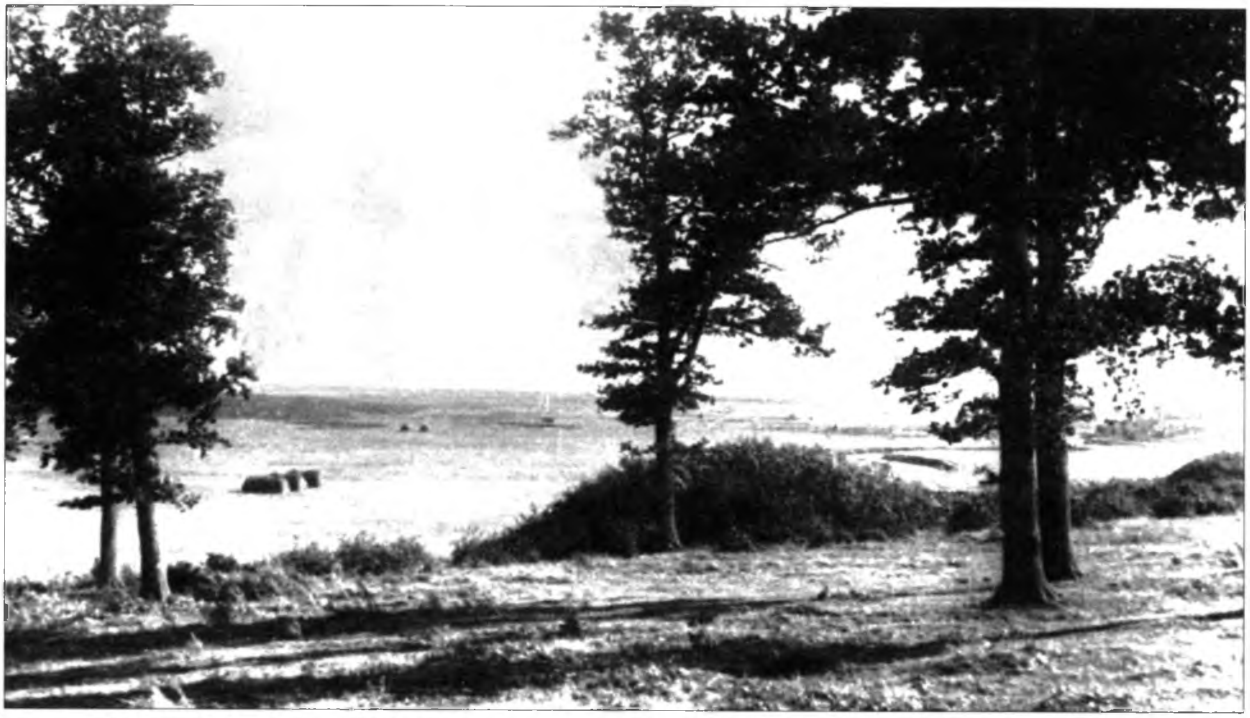

Рис. 46. Курганы IX–X вв. у д. Петрополье

гребении найдены: обломок железного калачевидного кресала, односторонний костяной составной гребень с бронзовыми заклепками и фрагменты глиняной гончарной урны [68, с. 270–273, табл. 1]. Трупосожжение совершалось на месте сооружения кургана. Другое погребение было безынвентарное. Погребения у д. Ямполье можно датировать серединой – второй половиной X в. Курган у д. Доброселье содержал на кострище глиняный гончарный сосуд (урну), украшенный линейным и волнистым орнаментом (рис. 48), медный перстень и бусы желтого и красного цвета [193, с. 183,184].

Курган у Доброселья можно датировать временем второй половины X в. – самым началом XI в.

Курганы у д. Петрополье, раскопанные нами в 1953 г., содержали погребения на поверхности материка. В кургане № 5 на поверхности материка была глиняная подсыпка, на которой и проводилось трупосожжение. Кострище под курганной насыпью имело округлую форму при диаметре около 6 м. В остатках кремации в пределах кострища найдены: железная дужка от деревянного ведра, медные бляшки-набоечки от ремня, обломок железного предмета, фрагменты специально разбитого глиняного лепного сосуда и обрывки обуглившейся шерстяной ткани. Курган № 18. Трупосожжение происходило вне кургана. Остатки кремации принесены и размещены на подсыпке в нескольких местах. В отдельных местах, во вкраплениях золы, угольков и кальционированных костей обнаружены: фрагменты разбитых глиняных лепных сосудов, два железных ножа, медная набоечка, обломки неопределенных железных предметов, железные удила (рис. 44) и зуб лошади, бронзовая фибула и перстень (рис. 47), зонные бусы желтого цвета и большое количество оплавленных бус в виде слитков стекла.

Не исключено, что в кургане № 18 погребены мужчина и женщина. Погребения можно датировать IX – серединой X вв. Комплексы вещей из погребений курганов у д.д. Петрополье и Доброселье не содержали каких-либо балтских элементов. Эти курганы можно рассматривать как типичные славянские памятники IX–X вв.

На Поклонной Горе, неподалеку от г. Вязьмы, в одном кургане были: фрагменты железного обруча от деревянного ведерка и обломки глиняного сосуда; в другом кургане (№ 1) найдены: глиняный сосуд-урна и железный топор. Эти два кургана можно датировать X в., более точная датировка затруднена, так как нет сведений о характере керамики. Курган № 2, находившийся там же, содержал два проволочных височных кольца, перекрученную проволочную подвеску-держатель с привесками зубов хищного зверя, лунницу, бусы, 2 браслета и перстень [50а, с. 20–26]. Курган № 2, вероятно, сооружен в самом конце X – первой четверти XI вв.

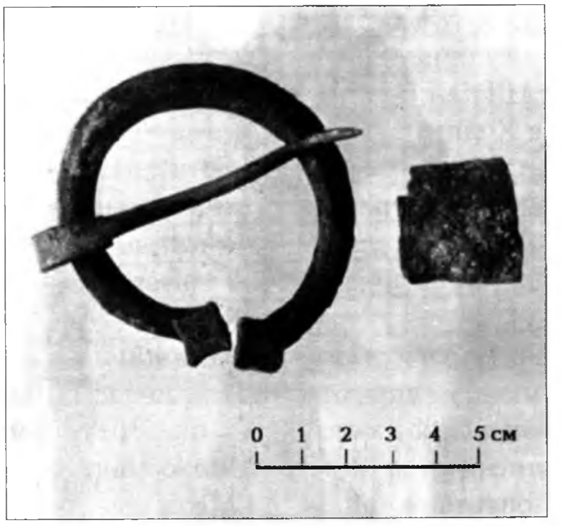

Рис.47. Бронзовая фибула и перстень из кургана у д. Петрополье

Погребальный обряд и вещевой комплекс из этих круглых курганов, без сомнения, связан с курганными древностями славян.

Значительное количество круглых курганов конца IX–X вв. в захоронениях остатков кремации не содержала погребального инвентаря. Часть погребений содержала либо целый глиняный сосуд, либо его фрагменты. В этих случаях в полевых условиях было невозможно определить пол погребенных. Реже встречались захоронения с единичными вещами, которые по инвентарю можно было считать мужскими. В них найдены: железные ножи, железные пряжки; наконечник, накладка и бляшки от ремня, фибулы, из них одна бронзовая фибула с круглым сечением дуги, часть калачевидного кресала, гирька, обломки костяного одностороннего гребня. По инвентарю определено больше женских погребений, и они содержали следующие вещи: стеклянные бусы, имевшие преимущественно синий и желтый цвет. Среди них преобладали мелкие, но были лимонки и такие же по форме, но полосатые; и еще бусы ребристые, гладкие двойные и тройные, вероятно, и других форм, но определить это было невозможно, так как они во время кремации оплавились или превратились в слитки стекла; проволочные височные кольца и перстень, звездчатая фибула, мелкие фрагменты бронзовых предметов, часто оплавленные.

Как уже нами было показано на основе анализа археологического материала, с VIII и до середины X вв. значительная часть населения Смоленского Поднепровья и Подвинья целиком сохраняла этнокультурные традиции КСПДК (Арефино, Купники, Шугайлово, Слобода-Глушица, Цурковка и др.). Рассмотрение женского погребального инвентаря из захоронений КСПДК и ближайших аналогий ему в древностях Восточной Европы второй половины I тыс. н.э. показало, что в целом этот инвентарь имеет полные аналогии в инвентаре

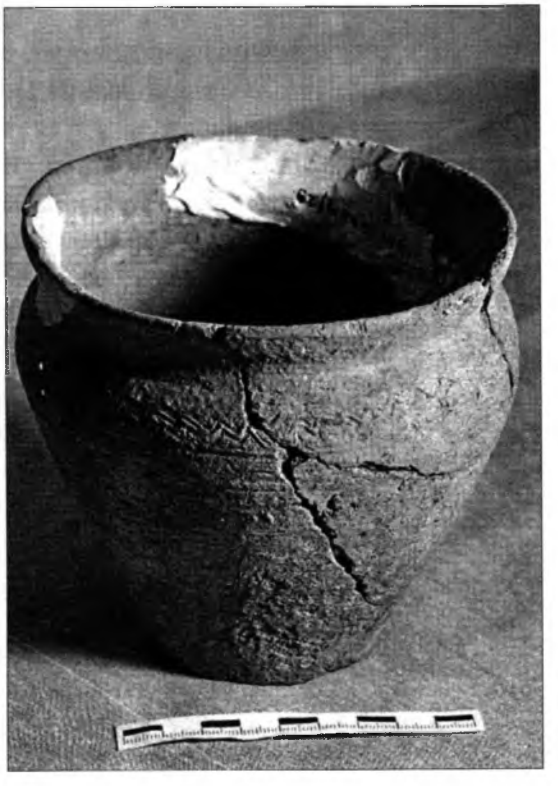

Рис. 48. Глиняный гончарный сосуд X в. из кургана у д. Добroселье

Рис. 49. Курганы у пос. Гнездово. Вещевой комплекс из погребения воина-ополченца в кургане № 105

погребений археологических культур восточных областей Прибалтики, принадлежавших древним литовцам, латгалам и другим балтским племенам.

В то же время женский погребальный инвентарь из захоронений КСПДК совершенно отличен от инвентаря захоронений псковских длинных курганов, в которых в вещевом комплексе проявляются вещи круга западнофинских культур (бляшки-скорлупки, блоковидные кресала и пр.), к тому же, на территории псковских длинных курганов распространена западнофинская гидронимика в отличие от территории КСПДК, где присутствует балтская топонимика. КСПДК не имеет полных аналогий в сопках новгородцев и в других славянских культурах этого времени (Пражско-корчакская, Лука-Райковецкакя и др.). Однако, с конца IX в., видимо после вхождения Смоленской земли в состав Древнерусского государства и усилившейся колонизации славянами земель в Поднепровье и Подвинье, часть местного населения под воздействием славянской культуры начала утрачивать традиции КСПДК (Ковали, Колодня, Кушлянщина и др.), и этот процесс продолжался до начала XI в., когда ассимиляция славянами местного населения, в основном, приняла необратимый характер и начала формироваться культура летописных кривичей XI–XII вв.

В это время, с конца IX в., усилился приток славянского населения с юга и юго-запада, что зафиксировано в материалах из Гнездова [101, с. 50–57], и заметно активизировался процесс расселения славян на землях аборигенов – КСПДК, особенно в зонах влияния уже возникших опорных пунктов колонизации – больших укрепленных поселений типа Гнездова (Смоленск), Вержавска, Витебска, Полоцка. Тогда возникают в Смоленской и Полоцкой землях поселения и курганные могильники, включающие только круглые курганы с трупосожжениями, бедные инвентарем, не содержащие вещей балтских ти-

Рис. 50. Скандинавская монета из клада IX в. у д. Кислые (лицевая и оборотная стороны)

пов, как, например Доброселье, Петрополье, Васильево, Ямполье, Колупаево, Куприно, Будково, Кислые, Гончаренки и другие, существовавшие параллельно с поселениями и курганными могильниками, в той или иной степени сохранявшими элементы КСПДК, как например, Ковали, Колодня, Кушлянщина и другие. Таким образом, в течение X в. в Смоленском Поднепровье и в Подвинье сосуществовали две группы населения: балты КСПДК с захоронениями как в длинных, так и в круглых курганах и славяне культуры круглых курганов с трупосожжениями. Но одновременно шел сложный процесс славянизации местного балтского населения, и имела место в ходе этого процесса конвергенция балтской и славянской культур.

Постепенное прекращение сооружения длинных курганов в конце I тыс. н.э. и переход к индивидуальным захоронениям в круглых курганах являлись процессом закономерным, связанным не только с эволюционным развитием КСПДК, но и с общими социально-экономическими изменениями, происходившими в период окончательного разрушения родовых отношений, которое происходило у всех племен средней полосы Восточной Европы. Но резкое изменение характера культуры между курганами VIII–X вв., с одной стороны, и сферическими курганами X–XII вв. этой же территории с другой стороны, не может быть объяснено только этими причинами. Без сомнения, наряду с социально-экономическими изменениями происходили изменения и в этническом составе населения, что и повело к быстрому исчезновению почти всех элементов культуры, свойственных балтскому населению КСПДК.

Также необходимо учитывать общую тенденцию этнокультурного развития, которая имела место в Смоленском Поднепровье и Подвинье во второй половине I тыс. н.э. В конце третьей четверти I тыс. н.э., когда заканчивался последний этап переселения народов. На рубеже VII и VIII вв. на этих пространствах тушемлинская культура прекращает свое существование. Разорение и опустошение фиксируются на больших пространствах: сожженны убежища и святилища, пришли в запустение поселения, а в отдельных случаях резко сократились их размеры.

Все это особо отмечено в области Смоленского Поднепровья, что исключало сильное влияние ТК на племена, начавшие занимать эти пространства начиная с VIII в. н.э. В VIII в. на территории Смоленского Поднепровья и Подвинья, в значительной степени разоренные, расселяется население КСПДК, пришедшее из соседних областей Восточной Литвы и Латвии. Проникнуть по Днепру они смогли только до впадения в него притоков Вопи и Волости, за которыми далее к востоку в Поднепровье обитали мощинские племена (голядь). В пределах земель голяди курганных могильников КСПДК не обнаружено. Сложившиеся в VIII в. области расселения мощинских племен и КСПДК сохранялись еще и в X в. Однако, в пределы территории носителей КСПДК, видимо, к середине IX в. постепенно расселяются славянские племена: на Двине – славяне-полочане и на Днепре – условно назовем их «смоляне», так как в летописи их собственное название не упомянуто. Первоначально они основали укрепленные поселения вдоль главных путей на берегах рек, которые стали опорными пунктами колонизации и затем постепенно превратились в города: Полоцк, Смоленск (Гнездово), Витебск и др. В это же время славяне начали осваивать всю территорию, создавая сельские поселения преимущественно вдоль больших водных путей. С вхождением Смоленского Поднепровья и Витебско-Полоцкого Подвинья в состав Древнерусского государства увеличился приток славянского населения на эти территории и шло быстрое его расселение в пределах территории КСПДК. Одновременно усилился процесс ассимиляции славянами местного населения КСПДК, которое, можно предполагать, уже с конца IX в. стало именоваться «кривичами». Ко второй половине X в. в силу вышеуказанных процессов культура двух групп населения настолько сближается и патронимический этноним «кривичи» к XI в. распространяется на все население Смоленского Поднепровья,

Рис.51. Раскопки курганов у строительства окружной дороги у р.Ольша

Витебско-Полоцкого Подвинья и Верхнего Поволжья, т. е. на славянизированных Krieva, славян и некоторые группы славянизированных поволжских финнов, обитавших на рассматриваемых нами пространствах. Они составляли объединение, в котором шел процесс формирования единого славяноязычного народа с некоторым своеобразием материальной культуры, как и у других славянских и неславянских народов в пределах Древнерусского государства. Весь формирующийся народ, проживавший на землях КСПДК и состоявший из расселившихся славян и в значительной степени из славянизированных Krieva, в древнерусских летописях именуется кривичами. Такое происхождение этнонима «кривичи» не только становится понятным, но это и вытекает из анализа имеющихся к настоящему времени вещественных археологических источников, в том числе, и рассмотренных нами выше в данной работе.

Процесс ассимиляции славянами аборигенного населения Восточной Европы в пределах Древнерусского государства происходил не только на территории КСПДК, но и на землях мери, муромы, чуди и других групп населения.

ГЛАВА III

ДРЕВНОСТИ КРИВИЧЕЙ XI–XIII ВЕКОВ

Период XI–XIII вв. был весьма важным в истории летописных кривичей. В это время окончательно оформились Полоцкое и Смоленское княжества и сложились княжеские династии. Княжества вели активную политику и расширяли подвластные им территории. Полоцкое княжество осваивало территории, лежавшие западнее и юго-западнее, преимущественно, в бассейне Западной Двины, т.е. земли балтских племен латгалов и земгалов. Смоленское княжество расширяло свою территорию в восточном и северо-восточном направлении, главным образом за счет земель мощинских племен (голяди) по Днепру и Угре (прил. рис. 3). На освоенных территориях возникали поселения кривичей и их курганные могильники. С самого начала XI в. у кривичей происходит смена религиозных представлений: поддержанное княжеской властью утверждается христианство, и изживается, хотя и медленно, язычество. Все это нашло свое отражение в археологических памятниках. Увеличивается количество городов, где сосредотачиваются ремесло, торговля и администрация. Особое развитие получают города – центры феодальной княжеской власти. По своему характеру дифференцируются сельские поселения на феодальные замки, погосты, села, деревни и починки. Однако, весь этот период сельское население по-прежнему хоронит умерших в языческих погребальных сооружениях – курганах. Но, как правило, не использует старые курганные могильники КСПДК и на них уже в XI–XII вв. не хоронят, и они оказываются заброшенными, а население создает новые курганные кладбища, на которых утверждается новый погребальный обряд. Такая картина прослеживается повсеместно в пределах Смоленской земли. Так, например, в Поднепровье в бассейне реки Вопь в районе г. Ярцево в VIII–X вв. было 8 курганных могильников КСПДК (прил. рис. 6). На них после X в. не хоронили, а для XI–XIII вв. в этом районе засвидетельствовано всего 3 курганных могильника. Только в одном случае, у д. Сельцо, курганный могильник XI–XIII вв. был рядом с могильником КСПДК (прил. рис. 6). Аналогичная картина наблюдается в Поднепровье в районе гор. Смоленска, где ни на одном могильнике КСПДК не зафиксированы курганы с захоронениями XI–XIII вв. (прил. рис.5), хотя в этом районе, видимо, количество населения не сократилось, так как число могильников XI–XIII вв. не уменьшилось по сравнению с предшествующим периодом.

В Подвинье, на севере Демидовского района в озерном крае известно два курганных могильника КСПДК у д.д. Шугайлово и Аносинки, в которых после X в. не хоронили. Однако в X–XI вв. в этом районе возникло 5 могильников культуры круглых курганов (прил. рис. 4). При этом, во всех трех рассмотренных районах в курганах XI–XIII вв. в женских погребениях не встречены наборы украшений круга балтских древностей, тогда как за пределами Смоленщины – северо-восточнее на Верхней Волге [151] и в Подвинье на северо-западе Белоруссии и в пограничных райнах Литвы [39] балтские женские наборы украшений после X в. использовались [39, с. 53,90].

Причины прекращения захоронений в могильниках КСПДК после X в. пока не выяснены: связано ли это со сменой населения или же было результатом распространения христианства или с какими-либо другими причинами пока не совсем ясно. Однако, нужно отметить, что территория распространения круглых курганов кривичей XI–XII вв. значительно увеличилась по сравнению с территорией КСПДК.

Курганные могильники кривичей XI–XII вв. несколько отличаются от таковых КСПДК VIII–X вв. Как правило, они включают большее число насыпей (до 100 и более) и располагаются на более возвышенных местах берегов рек, речек или других во-

доемов. Какого-либо особого порядка в их взаиморасположении не прослеживается. Но в отдельных случаях (курганные группы у д.д. Саки, Слобода (рис.), Харлапово (рис. 52) в могильниках этого типа выделялись один или несколько больших курганов, вокруг которых группировались курганы меньших размеров. В Харлапове такие большие курганы содержали мужские захоронения. В отличие от курганов КСПДК у основания курганных насыпей XI–XIII вв. всегда прослеживаются кольцевые ровики с перемычками.

В период XI–XIII вв. погребальный обряд кривичей культуры круглых курганов постепенно менялся. Прекратилось кремирование умерших на костре и утвердился обряд трупоположения под курганными насыпями. В погребальном обряде постепенно уменьшается количество сопровождающего инвентаря и меняется само положение умерших при погребении. Христианские элементы обряда постепенно вытесняют языческие и в XIII в. население, как правило, прекращает насыпать курганы, а хоронит умерших на кладбищах по христианским обрядам.

Погребальный обряд кривичей в XI–XIII вв.

Под влиянием распространявшейся христианской религии языческий обряд трупосожжения, господствовавший до XI в., постепенно сменялся обрядом трупоположения. Этот процесс на Руси начался с рубежа X и XI вв. почти повсеместно, в том числе и у кривичей в Верхнем Поднепровье и Подвинье. В целом можно считать, что христианский обряд погребения становится почти общепринятым между серединой XIII в. и началом XIV в. когда население Смоленского Поднепровья и Витебско-Полоцкого Подвинья перестало возводить курганы. Однако, даже при установлении обряда трупоположения, как минимум, на протяжении всего XI в. весьма заметно давали себя знать языческие традиции, включавшие использование огня в обряде погребения. Вообще же язычество сохраняется и проявляется в разных формах как элемент старого обряда, связанного с трупосожжением. При этом, в разных местах Древней Руси это имело свои особенности, но общим и обязательным было использование огня в процессе погребальной обрядности. Чаще всего, предварительно на месте, подготовленном для захоронения, жгли большие ритуальные костры, и погребение совершалось после затухания костра на выжженной поверхности, представлявшей собою большое кострище. Погребение на ровном выжженном участке отмечено не только у кривичей, но и у радимичей [104, с. 83], дреговичей [149а, с. 97–124], вятичей [18] и других групп славянского населения того времени.

Материалы больших раскопок курганных могильников летописных кривичей XI–XIII вв. у д.д. Харлапово (рис. 52) и [163], Туринщина (рис. 54) и [216], Заозерье (рис.2) и [226] и изучение некоторых курганов в других могильниках у д.д. Коробино (рис. 53), Мошевая (рис. 55), у пос. Пржевальское (быв. Слобода, рис. 63) и в некоторых других местах [241] позволили выявить изменения, которые происходили в период курганных погребений XI–XIII вв., и установить некоторые своеобразные черты погребального обряда кривичей, характерные для переходного периода, преимущественно для XI в. В частности, когда сохранялись языческие традиции и после выбора специального места для совершения захоронения на нем разводили большой костер, который как бы символизировал сожжение умершего и, конечно, имел ритуальное значение. Этот костер занимал площадь значительно большую, чем сооружаемый на этом месте курган. Это подтверждается тем, что нижняя часть курганной насыпи, непосредственно над материком, содержала вкрапления золы и угольков, попавших сюда вместе с поверхностным слоем земли, взятым для сооружения насыпи вокруг основания кургана.

Рис.52. Курганы XI–XIII вв. у д. Харлапово (1952 г.).
Ныне на этом месте находится главный корпус Дорогобужской ГРЭС

В соответствии с погребальными традициями сначала умерших подготавливали к захоронению: одевали в лучшие одежды и снабжали различными бытовыми предметами, по их представлениям, необходимыми на том свете. На женщин надевали предметы украшений.

После того, как костер, специально разведенный на месте погребения, угасал, умершего клали на выжженную поверхность, представлявшую собою, по представлениям того времени, священное место, очищенное огнем от всех злых начал. В большинстве случаев в XI в. умерший помещался в центре кострища на спине с руками, вытянутыми вдоль туловища, и головой, ориентированной преимущественно на запад. Имели место некоторые небольшие смещения от ориентировки запад–восток (до 30 градусов к юго-западу или к северо-западу). Они могут быть объяснены разным временем совершения захоронения (года или суток) и особенностями совершения обряда. Наиболее типичные захоронения с ритуальными кострами были в курганах №№ 4, 21, 44 и др. у д. Харлапово [163]. В отдельных курганах этого типа с кострищами имеются специальные деревянные конструкции в виде срубов или обкладок из бревен, например, курганы №№ 4, 21 у д. Харлапово. При этом труп иногда обертывался берестой, а иногда на кострище клалась подстилка из коры различных древесных пород, и труп сверху покрывался либо такой же корой, либо берестой.

Курганы этого типа с выжженным материком хорошо датируются по находкам монет в погребениях. В кургане № 44 у мужского захоронения найден дирхем, чеканенный в Самарканде в 905 г. Если учесть, что он мало изношен, то можно с уверенностью говорить, что захоронение было совершено в первой половине XI в. Эту дату подтверждает и весь остальной инвентарь из кургана № 44 [163, с. 203]. В кургане № 4 мужское захоронение было совершено ранее женского. А при женском захоронении были также дирхемы конца X – самого начала XI вв., а если учесть, что дирхемы сравнительно потерты и имели ушки и использовались в качестве подвесок, то можно с уверенностью говорить, что женское погребение совершено во второй половине XI в., а мужское погребение было совершено

несколько ранее – около середины второй половины XI в. Это подтверждают и другие находки вещей как из мужского, так и из женского погребений [163, с. 240, 241]. Можно сделать вывод, что обряд захоронений на выжженном материке, с остатками ритуального костра под курганной насыпью с включением золы и угольков в нижней части насыпи самого кургана, и с наличием в курганах деревянных сооружений вокруг захоронения не только имел место, но был характерным в XI в.

Христианство официально было принято на Руси в 988 г. Но, по мнению академика М.Н. Тихомирова, крещение в Смоленске произошло в 1013 г. [136, с. 355]. В XI–XIII вв. христианство являлось господствующей религией в Древнерусском государстве. Древнерусские летописи, освещая многие события периода до татаро-монгольского нашествия, уделяют значительное внимание вопросам христианской религии и повествуют о строительстве храмов и других событиях из церковной жизни. Создается картина повсеместного безусловного принятия христианства и как бы быстрого перехода от язычества к христианству. Но все-таки реальность того времени была иной и иногда находила некоторое отражение даже в трудах летописцев. Несмотря на официальную тенденцию в освещении религиозных вопросов, например, Нестор-летописец в XII в. н.э. в «Повести временных лет» пишет, что и в его время (конец XI в.) древнерусское племя вятичи хоронят умерших по языческому обряду: «И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца, и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дороге. ... Этого же обычая держались и кривичи, и прочие язычники...» [98, с. 211]. Это можно считать свидетельством, что в XI в. еще не был изжит обряд кремации умерших, но в то же время археологические данные говорят, что обряд кремации в это время сменялся обрядом трупоположения на месте, выжженном ритуальным костром.

Таким образом, археологические источники подтверждают, что во второй половине XI и начале XII вв. основная масса кривичей своих умерших не сжигала, и этот обряд изживался в первой половине XI в. и был заменен обрядом трупоположения в курганах. К сожалению, мы не имеем прямых однозначных письменных источников, с помощью которых можно было бы восстановить все особенности перехода местного населения – кривичей от язычества к христианству. Можно полагать, что смена идеологических представлений всегда происходит медленно, с большими трудностями, так как эти представления весьма устойчивы и консервативны. Это в значительной степени относится и к сельскому населению Смоленской земли XI–XIII вв., у которого вековые традиции играли весьма важную роль.

В результате многолетнего археологического изучения сельских поселений и сельских курганных некрополей XI–XIII вв. в Дорогобужском [163, с. 184–290], Ельнинском [106, с. 219–252], Смоленском [68, с. 273–319; 216 , с. 5–112], Рославльском [70, с. 5–68], Руднянском [195, с. 23–30 и 163–165] и других районах Смоленской области получены вещественные источники, позволяющие в некоторой степени осветить отдельные стороны этого сложного процесса перехода от язычества к христианству. В данном случае рассмотрим три аспекта этого процесса: 1) погребальные сооружения; 2) положение умерших; 3) вещевой комплекс в захоронениях.

Отдельные вопросы проблемы перехода от язычества к христианству ранее рассматривались [207, с. 91–97; 209, с. 15–19], но следует еще раз вернуться к этим вопросам и рассмотреть их в свете современного состояния археологических источников.

Погребальные сооружения в виде сравнительно высоких земляных насыпей – курганов преимущественно округлой формы возводились над прахом умерших и до XI в. В X в., когда еще сохранялась традиция сожжения покойников на костре, в пределах Смоленской земли установился обычай сооружать круглые курганы формы сегмента шара над

Рис. 53. Курганы XI–XIII вв. у д. Коробино

остатками кремации. Круглый курган, можно полагать, по представлениям того времени являлся домом вечности и он символизировал небесную сферу и космос в целом. Это языческое представление сохранялось в течение XI–XIII вв., хотя постепенно утрачивало особое значение, что подтверждается изменениями в деталях конструкции кургана и обрядовых действиях при его сооружении.

Основным поворотным моментом на рубеже X и XI вв. являлся переход от сожжения умерших к трупоположению, что, без сомнения, связано с принятием христианства. Переход человека в мир иной ранее, в течение тысячелетий был связан с огнем, и вырабатывался сложный обряд трупосожжения, который был многовековой традицией и одним из элементов общей культуры восточнославянского мира до конца X в. Но обряд сожжения умерших ни в коей мере не соответствовал христианским представлениям о смерти и жизни в потустороннем мире – будь то рай или ад. Это языческое нужно было исключить из духовных представлений верующих христиан. С принятием христианства, после рубежа X и XI вв. сжигать умерших перестали, но культ огня по-прежнему проявлялся в погребальном обряде еще некоторое время. Почти до конца XI в. на месте захоронения умершего и сооружения кургана разводился большой ритуальный костер, который как бы символизировал обряд кремации, но умершего не сжигали, а его, специально подготовив, укладывали на остывшее кострище посередине выжженного участка, снабдив некоторым количеством вещей (орудия труда, бытовые вещи, украшения). Затем над ним насыпался курган за счет выемки грунта вокруг сооружаемой насыпи, в результате чего образовывался кольцевой ровик с одной или двумя перемычками как бы входами в дом мертвого (прил. рис. 29:1). В конце XI – начале XII вв. ритуальный костер на месте сооружения кургана уже не разводился, хотя в отдельных случаях огонь использовался, возможно, для очистки места погребения от травы и мусора, поэтому кострище не образовывалось, но следы огня под курганной насыпью иногда фиксируются по едва заметным остаткам золы и мелких угольков. Чаще всего участок просто очищался от растительности и мусора

без использования огня, и на поверхности почвы помещался умерший, над которым возводился курган, вокруг которого выбирался грунт для его сооружения и образовывался кольцевой ровик с перемычками. В то время сохранялся языческий обычай помещать в курганную насыпь дополнительные захоронения в строго определенном порядке (прил. рис. 28:3,7,10). Потребовалось около полутора столетий, чтобы вера в очистительную силу огня для души и тела умершего перестала быть необходимой. Однако уже в конце XI – начале XII вв. на выбранном и очищенном участке выкапывалась неглубокая погребальная яма прямоугольных очертаний, иногда прорезающая только слой дерна. В яму помещался умерший и затем в обычном порядке возводилась курганная насыпь (прил. рис. 29:3,4). С середины XII в. и до конца периода сооружения курганов, как правило, выкапывались глубокие погребальные ямы, в которых помещались умершие, иногда в колодах или чаще – в дощатых гробах (рис. 29:5, 6, 7). Эти ямы под курганными насыпями, как и использование колод и гробов, можно рассматривать как включение новых христианских элементов погребальной обрядности в языческие традиции. Меняется несколько и положение самого умершего на месте погребения, что заметно проявляется в положении рук. Их клали не вдоль туловища, а укладывали в разном положении: то – одна рука на груди, а вторая на животе, то обе руки вместе на груди или на животе, а к концу периода совершения погребений в курганах руки укладывали на животе или на груди крестообразно в соответствии с нормами христианского обряда. В последний период существования курганного обряда величина курганных насыпей над могильными ямами заметно уменьшается. Где-то после середины XIII в. захоронение в курганах прекращается, а умерших уже хоронят на сельских кладбищах по христианскому обряду.

В конце XI – начале XII вв. погребальный обряд в целом, как уже было сказано, несколько меняется. Ритуальные костры не используются. Захоронения совершаются на чистом материке. Место, выбранное для погребения, очищалось от растительности и мусора. Но в это время вводятся новые элементы в погребальную обрядность: определялась площадь основания кургана, чаще всего, очерчиванием круга, по периметру такого круга с его внутренней стороны насыпался земляной валик за счет земли, либо счищенной с поверхности за пределами круга, либо за счет выемки грунта с внешней стороны по периметру валика, где образовывался кольцевой ровик (прил. рис. 29:1,2,5,6). Часть курганов, у которых эти конструкции хорошо прослеживались, имела валики небольших размеров: ширина у основания – 0,5–0,8 м, высота – до 0,2 м. Образовавшиеся кольцевые канавки были шириной на поверхности материка до 0,35 м при глубине 0,2–0,5 м. В курганах у д. Туринщина ни в заполнении кольцевых канавок, ни на их дне следов каких-либо деревянных конструкций в однородном грунте обнаружено не было, но это не значит, что их не сооружали. Только в одном случае, в кургане № 5 в кольцевой канавке отмечены следы двух ям от вертикально постав-

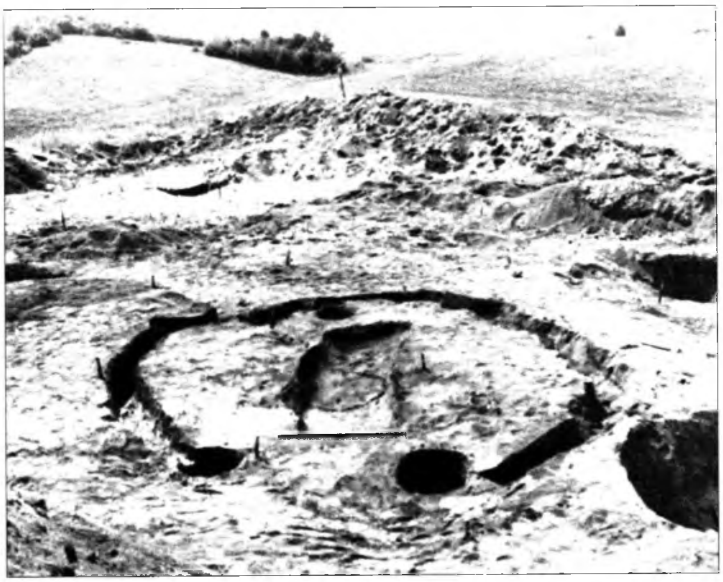

Рис. 54. Курганный могильник у д. Туринщина. Курган № 5. Погребальная яма; кольцевая канавка и ямы от столбов – следы ограждения вокруг курганной насыпи

ленных столбов у восточного края насыпи. Ямы прорезали канавку на глубину 0,5 м. Судя по всему, стоявшие здесь столбы были частью ограды и являлись оформлением входа на курган. К столбам примыкала ограда, окружавшая весь курган, возможно, имевшая конструкцию плетня или частокола. Подобное обустройство курганов засвидетельствовано в земле вятичей, в частности, в курганном некрополе второй половины XI – первой половины XII вв. в древнерусском городе Старая Рязань. При этом указано, что курганы с канавками и оградками составляли около 13% от общего числа изученных курганов. Считается, что «Помимо утилитарного назначения, оградки играли магическую роль..., что пространство вокруг покойника в форме замкнутого круга делало его недостигаемым для злых духов, играло роль оберега, магический круг предохранял и живых от чар мертвеца» [32, с.359].

При обряде погребения на чистом материке ориентировка погребений была такой же, как и в XI в. на ритуально выжженном участке, то есть – западная. При этой погребальной обрядности часто используются: дополнительные деревянные сооружения, подстилка коры или обертывание умершего берестой. Иногда в основании кургана, на материке встречаются очень мелкие и редко расположенные угольки и ничтожные следы золы, которые можно рассматривать не как следы ритуального костра, а как результат очищения участка огнем. В отдельных случаях на участке проводилась подсыпка чистого песка, а на ней совершалось погребение. Подобные особенности обряда погребения соблюдались в течение всего XII в.

Погребение умерших в деревянных сооружениях встречаются в курганах редко. Так в могильнике у д. Туринщина, в кургане № 44 обнаружены следы деревянного сооружения в виде «домика мертвого». Он имел прямоугольную форму при общих размерах в плане 3,0 х 1,5 м и представлял собою деревянный бревенчатый сруб, перекрытый двускатной крышей [216, с.17, табл. XXV:4]. Внутреннее пространство домика, где помещался умерший, имело размер 2,4 х 1,2 м. Такой характер конструкции домика подтверждают следы бревен нижнего венца и по три столбовых ямы на торцах с их внутренней стороны. В курганах XI–XIII вв. у смоленских кривичей встречаются деревянные домовины и другого типа, примером чему может служить сооружение из кургана № 17 у д. Харлапово, состоявшего из бревенчатого настила площадью 3,2 х 1,2 м, положенного по краям на массивные куски бревен длиною 1,4 м. Под этим настилом на поверхности материкового грунта располагалось женское погребение [163, с. 251, рис. 19].

В XII в. широко распространяется обряд погребения в подкурганных ямах, который имел место и далее до середины XIII в. Есть отдельные случаи, когда неглубокие ямы выкапывались и во второй половине XI в. Все ямы в плане четырехугольные со слегка округленными углами и ориентированы они длинной осью с запада на восток. В XII в. глубина ям сравнительно небольшая 0,4–0,6 м), а в конце периода сооружения курганов, то есть к середине XIII в. выкапывались более глубокие ямы (до 1 м и более). Часть погребений на дне ямы помещалась на подстилке из коры, в отдельных случаях была подсыпка из чистого кварцевого песка. Начиная с XII в. стали использовать деревянные гробы, что подтверждается находками железных гвоздей (прил. рис. 34 и 35), в это же время могли хоронить и в колодах, остатки дерева достаточно явно прослеживались при раскопках курганов у д. д. Харлапово [163, с. 270, курган № 61] и Туринщина [216, с. 9, табл. XVIII, курган № 31; табл. XX, курган № 32]. Во всех случаях покойник помещался в яме головой к западу. Мужские погребения в подкурганных ямах бедны инвентарем: часть их содержит нож и глиняный горшок, у некоторых найдены только металлические пуговицы, но есть погребения и без инвентаря. Женские захоронения этого времени содержат скромный набор украшений, и часто качество металла, из которого они изготовлены, весьма низкое – это очень патинированная бронза или сплавы серебра с другими металлами, сильно окислившиеся. Большинство женских погребений содержало: височные кольца, браслетообразные сомкнутые и перстнеобразные; стеклянные и пастовые бусы. Реже встречались браслеты и перстни и другие украшения.

Обычно принято говорить о курганах кривичей XI–XIII вв. как об «индивидуальных усыпальницах» с обрядом трупоположения, однако это не совсем точно. Так по материалам раскопок курганов у д.д. Заозерье, Туринщина, Харлапово и в других местах установлено, что погребальный обряд кривичей XI–XIII вв. не исключал дополнительных захоронений в уже существовавшем кургане с одним основным погребением. Больше половины раскопанных нами курганов содержало 2 и более захоронений. Совершенно понятно, что в курганной насыпи с первым погребением делались дополнительные захоронения ближайших родственников. Встречаются захоронения: одного мужчины и одной или двух женщин; двух мужчин и одной женщины; двух мужчин; женщины и ребенка; двух детей. Только незначительная часть двойных захоронений совершена на материке одновременно, основная масса вторых захоронений – дополнительные или вводные. Если вторичное захоронение совершалось на выровненной площадке на поверхности уже существовавшего кургана, а затем курган значительно сверху подсыпался и увеличивался в своих размерах, то такое захоронение можно называть дополнительным (прил. рис. 28:5–10). В случае, когда в кургане копалась яма и в ней помещался умерший, а затем яма засыпалась, но форма и размеры кургана не изменялись, то такое захоронение нужно считать вводным. Вводные и дополнительные захоронения совершались в течение всего периода господства обряда трупоположения в курганах, то есть с XI по XIII вв., и даже в самых поздних курганах с глубокими подкурганными ямами делались вводные захоронения [163, с. 269,270, рис. 53; 216, курганы №№ 7 и 32]. Наблюдается определенная закономерность в расположении этих вводных и дополнительных захоронений. Они совершались либо севернее, либо южнее основного погребения, но покойник клался головой к западу параллельно основному захоронению (прил. рис. 28:7,10). В XII – начале XIII вв. увеличивается количество собственно вводных погребений. Можно полагать, что это связано с распространением в это время захоронений в грунтовых ямах, а вводные захоронения по существу являются также захоронениями в яме, только вырытой не в грунте материка, а в поле существующего кургана. Конкретная датировка таких погребений определяется как по сопровождающему инвентарю, так и по датировке основного захоронения. Обычай совершать дополнительные и вводные захоронения в уже существующем кургане является, несомненно, пережитком более ранних форм погребального обряда с трупосожжениями, отраженного в длинных, удлиненных и круглых по форме курганах КСПДК VIII–X вв.

После помещения умершего на поверхности материка или в яме над ним насыпался курган грунтом, взятым здесь же, вокруг основания сооружаемой насыпи. При этом в пределах любого курганного могильника в наиболее ранних курганах XI – начала XII вв. основание насыпи составлял сероватый грунт с тонкими бурыми гумусированными и зольно-углистыми прослойками. Такой характер этой части насыпи обуславливался тем, что в первую очередь использовался почвенный горизонт с остатками ритуального костра, имевшего большую площадь, чем основание кургана. При значительной высоте курганной насыпи этого времени ее верхняя часть, как правило, состоит из чистого материкового грунта (песок или суглинок).

В поздних курганах второй половины XII – начала XIII вв. насыпи, как правило, не содержат зольно-углистых прослоек в своей нижней части, а состоят из материкового грунта. Если материковый грунт в своей верхней части был неоднородным, то насыпь может включать разные прослойки (песчаные, суглинистые, глинистые). Характер и расположение таких прослоек дают возможность решать вопросы о вводных и дополнительных захоронениях и последовательности их размещения в насыпи кургана, и о подсыпках и увеличении размеров кургана. Большинство курганов возводилось в один прием. Та часть курганов, в которых были размещены дополнительные захоронения, и в зависимости от их количества, насыпь кургана сооружались в два и более приемов.

Рис.55. Курганы XI–XII вв. у д. Мошевая

Возведение курганной насыпи производилось грунтом, взятым непосредственно вокруг ее основания. Сооруженный курган, как правило, был круглым, то есть имел форму сегмента шара, однако не исключено, что некоторые курганы первоначально имели форму конусовидную, но с течением времени под воздействием природных факторов ее утратили и стали высокими круглыми (типа сегмента шара). В результате выемки грунта для возведения кургана образовывались ровики – углубления, размеры и глубина которых различна и зависела от количества выбранного грунта. В курганах XI в. форма ровиков и их размеры значительно варьируют. Бывает один сплошной кольцевой ровик с одной перемычкой или два полукольцевых ровика с двумя перемычками между ними, но есть курганы с несколькими ровиками разного размера и соответствующим количеством перемычек между ними. У некоторых курганов было по три ровика, которые преимущественно располагались на ЮВ, СВ и СЗ сторонах насыпи. В курганном могильнике у д. Туринщина в XII в. устанавливается обычай, при котором грунт берется обязательно в четырех местах, соответственно, на С, В, Ю и З сторонах курганной насыпи или же на СВ, ЮВ, ЮЗ и СЗ сторонах. Оставленные между четырьмя ровиками перемычки образуют как бы крестообразное обрамление круглой курганной насыпи [216, с. 15]. При любом количестве ровиков, как правило, две перемычки между ними располагались примерно на СВ и ЮЗ сторонах и их общее направление совпадало с длинной осью погребальных ям и ориентировкой положения погребенного. Между ровиками образовывался как бы специальный проход в северо-восточном и юго-западном направлениях, то есть, в сторону восхода и захода солнца. Таким образом, в расположении ровиков и перемычек можно усмотреть определенные традиции языческой обрядности и их ритуальное значение, связанное, видимо с представлениями о выходе духа или самого погребенного на восход солнца и возвращение со стороны заката, для чего и оставлялись свободные перемычки. Нужно отметить, что еще в 1920-х гг. Н.И. Савин в результате изучения курганов в Дорогобужском уезде Смоленской губернии высказал предположение, что форма и расположение ровиков имели ритуальное значение [106 , с. 231]. Без сомнения, по мере усиления влияния христианской религии в XII и начале XIII вв. представления сельского населения менялись. Это нашло отражение и в расположении и количестве ровиков и перемычек, которые стали отражать элементы христианской символики в виде крестообразного их расположения, что еще некоторое время не исключало языческие элементы в погребальной обрядности, ярко выраженные в самом факте сооружения круглых курганов.

Погребальная обрядность XI–XIII вв. уже заметно отличается от погребальной обрядности КСПДК и не только распространением трупоположения, но и набором украшений и других вещей. Однако, некоторые детали погребальной обрядности КСПДК еще длительное время у летописных кривичей сохранялись: очищение места погребения риту-

альным костром, ярусное размещение дополнительных и вводных захоронений, изредка встречаемая восточная и северная ориентировка мужских погребений, значительное обилие металлических украшений в женских погребениях по сравнению с женскими погребениями древлян, северян и других групп славянского населения Восточной Европы.

Вещевой комплекс погребений XI–XIII вв.

Погребальная обрядность летописных кривичей периода XI–XIII вв. предусматривала помещение в погребение некоторого количества вещей, набор которых, можно полагать, определялся полом, возрастом и положением погребаемого в тогдашнем обществе. По мере утверждения христианства после рубежа X и XI вв. представление о загробной жизни со временем менялось, и обычай помещать умершему различные вещи постепенно утрачивал свою обязательность. Однако, если в городе Смоленске в XII в. кривичей уже хоронят по христианским обычаям, и погребения не содержат набора вещей, то сельское население еще долго сохраняет языческие традиции в течение XI – начала XIII вв. В погребениях этого времени присутствует то или иное количество вещей, составлявших в целом погребальный инвентарь. Но уже к концу XII в. количество вещей значительно сокращается, и встречаются в курганах погребения с одним-двумя предметами, либо вообще без инвентаря. Это четко фиксируется на материалах из курганного могильника у д. Туринщина как в мужских погребениях, так и в женских [216, с. 18]. То же самое наблюдалось и по материалам из курганного могильника у д. Харлапово [163, с. 196].

Инвентарь женских погребений XI–XIII вв.

Женские погребения кривичей XI–XIII вв. выделялись среди других групп населения Поднепровья обилием металлических украшений, изготовленных из серебра, меди, бронзы и разных сплавов цветных металлов. Некоторая часть женских украшений изготавливалась местными мастерами из привозного металла, так как месторождений цветных металлов нет ни в Верхнем Поднепровье, ни в Подвинье. Однако, значительная масса металлических предметов поступала в виде готовых изделий извне путем торговли. Основная масса стеклянных, каменных и металлических бус была предметом импорта, хотя к XII в. в Киеве и других древнерусских городах освоили стекловарение, и местные мастера начали изготавливать стеклянные бусы, браслеты и пр. в соответствии с требованиями тогдашней моды. При рассмотрении инвентаря из женских погребений главное внимание будет уделено этноопределяющим артефактам, а вещи, имевшие широкое распространение в славянских древностях на пространствах Древней Руси и за ее пределами, будут охарактеризованы кратко.

Височные кольца. Своеобразным украшением, характерным для всех славянских племен XI–XIII вв. Восточной Европы, включая смоленско-полоцких летописных кривичей являлись височные кольца. Население каждого славянского племени по традиции имело свои, свойственные только ему особые формы височных колец, вместе с которыми могли использоваться широко распространенные формы перстнеобразных колец и иногда отдельные кольца, характерные для других, соседних племен.

Все найденные в курганах кривичей височные кольца по их форме можно подразделить на следующие основные типы: **Тип 1.** Браслетообразные; **Тип 2.** Перстнеобразные; **Тип 3.** Ромбощитковые; **Тип 4.** Трехбусинные; **Тип 5**. Семилопастные; **Тип 6.** Семилучевые. Абсолютно преобладают браслетообразные и перстнеобразные кольца [163, табл. II:1;

III:6,7,9,10; IV:1–5]. Остальные типы колоец встречаются не так часто или единично. Они в разных сочетаниях и являются характерными для кривичей и одновременно этноопределяющими. Браслетообразные круглопроволочные завязанные кольца в XI – первой половине XII вв. бывают у погребенных от 1 до 3 у висков с каждой стороны головы (прил. рис. 19:1,4 и прил. рис.20:9–14).

Рис.56. Комплекс вещей из погребения воина-ополченца в кургане № 19 у д. Туринщина. Нож, боевой топор; части пояса – изделия из бронзы: пряжка и 2 поясных кольца

Они могли дополняться перстнеобразными и ромбощитковыми височными кольцами и все вместе они составляли убор головы. Височные кольца других типов (трехбусинные, семилопастные и семилучевые найдены единично и иногда без браслетообразных. Кольца этих типов не были характерными элементами украшения головы у кривичей, хотя в отдельных местах и использовались в качестве украшений. К примеру: семилопастные височные кольца встречаются в восточной части территории кривичей, находящейся по соседству с землей вятичей, тогда как семилучевые – на юго-восточной окраине их территории, граничащей с радимичами.

Со второй половины XII в. в употреблении были браслетообразные сомкнутые височные кольца совместно с перстнеобразными. В некоторых курганных могильниках иногда используются только перстнеобразные височные кольца. Наблюдается общая закономерность изменения качества металла, из которого изготавливались височные кольца, его постепенное ухудшение от XI в. к XIII в.

Браслетообразные височные **кольца** в XI–XII вв. известны на всей территории, заселенной кривичами (верхние течения Волги, Днепра и Западной Двины), иногда они встречаются и на территории соседних с кривичами племен (новгородских словен, вятичей, радимичей и др.). Исследователи отмечали несколько форм браслетообразных колец: Т.Н. Никольская [86], П.Н. Третьяков [138], А.В. Успенская [149]. Но не предпринимали попытки установить хронологические изменения украшений этого типа. Так, например, Т.Н. Никольская в хронологической таблице для верхневолжских курганов отмечает в разных графах кольца: завязанные, сомкнутые, с завитком и т.д., но относит их все к первой стадии, т.е. к XI – первой половине XII вв. Однако, подобные височные кольца встречаются в верхневолжских курганах и во второй стадии, в XII–XIII вв. и на этой же таблице отмечены в четырех из десяти приведенных курганов. При анализе всех браслетообразных колец, найденных в курганах у д. Харлапово, выяснилось, что височные кольца этого типа за два с половиной столетия значительно изменялись [163, с. 205–207; табл. IV:7–11]. Это подтверждается и материалами из раскопок курганов у д. Туринщина [216] и в других местах [106]. Ранними формами, относящимися к XI – первой половине XII вв., следует считать типичные серебряные (билоновые и бронзовые) браслетообразные **завязанные** височные кольца с правильной двусторонней завязкой [163, табл. III: 6,7]. Характер завязки может иметь три разновидности [163,табл. IV]: **1**. Оба завернутые конца утонченные;

2. Оба завернутые конца расплющенные; **3**. Оба конца завернуты, но один конец утонченный, а второй расплющенный. Поздними, то есть появившимися с начала XII в., следует считать **полузавязанные** браслетообразные височные кольца, завязка которых состоит из одного утонченного конца, правильно закрученного в несколько витков вокруг второго прямого, не закрученного конца проволоки. Иногда встречается, что второй конец утонченный, длинный и образует только один удлиненный виток (прил. рис. 19:1,4;20:11). В то же время, особенно начиная с XII в., используются простые разного диаметра **сомкнутые** браслетообразные височные кольца (рис.20:10,14; 21:19. Дд. Харлапово, Заозерье, Туринщина и др.). Они особенно получили широкое распространение севернее Смоленского Поднепровья и также на Волге [86], где бытовали и в XIII в., и несколько позднее, когда в Смоленском Поднепровье уже прекратилось сооружение курганов.

Ромбощитковые височные кольца были распространены у смоленских кривичей сравнительно широко. Они найдены не только на Днепре, но и в верхних течениях Десны [70] и Угры [26]. В Харлапове они были в девяти захоронениях [163, с. 206]. Сделаны эти кольца из серебра. На проволочных кольцах имеются по три или четыре ромбовидных расширения, украшенных орнаментом. Характерным признаком, отличающим ромбощитковые височные кольца смоленских кривичей от ромбощитковых височных колец новгородских словен, является наличие у смоленских колец завязки, подобной завязкам браслетообразных колец [163, с. 206, 207; табл. II:2,4,6,8], тогда как подобные новгородские кольца на концах имеют с одной стороны крючок, а с другой стороны щиток с отверстием. При этом ромбощитковые височные кольца встречаются в женских погребениях кривичей только совместно с полным набором браслетообразных завязанных XI – самого начала XII вв. и способ их прикрепления к головному убору был таким же, как и у браслетообразных колец, то есть они привязывались кожаными ремешками. Ромбощитковые завязанные височные кольца можно также считать обычными украшениями смоленских кривичей.

Перстнеобразные височные кольца встречаются в курганах кривичей XI–XIII вв. повсеместно. Они, чаще всего, имеют размеры от 2 до 3,5 см в поперечнике и, в большинстве случаев, представляют собой согнутую колечком серебряную или бронзовую тонкую проволоку (рис. 59:1,2). Чаще всего они относятся к типу простых сомкнутых (прил рис.19:2; 21:17,19).

Реже встречаются кольца загнуто-конечные с простым круглым завитком на одном из концов, обращенным вовнутрь (прил. рис.21:14) или с таким же завитком, обращенным наружу [163, табл.VI:6]. Использовались также перстнеобразные височные кольца с эсовидным завитком наружу на одном из концов (рис. 57 и рис. 60) [216, табл. VII:2,3]. Последние формы колец встречаются преимущественно в захоронениях XII в. В это же время использовались перстнеобразные кольца с продетой на кольцо одной плетеной металлической ажурной бусиной (рис. 58). Весьма редки в ранних погребениях завязанные перстнеобразные кольца (прил. рис. 21:15).

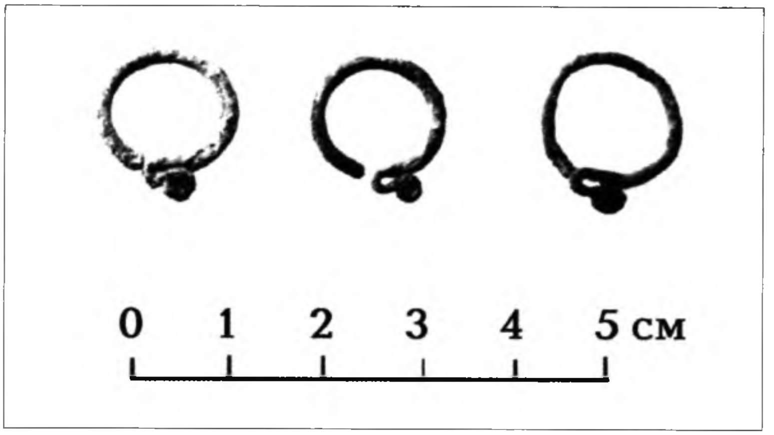

Рис.57. Бронзовые перстнеобразные височные кольца с эсовидными концами из кургана № 32 у д. Туринщина

Трехбусинные височные кольца у кривичей встречаютсч редко. Погребения с такими кольцами отмечены в Харлапове, Мутышине и Кубарках. На гладкое сере-

бряное или бронзовое кольцо надеты три дутые металлические гладкие бусины, иногда надевались бусины плетеные из тонкой проволоки или стеклянные. Этого типа височные кольца использовались смоленскими кривичами преимущественно с конца XII в.

Семилопастные височные кольца засвидетельствованы в Смоленском Поднепровье только в одном погребении кургана № 25 у д. Харлапово, датированном началом XIII в. [163, с. 208, табл. III:11]. Можно полагать, что оно происходит из земли вятичей.

Семилучевые височные кольца найдены в курганных могильниках у д.д. Сукромля, Крестовая, Колпеница, расположенных в верховьях р. Ипуть и на ее притоках. В курганах этих могильников в качестве украшений были и браслетообразные височные кольца [70]. Но, так как эта территория граничит с землей радимичей, то не исключено, что здесь были сельские территориальные общины со смешанным населением, состоявшим из кривичей и радимичей.

Серьги. Рассмотренные нами перстнеобразные височные кольца малого размера с напускными бусами (прил. рис. 34:6,7,24; 35:21) или эсовидным завитком могли использоваться как серьги [120, с. 14]. Это отмечено для Харлапова [163, с. 208] и для Туринщины [216, с. 25, табл. VII:5,6].

Шейные гривны встречаются не часто. В Харлапове при большом количестве раскопанных курганов обнаружена только одна шейная гривна в кургане № 66. Эта бронзовая гривна была полужгутовой с завернутыми концами [163, с. 208, табл. XIII:2]. У смоленских кривичей они представлены преимущественно двумя типами: дротовые с разной формой замка и витые с плоскими концами. В пределах Смоленской земли они найдены в погребениях курганных групп: Харлапово, Крестовая, Кузьмичи, Сукромля [70, 106, 163]. Известен случай, когда в качестве шейной гривны использовано височное кольцо с односторонней завязкой большого диаметра [163, с. 208, табл. IV:1].

Бусы – самое распространенное женское украшение. Они разнообразны по форме, цвету и материалу. Большей частью использовались стеклянные бусы, которые в XI – первой половине XII вв. сочетались иногда с каменными. Сочетание же стеклянных бус с металлическими известно во второй половине XII в. Ожерелье из бус могло состоять из одного или нескольких рядов нитей.

Стеклянные бусы представлены очень многими типами, но в XI в. и до середины XII в. преобладали **золотостеклянные** бусы. Во второй половине XII в. ожерелья включали преимущественно бусы из чистого стекла или стеклообразной пасты. Золотостеклянные бусы состоят из двух прослоек прозрачного стекла и золотой фольги между ними. Иногда использовалась в качестве прокладки серебряная фольга. Вообще золотостеклянные и серебростеклянные бусы считаются характерными украшениями кривичей. По форме они подразделяются на бочкообразные и цилиндрические и могли быть разных размеров. Использовались также бусы бочкообразные и цилиндрические из чистого прозрачного стекла. Кроме того, иногда встречаются золоченые бусы битрапециоидные, двойные и

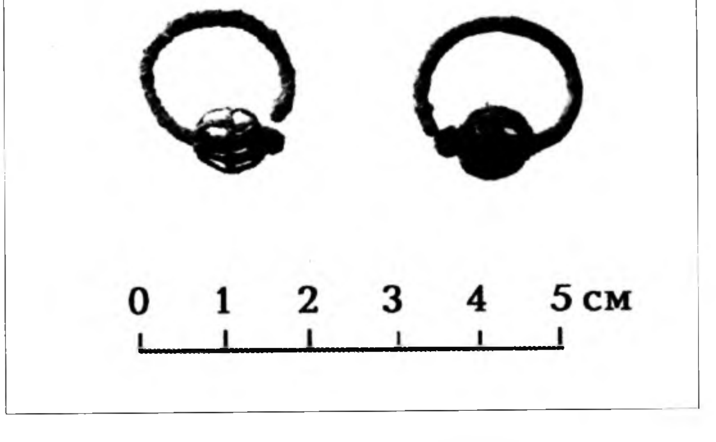

Рис.58. Бронзовые перстнеобразные височные кольца с серебряными ажурными бусинами из кургана № 32 у д. Туриншина

тройные и таких же типов без позолоты. Использовались еще бусы кольцеобразные, зонные, шарообразные и винтообразные, изготовленные из светлого прозрачного, желтого или синего стекла.

Стеклянные золоченые бусы найдены в большинстве женских захоронений на всей территории расселения кривичей. Были они в употреблении в XI и XII вв. Однако по своему характеру золоченые (золотостеклянные) бусы неодинаковы. В погребениях XI в. стекло хорошего качества, прозрачное, позолота яркая и бусы хорошей сохранности. В XII в. постепенно качество стекла ухудшается: оно уже полупрозрачное, кристаллизованное, а в некоторых случаях вместо золотой фольги использована желтая краска. В поздних захоронениях больше мелких золоченых бус и они плохой сохранности.

Стеклянные бусы других типов таковы: **Тип 1.** Бисер или карликовые из прозрачного, желтого и синего стекла; **Тип 2.** Глазчатые и слоеные бусы, среди которых имеются бочкообразные, цилиндрические, призматические восьмигранные, зонные одинарные и двойные, овальные, округло-треугольные и других форм. Основная масса этих бус бывает черно-бело-желтой или красно-бело-желтой расцветки.

Янтарные бусы встречаются редко. В Харлапове найдены три бусины, имевшие разную форму: бочкообразную, цилиндрическую и битрапециоидную [163, с.209].

Сердоликовые бусы встречены во многих женских погребениях. Основная масса их имеет бипирамидальную 6-гранную или 7-гранную форму, значительно реже встречаются 8-гранные. Сердоликовые бипирамидальные бусы не все одинаковы: длина, толщина и качество обработки их различны. В ранних захоронениях XI в. преобладают бусы хорошо и правильно ограненные. В поздних захоронениях XII в. бывают сердоликовые бусы вытянутых или утолщенных форм и не тщательно отшлифованные. Единично найдены сердоликовые бусы сложной призматическо-бипирамидальной 6-гранной формы и 8-гранные призматические. Иногда встречаются плоские монетообразные, шарообразные, зонные, элипсоидные и 14-гранные сердоликовые бусы.

Хрустальные бусы представлены следующими формами: шарообразные, полушарообразные, эллипсоидные, 8-гранные усеченно бипирамидальные, 6-гранные бипирамидальные, 14-гранные и зонные. Хрустальные бусы чаще всего в ожерельях бывают вместе с сердоликовыми и золотостеклянными.

Аметистовые бусы встречаются очень редко и пока найдены только эллипсоидной формы в Харлапове [163, с. 210].

Шиферные бусы. Находки их также весьма редки: известна только одна битрапецоидная бусина из Харлапова [163, с. 210].

Металлические бусы. Изготавливались они из серебра и из бронзы, и встречаются сравнительно часто. Серебряные пустотелые (дутые) бусы имели такие формы: шарообразные гладкие из двух половинок, шарообразные, покрытые зернью, шарообразные с золотой зернью, эллипсоидные ложнозерненые, ажурные из переплетенных серебряных проволочек. Пронизки-трубочки делались из билона, а спиральки, использованные в качестве бус, изготовлялись из бронзовой тонкой, круглого сечения проволоки.

В ожерельях смоленских кривичей преобладают бусы желтой окраски: золотостеклянные и желтые стеклянные. Встречаются их сочетания с бусами другого цвета: в XI – начале XII вв. – золото-стеклянные и красные сердоликовые; в XII – начале XIII вв. – желтые со стеклянными прозрачными. Бисер бывает преимущественно двух цветов: синий (голубой) и белый (чистое прозрачное стекло), очень редко – желтого цвета.

Подвески разных форм были неотъемлемой частью женского убора кривичей в XI–XIII вв. (прил. рис. 26,27). Они встречены в пределах Смоленской и Полоцкой земель при раскопках вех курганных могильников XI–XIII вв. сельского населения. Подвески были не только элементами женского наряда и украшениями, но одновременно выполняли

функцию талисманов (**обереги**). Входили они в состав ожерелий вместе со стеклянными и каменными бусами разных типов. Часто они просто нашивались на одежду, либо крепились к ней при помощи подвесок-держателей, либо подвешивались на цепочках.

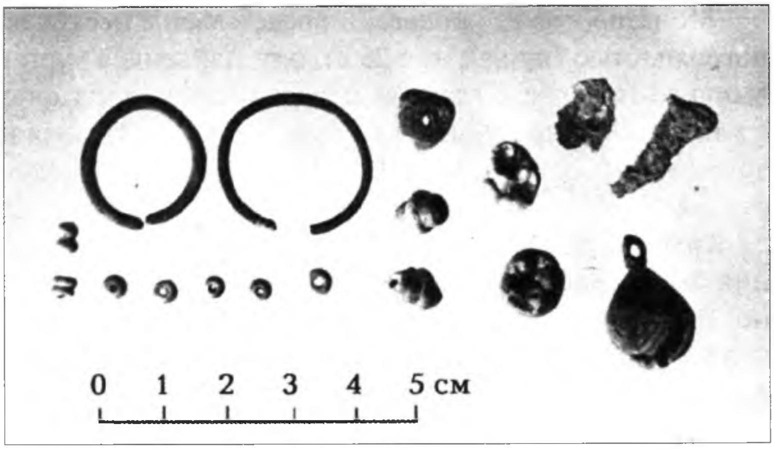

Рис. 59.Вещевой комплекс XII века из женского погребения 4 в кургане № 15 у д. Заозерье

Бубенчики (рис. 59:). В смоленских и полоцких курганах летописных кривичей XI–XIII вв. наиболее распространенными были подвески в виде бубенчиков. Основная масса их найдена в женских захоронениях, тогда как только в некоторых мужских погребениях отмечены их единичные находки. Все бубенчики изготовлены из бронзы путем литья по восковой модели. По своей форме они не одинаковы и их можно подразделить на несколько типов в соответствии с классификацией, предложенной В.А. Мальм и М.В. Фехнер в 1967 г. [79, с.133–148].

У кривичей XI–XII вв. найдены следующие типы бубенчиков: грушевидные крестопрорезные, шаровидные с щелевидной прорезью и шаровидные с крестовидной прорезью.

У грушевидных крестопрорезных бубенчиков верхняя часть по своей форме близка к четырехугольной, а нижняя – округлая и орнаментированная косой нарезкой (прил. рис. 26:38). Это – наиболее часто встречаемый тип бубенчиков XI в. Обнаружены они в курганах Мизинова, Сукромли, Слободы, Харлапова, Заозерья, Мутышина и др.

Бубенчики шаровидные с крестообразной прорезью с орнаментом и без такового (прил. рис. 21:20,21 26:39) были распространены в XI–XIII вв. Они особенно часто встречались в курганах Сукромли, Кубарок, Пильни, Крестовой, Харлапова, Заозерья, Туринщины и др. Бубенчики шаровидные с щелевидной прорезью (прил. рис. 26:40) встречались реже и, видимо, только в XI в. Они отмечены в курганах Харлапова, Заозерья и др.

Бубенчики были элементом женского наряда и одновременно выполняли функции оберегов. Как элементы женского наряда они использовались также в качестве пуговиц, что засвидетельствовано в кургане № 1 у д. Харлапово, где 5 бубенчиков располагались у погребенной в ряд от шеи до колен. Входили они также и в состав ожерелий вместе со стеклянными и каменными бусами. Возможно, как украшения и одновременно будучи оберегами, они либо просто нашивались на одежду, либо подвешивались на цепочках. Иногда бубенчики на цепочках были вместе с подвесками-оберегами разных типов (прил. рис. 27:1,3). В таких случаях их магическое назначение не вызывает сомнений. При движении бубенчики, особенно висевшие на цепочках, издавали звон, который для людей того времени был оберегом, охраняющим их от злых духов и прогоняющим нечистую силу. Считалось также, что бубенчики были символом бога громовержца Перуна [35, с.78].

Значительное количество разных подвесок женского металлического убора в XI–XII вв. было связано с пережитками языческих культов природы и, в том числе, с культом небесных светил – с солнцем и луной. При изготовлении украшений, как символов этих культов, использовали круг, крест, полумесяц.

Подвески круглой формы также широко использовались в женском уборе, Их можно подразделить в соответствии с классификацией, предложенной А.В. Успенской в 1967 г. [150], на отдельные три типа: монетообразные, прорезные и рельефные.

Монетообразные подвески представлены несколькими видами: 1) плоские с гладкой поверхностью (прил. рис.: 26:8), они найдены в курганах у дд. Харлапово, Недники); 2) выпукло-плоские с гладкой поверхностью (прил. рис. 26:16 из Харлапова), 3) монеты с ушком западноевропейские (прил. рис. 26:25, курганы у дд. Харлапово, Туринщина), арабские дирхемы (прил. рис. 26:21), курганы у дд. Харлапово, Преображенское или подражания им – брактеаты (прил. рис. 26:26), курганы у дд. Заозерье, Харлапово.

Круглые прорезные подвески включают такие виды: 1). Стилизованные подражания скандинавским подвескам (прил. рис. 26:12), курганы у дд. Харлапово и Мутышино; 2). Плоские с округлыми или четырехугольными отверстиями, составляющими круги (прил. рис. 26:33), кург. у д. Харлапово или четырехугольники (прил. рис. 26:32, кург. Харлапово). 3). Круглые, включающие крест (прил. рис. 26:20, кург. Харлапово, Павлово). 4). Круглые, включающие лунницу (прил. рис. 26:31 из Харлапова); 5). Круглые с включением лунницы и креста (прил. рис. 26:18 из Харлапова), 6). Подвески круглые ажурные прорезные с разным характером орнаментации (прил. рис. 26:13,30 из Харлапова, Мутышина, Блинных Куч). Подвески круглые рельефные чаще всего включали солярные знаки в виде солнца с расходящимися от него лучами (прил. рис. 26:10,15), иногда концы лучей загнуты, что напоминает сегнетово колесо (прил. рис. 26:11) или с лучами в виде лепестков (прил. рис. 26:14). Рельефные подвески имели иногда орнамент в виде ложной зерни, образующей концентрические круги или другой рисунок (прил. рис. 26:29). Подвески круглой формы – монетообразные в женском уборе были не только украшениями, но одновременно имели магическое значение, связанное с древнейшими представлениями о солнце как божестве, дающем жизнь плодородие и благополучие. Воплощением солнечного божества у славян был Даждьбог, который к тому же воспринимался как аграрный бог-покровитель земледелия. В кургане у с. Слобода и на древнерусском поселении у д. Буяново найдены круглые рельефные подвески с изображением быка (прил. рис. 26:27), видимо, бывшие оберегами, связанным с языческим божеством – Велесом, способствующим сохранению стада.

Подвески-лунницы использовались в течение XI–XII вв. и представлены двумя типами: **Тип 1.** Широкорогие орнаментированные сочетанием выпуклых линий и ложной зерни, бытовавшими преимущественно в XI в., (прил. рис. 26:3 из Харлапова); **Тип 2.** Узкорогие подвески-лунницы бывают: с разнообразной орнаментацией (прил. рис. 26:1,2,5,7); гладкие (прил. рис. 26:6) и прорезные (прил. рис. 26:4). Эти подвески-лунницы использовались в XI – первой половине XII вв. Подвески-лунницы отражали древнейший культ почитания луны и были оберегами, большей частью, у девушек [113, с. 267].

Подвески-крестики в погребениях XI–XII вв. встречаются сравнительно часто. По своей форме они достаточно разнообразны: от округлоконечных (прил. рис. 26:24) и прямоугольноконечных (прил. рис. 25:23) до более сложных орнаментированных форм (прил. рис. 26:22) и даже инкрустированных цветной эмалью (прил. рис. 36:19). Изображение креста, как и крестовидные подвески, использовались и до принятия христианства. Тогда они были связаны с языческой символикой и культом солнца и огня. Можно полагать, что в XI–XII вв. они еще сохраняли функцию оберегов, но не исключено, что крестовидные подвески этого времени были уже связаны с христианской символикой. Несомненно, круглые подвески, включающие крест (прил. рис. 26:20) были амулетами, тогда как подвески-крестики (прил. рис. 26:22,23) могли быть связаны либо с язычеством, если они помещались в ожерелье или крепились на груди на цепочках вместе с другими подвесками-оберегами, либо были символом христианства, если их носили без сопровождающих предметов на шее или груди.

В качестве **подвесок-оберегов** использовались клыки и зубы волка, лисицы и других хищных зверей (прил. рис. 27:29–31), которые должны были оберегать их владельцев от

злых духов, отпугивать или предотвращать беду. Видимо, такие же свойства приписывались и амулету в виде челюсти хищного зверя (прил. рис. 27:25,26).

Подвески-обереги в виде коня (прил. рис. 27:6,18–20,28) были широко распространены у всех кривичей в XI – первой половине XII вв., но наиболее частыми находками они были у смоленских кривичей, для которых они считаются весьма характерными [150, с. 91]. Большая часть этих подвесок орнаментирована кружочками с точкой посередине. Конь был связан с аграрно-магической обрядностью и являлся воплощением добра, счастья, плодородия, что и должен был обеспечить как оберег его владельцу. Одновременно конь был символом небесного светила – солнца. На подвесках это отражено своеобразным циркульным орнаментом. Изображение голов коня использовалось как элемент украшения миниатюрных подвесок-гребней (прил. рис. 27:21–23,28).

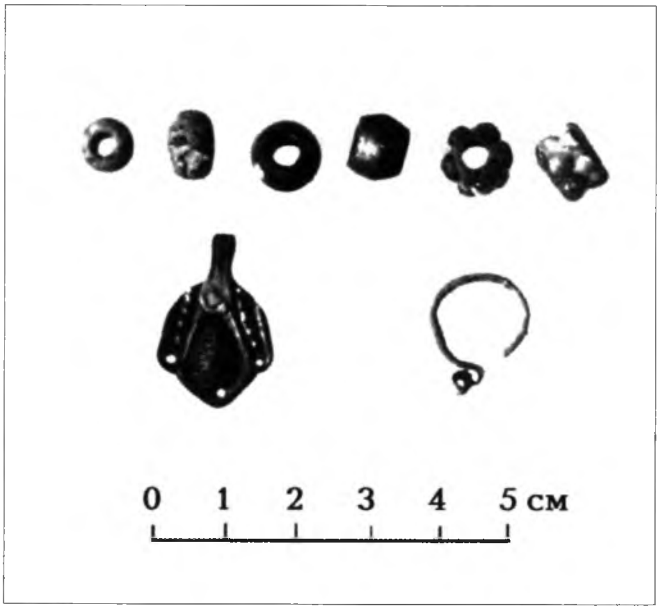

Рис. 60. Типичные женские украшения начала XII века: бочкообразные золотостеклянные бусы, серебряная подвеска, бронзовое перстнеобразное височное кольцо. Курган № 10 у д. Туринщина

В XI–XII вв. у населения Смоленской земли получили широкое распространение обереги, изображающие разные бытовые предметы. Одним из видов таких амулетов были **ключи** (прил. рис. 27:39). Они являлись символом богатства и его сохранения, что и должны были гарантировать их владельцам. Обереги-ключи еще интерпретируются как свидетельство замыкания покойника на месте погребения, чтобы смерть не могла покинуть могилу [35, с. 78]. Миниатюрные **ложки** разной формы (прил. рис.27:32,33) как амулеты должны были способствовать сытости и благополучию. Часто они встречаются на цепочках вместе с другими оберегами (прил. рис. 27:9). Обереги-**гребни** имели сравнительно длинные зубья и рукояти, завершавшиеся двумя головками лошадей, смотрящих в разные стороны (прил. рис. 27:21–23,28). Эти подвески-гребни украшались орнаментом, имитирующим зернь или прочерченными линиями. Они служили оберегами от болезней и паразитов.

Перстнеобразные проволочные **кольца** либо просто подвешивались на цепочках к одежде, либо были на цепочках вместе с подвесками-оберегами. Так в одном из курганов у д. Сукромля на цепочке с оберегом – клык хищного зверя было пять перстнеобразных колец диаметром около 2 см (прил. рис. 27:7). В Мизинове на цепочке вместе с другими оберегами было одно перстнеобразное кольцо. Можно предполагать, что подобные кольца на цепочках также были оберегами и имели такое же назначение, как и круглые подвески-обереги.

В курганах Заозерья, Туринщины и Мизинова были найдены сделанные из проволоки оригинальные подвески, которые имели на одном конце два кольца, а на другом – одно (прил. рис. 27:9). Там же в Мизинове в комплексе подвешенных оберегов были помещены два обрезка перекрученной проволоки с ушками на одном из концов и два предмета, каж-

дый с ушком на одном конце, имевшие вид фрагментов массивной проволоки круглого и четырехугольного сечения, последний был как бы перекручен (прил. рис. 27:9). У д. Дубровка в качестве подвесок использовались вдвое сложенные кусочки проволоки и в свою очередь обмотанные такой же проволокой (прил. рис.27:8). Функциональное назначение этих подвесок-оберегов, сделанных из проволоки, не совсем ясно.

Кроме рассмотренных нами подвесок-оберегов, в смоленских курганах XI–XII вв. найдены еще различные подвески, которые могли быть также оберегами. В курганах Рославльского уезда встречены: литые подвески (табл. 26:34 и 27:12), по форме напоминающие биэсовидные и трехдырчатые **подвески-держатели** эпохи длинных курганов (прил. рис. 9:24); плоские **рыбовидные подвески** (прил. рис. 26:27) и раковины каури (прил. рис.27:15). В кургане № 10 у д. Туринщина Смоленского района в женском погребении была серебряная орнаментированная подвеска, по форме напоминающая **трилистник** [216, табл. III:9].

В кургане № 41 у д. Туринщина в погребении мужчины, датированном XI в. [216, с. 72, табл. VII: 23], была подвеска в виде миниатюрного орнаментированного топорика (прил. рис. 27:38). Подвеска по своей форме является копией боевого топора. Она воспроизводит не только форму, но и орнаментальную композицию парадных боевых топоров. Без сомнения, подвеска-топорик была оберегом, который должен был охранять воина-ополченца в любой ситуации, особенно, во время походов и сражений с врагом. Кроме того, топор был связан с культом языческого бога – Перуна и не исключено, что подвеска-оберег означала покровительство этого божества.

При рассмотрении орнаментации и деталей на подвесках-оберегах возникает предположение, что у смоленских кривичей число 7 имело магическое значение. Так подвески-гребни имели 7 зубьев (прил. рис. 27:21–23), солнце на круглой подвеске изображено с 7 лучами (прил. рис. 26:11), на луннице в круглой подвеске нанесен орнамент из 7 кружочков (прил. рис. 26:21) и на подвеске-челюсти 7 зубьев (прил. рис.27:26).

Большое разнообразие и повсеместное распространение подвесок-оберегов у кривичей имело место преимущественно в XI–XII вв., т.е. в период утверждения христианства, тогда как в предшествующее время в длинных курганах VIII–X вв. периода язычества они почти не представлены. В XI–XII вв. христианство уже являлось господствующей религией в Древнерусском государстве. Древнерусские летописи, освещая разные события этого периода уделяют много внимания вопросам христианской религии, но не дают каких-либо сведений о язычестве. Утверждается как бы представление о повсеместном принятии христианства и исключении язычества из духовной жизни населения. Однако, есть достаточно оснований сомневаться в этом, рассмотренные нами археологические материалы того времени этого не подтверждают. Да и в летописи Нестора «Повесть временных лет» в начале XII в. сообщается, что и в его время древнерусское племя вятичи хоронят умерших по языческому обряду. «Этого же обычая держались и кривичи, и прочие язычники ...» [98, с. 211]. Длительное бытование языческих верований у сельского населения земли кривичей в XI–XII вв. прослеживается по археологическим данным и не только в погребальном обряде [215], но и в наборе украшений в вещевом комплексе женских захоронений. Как уже было показано, в состав женских украшений, кроме височных колец, бус и пр., входили разнообразные подвески, включенные в ожерелье, прикрепленные на цепочках и пришитые к одежде или положенные умершему в виде дара (подарка). В наряде они играли роль украшений, но одновременно были амулетами (оберегами), как бы охранявшими их владельцев от действий злых начал. Магический смысл подвесок проявляется и в их форме, и в их орнаментации. При рассмотрении древностей земли кривичей XI–XII вв. (Полоцкой и Смоленской) становится очевидной живучесть языческого мировоззрения у сельского населения в эпоху, когда христианство утверждалось силой,

а язычество преследовалось, когда уничтожались изображения языческих богов и разорялись языческие капища, где до этого можно было традиционно совершать языческие обряды и искать защиту от злых начал. Видимо, население того времени хотело сохранить благосклонное отношение к себе неземных сил и языческих богов и тем самым охранить себя от болезней, бедности, несчастий и злых духов. Поскольку в древних священных местах и капищах такая возможность уже исключалась или была весьма ограничена из-за преследований, постольку население стало использовать различные предметы, специально изготовленные, в том числе – украшения, в качестве символов древнейших культов и языческих богов. Такими по сути и являются подвески-обереги, которые каждый мог иметь при себе и тем самым чувствовать себя защищенным. Нужно отметить, что масса подвесок-оберегов была найдена в курганных погребениях, оставленных простым сельским населением земли кривичей, но такие подвески-обереги редко встречаются в городах, где в это время влияние церкви было уже значительным.

Есть достаточно оснований согласиться с мнением, высказанным в литературе и объясняющим массовое использование подвесок-оберегов в XI–XII вв.: «Широкое распространение этих амулетов в период интенсивного внедрения христианства в среду крестьянского населения отдаленных районов Древнерусского государства свидетельствует, видимо, о своеобразном проявлении протеста против новой, насильственно утверждаемой христианской религии» [150, с. 98, 99].

Браслеты широко использовались кривичами в XI–XIII вв. в качестве украшений. Они найдены во многих женских погребениях, раскопанных археологами. Так например, в Харлапове обнаружены в 50 % женских захоронений. Количество их в одном погребении могло быть от одного до четырех, носились они на руках ниже локтевого сустава. В отдельных случаях браслеты помещались умершему при погребении в виде дара, иногда вместе с другими вещами. Основная масса браслетов изготовлена из бронзы или сплавов цветных металлов на медной основе и были пластинчатыми или проволочными.

Браслеты по своей форме подразделяются на несколько типов.

Проволочные браслеты: **Тип 1**. Витые тройные простые из одной проволоки [163, табл. XII:7)]. **Тип 2**. Витые тройные из двойной проволоки – 2 х 3 [163 табл. XII:6]. **Тип 3.** Витые завязанные из двойной проволоки [163, табл. XIII:1]. **Тип 4.** Витые завязанные с тонкими концами [163, табл. XV:18]. **Тип 5.** Витые эсоконечные [163, табл. X:15]. **Тип 6.** Ложновитые разомкнутые с расплющенными концами [163, табл. XII: 8]. **Тип 7.** Круглопроволочные разомкнутые с тонкими концами [163, табл. X:13]. **Тип 8.** Круглопроволочные разомкнутые с расплющенными концами [163, табл. XI:8]. **Тип 9.** Круглопроволочные завязанные [163, табл. X:14]. **Тип 10.** Плетеные проволочные, завязанные [163, табл. XII:5].

Пластинчатые браслеты по своей форме подразделяются на: **Тип 11.** Пластинчатые загнутоконечные [163, табл. XII: 1–4]. **Тип 12.** Пластинчатые тупоконечные орнаментированные [163, табл. XI: 1–6]. **Тип 13.** Пластинчатые ушестоконечные [163, табл. XI:7]. **Тип 14.** Инкрустированные 2 глазками из стекла, выпукло-плоского сечения [163,табл. X:16]. **Тип 15.** Загнутоконечные в колечко, выпуклоплоского сечения (рис. 21:7).

Для ранних курганов, датированных XI – началом XII вв. будут характерны браслеты пластинчатые тупоконечные и витые завязанные, а для XII – начала XIII вв. – витые тройные, витые 2 х 3 и пластинчатые загнутоконечные. Браслеты круглопроволочные разомкнутые использовались весь период до конца XII – начала XIII вв. Как правило, пластинчатые браслеты украшены гравированным или чеканным зигзагообразным орнаментом, иногда воспроизводящим змеиный рисунок [163, табл. XI:5, 6].

Перстни – весьма распространенные украшения у кривичей XI–XIII вв. В Харлапове они найдены в 27 погребениях из 37 раскопанных. В одном захоронении могло быть от одного до шести перстней. Не все перстни были одеты на пальцы, часть клалась рядом с

покойником или иногда помещалась на груди в виде подарка (дара). Большинство перстней изготовлено из меди или бронзы и их можно подразделить на такие виды: **1.** Плоские решетчатые однозигзаговые [163, табл. IX: 2,4]. **2.** Решетчатые двухзигзаговые [163, табл. IX: 6]. **3.** Решетчатые двухпунктирные [163, табл. IX: 3, 5, 7]. **4.** Решетчатые трехпунктирные [163, табл. IX:9]. **5.** Решетчатые пятипунктирные [163, табл. IX:12]. **6.** Решетчатые одноглазковые [163, табл. IX:1]. **7.** Пластинчатые широкосерединные [163, табл.IX:8]. **8.** Пластинчатые широкосерединные ложноплетеные [163, табл. IX: 10]. **9.** Круглопроволочные тройные витые [163, табл. IX:14]. **10.** Витые четверные (2 x 2) [163, табл.IX: 15]. **11.** Проволочные простые разомкнутые с утонченными концами [153, табл. IX: 16]. **12.** Плосковыпуклого сечения разомкнутые с утонченными концами [163, табл. IX: 17]. **13.** Витые жгутовые разомкнутые с тонкими гладкими концами [163, табл. IX: 18]. **14.** Витые жгутовые разомкнутые с припаянной нитью и тонкими концами [163, табл. IX: 19]. **15.** Цельные простые [163, табл. X: 1]. **16.** Цельные выпуклоплоского сечения орнаментированные [163, табл. X:10]. **17.** Ложновитые цельные [163, табл. X:2]. **18.** Ложновитые цельные с нитью [163, табл. X:3]. **19.** Рубчатые цельные [163, табл. X: 4]. **20.** Плоские завязанные [163, табл. X:7]. **21.** Витые из обмотанной проволоки, завязанные [163, табл. X:6]. **22.** Плоские разомкнутые со стеклянным глазком [163, табл. X:13]. **23.** Плоские цельные со стеклянным глазком [165, табл. X:11].

Перстни, изготовленные из серебра, немногочисленны: в большинстве случаев они широкосерединные, орнаментированные [163, табл.IX: 11], иногда витые жгутовые [163, табл. X:5] и плоские со стеклянным глазком [163, табл. X:12].

Перстень, изготовленный из янтаря, найденный в Харлапове, был выпуклоплоского сечения с овальным глазком [163, табл. X: 9].

Пряжки в женских захоронениях встречаются очень редко. В Харлапове найдена только одна в погребении из 37 изученных. Эта пряжка имела звездчатую форму [163, табл.VIII: 4].

Бытовые вещи и орудия труда. Они в женских захоронениииях немногочисленны и представлены преимущественно глиняными сосудами и железными ножами.

Керамика. Глиняные сосуды преимущественно помещались в ногах погребенных и изредка – у головы. В сосудах, судя по всему, помещалась пища, предназначенная покойнику во время перехода в загробный мир.

Все сосуды изготовлены на гончарном круге и значительная часть их орнаментирована. При ее изготовлении использовался как окислительный, так и восстановительный обжиг.

Глиняная посуда, найденная в женских погребениях, ничем не отличается от посуды из мужских захоронений. Форма их основной массы сравнительно однообразна. Это невысокие, приземистые горшки с усеченно-коническим туловом и сравнительно высоким плечиком, коротким горлом и отогнутым наружу венчиком, (рис. 62 и прил. рис. 23:1; 24:1,25:1 и др.). Их характеризует также значительное превышение размера максимального диаметра на уровне плечиков над общей высотой сосуда. Иногда встречаются сосуды, которые при той же форме тулова имеют относительно высокое, почти прямое горло (прил. рис. 21:2). Редко встречаются горшки округлобокие (рис. 61 и прил. рис. 25:4).

Рис.61. Глиняный гончарный сосуд из кургана № 15 у д. Заозерье

Кроме горшков иногда устанавливались в погребениях мискообразные сосуды или миски (прил. рис. 19:10).

Некоторая часть горшков не орнаментировалась. Но большая часть сосудов из погребений украшена линейным и волнистым орнаментом.

Значительное количество сосудов на дне имеет клейма разнообразного рисунка (прил. рис. 22:3; 24:1 и др.), которые, видимо, были не только знаками гончара, удостоверявшие качество изделий, но могли иметь магическое назначение, о чем могут, в какой-то степени, свидетельствовать сами клейма. Основу их изображения, как правило, составляют: круг и крест, иногда значительно усложненной формы (прил. рис. 24:1 и 22:3).

Рис.62. Глиняный гончарный сосуд орнаментированный из кургана № 2 у д. Заозерье

Ножи. В женских погребениях у плеча или у руки иногда помещался нож, имевший форму обычную для того времени (прил. рис. 21:3;23:3), но чаще всего эти ножи были небольших размеров, имели значительную сработанность. Они использовались в домашнем хозяйстве, т.е. были рабочими, такая функция предназначалась им и в загробном мире. Этим они отличались от значительной части ножей из мужских погребений.

Вещевой комплекс женских захоронений, включающий большое количество металлических предметов, как бы сохраняет некоторые традиции предшествующего времени КСПДК. Это особо проявилось в XI – начале XII вв. в погребальной обрядности, когда использовался при погребении ритуальный огонь, и в характере убора, и в системе украшений. Сохранились как украшения круглопроволочные височные кольца, хотя форма их эволюционно менялась и их набор дополнялся другими типами височных колец, характерными для соседних славянских групп населения (словен, дреговичей, радимичей и др.). То же самое можно сказать и об украшениях шеи, груди и рук. Обилие металлических украшений и их место в системе убора выделяют кривичей XI–XIII вв. среди других групп древнерусского населения, что сложилось в результате особого их этнокультурного развития.

Инвентарь мужских захоронений

Мужские захоронения составляют примерно половину всех изученных погребений XI–XIII вв. Каждое из них в отдельности содержит значительно меньше вещей по сравнению с женскими захоронениями и могло включать, наряду с глиняным сосудом, отдельные орудия труда, оружие, некоторые бытовые вещи и очень редко – предметы украшений. Однако в раскопанных курганах из всех мужских погребений около четверти включало по одному предмету, чаще всего – железный нож. Есть погребения, которые сопровождает только глиняный сосуд. В течение всего периода возведения курганов с трупоположениями мужские захоронения XI – начала XII вв. содержат больше вещей, чем погребения вводные или дополнительные XII в. и погребения всех видов XIII в., включая таковые в грунтовых подкурганных ямах. Некоторая часть захоронений бывает и без инвентаря.

Орудия труда включали топоры, ножи, острия с кольцом, точильные бруски, кресала и некоторые другие предметы. При этом рабочие топоры и ножи могли использоваться и в качестве оружия.

Топоры (прил. рис. 34:17;33:15) в некоторых курганных могильниках являлись частой находкой. К примеру, в Харлапове в мужских погребениях их было 13 и они имели разнообразные формы [163, табл. XIX:1–7] тогда как в Заозерье в мужских погребениях топоров не обнаружено. В курганах у с. Слобода топоры были также частой находкой [70, с. 58, табл. XXXI:1–5].

Большинство из найденных топоров являлись рабочими. Их можно отнести к четырем типам. **Тип 1.** Массивные железные колуновидные узколезвийные рабочие топоры [163, табл. XIX:1]. **Тип 2.** Массивные железные широколезвийные рабочие топоры [163, табл. XIX:2]. **Тип 3.** Небольшие сравнительно легкие широколезвийные топоры, использовавшиеся и как орудия труда, и как боевое оружие. Топоры 3-го типа представлены тремя видами: 1) высокие легкие топоры с большой выемкой сзади [163, табл. XIX: 4, 8]; 2) низкие утолщенные топоры с малой выемкой сзади [163, табл. XIX:7]; 3) высокие простые топоры [163, табл. XIX: 5, 3]. Большая часть топоров 3-го типа имеют отверстия на лезвиях, служившие, очевидно, для привязывания к поясу или матерчатому чехлу (прил. рис. 33:16); [163, табл. XIX:4–6,8]. Скорее всего, топоры, имеющие отверстия, служили оружием. **Тип 4.** Узколезвийные не массивные топоры (прил. рис. 33:16) встречаются реже. Их могли также использовать в качестве оружия.

Топоры XI–XIII вв. всех типов имели щековицы разных форм, исключения редки.

В погребениях топоры лежали с правой стороны, рукоятью к руке, а лезвие было направлено к ноге. Рукояти у топоров были разной величины: сравнительно длинные (0,7–0,8 м), либо средней длины (0,5 м), либо – короткие (до 0,3 м).

Ножи – наиболее распространенные находки в мужских погребениях (прил. рис.23:3) [163, табл. XVI: 1–6]. В Харлапове из 36 мужских погребений в 29 были железные ножи. У погребенных нож помещался обычно справа у пояса. Ножи имели костяные или деревянные рукояти, но в одном случае нож был цельнометаллическим и рукоять была также железная витая [163, табл. XVI: 4]. Чаще всего носились ножи в кожаных ножнах, но в одном случае у ножа ножны были из тонкой листовой бронзы [163, табл. XVII: 2]. Основную массу ножей можно отнести к орудиям труда и только некоторые экземпляры, видимо, были оружием – ножи типа [163, табл. XVI:5]. Обычай класть нож умершему продержался с XI в. до середины XIII в.

Все ножи относятся к одному типу, характерному для всех кривичей древнерусского времени. Они имеют плоский черенок, переходящий в лезвие с уступами как со стороны спинки, так и со стороны лезвия. Лезвие сравнительно короткое, преимущественно с прямой (редко – со слегка выпуклой) спинкой, оно к мысу слегка суживается и закругляется. Длина лезвия чаще всего составляет 5–6 см, но максимально может достигать 9 см. По своей форме ножи можно подразделить на два вида: **1.** Ножи с ровной спинкой, слегка закругленным мысом и двумя уступами при переходе от лезвия к черенку [163, XVI:1]. Такого вида ножи в земле кривичей и за ее пределами наиболее характерны для XI–XII вв., и встречены они в погребениях во всех изученных курганных могильниках. По своему качеству они лучше, чем ножи второго вида. **2.** Ножи со слегка выпуклой спинкой и ровным лезвием и двумя уступами при переходе от лезвия к черенку. Они встречаются не так часто [163, XVII: 3]. Эти ножи были в употреблении во второй половине XII и первой половине XIII в.

Железные ножи этого типа и обоих видов встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Учитывая размер ножей, найденных в погребениях, и их значительную сточенность, свидетельствующую о длительном употреблении, есть основание считать, что основная масса ножей изготавливалась и использовалась в хозяйственных целях.

Железные шилья – сравнительно редкая находка в курганах кривичей XI–XIII вв. В курганах у д. Туринщина найдено только одно шило в мужском погребении кургана № 21 [216, с. 29, табл. IV:21]. Оно лежало с левой стороны у пояса в комплекте, включавшем нож, калачевидное кресало и точильный брусок. В курганном могильнике XI–XII вв. у д. Заозерье железное шило было найдено также только в одном мужском погребении кургана № 11 [226, с. 80–82, табл.31:5]. Единичная находка шила отмечена и в Харлапове [163]. Все шилья небольших размеров и имеют округлое сечение острия и четырехугольное – черенка.

Рис.63. Курганы X–XII вв. на берегу оз.Сапшо у пос. Пржевальского (Слобода)

Точильные бруски в погребениях XI–XIII вв. встречаются редко. В Харлапове брусок был в погребении кургана № 49. Лежал брусок, скорее всего, в мешочке вместе с кресалом и кремнем. Брусок представлял собою небольшую (5 х 2,5 х 0,5 см) песчаниковую плиточку без отверстия для подвешивания на шнурке и был весьма сработан. Фрагмент подобного точильного бруска был в погребении мужчины кургана № 21 у д. Туринщина [216, табл. IV:27]. В Заозерье точильные бруски в погребениях XI–XIII вв. не найдены.

Острия с кольцом найдены в ряде погребений. В большинстве случаев они изготовлены из железа и имеют острие длиною 15–16 см, один конец которого заострен, а второй – завернут в ушко, в которое вставлено железное кольцо диаметром 3–3,5 см [163, рис. XVII:4]. В Харлапове в кургане № 21 было острие, изготовленное из кости. Костяной стержень украшен нарезным орнаментом и по острию, и на головке. В округлой головке проделано отверстие, через которое продето железное кольцо [163, рис. XVIII:1]. Подобные острия с кольцом встречаются не только в погребениях кривичей, хотя и очень редко – в захоронениях других славян – соседей-кривичей этого же времени. Назначение этих предметов окончательно не определено, но, видимо, они являлись орудиями труда. В мужских захоронениях такие острия лежали с правой стороны у бедра, рядом с ножом и другими предметами.

Кресала калачевидной формы (прил. рис. 24:3) были также в мужских погребениях. Они достаточно широко распространены в древнерусских курганах. В погребениях кривичей они найдены в курганных могильниках у д.д. Туринщина, Харлапово, Заозерье, Закурье, Заславль и др. В мужских погребениях в ряде случаев лежали они близ тазовых костей, у пояса и, видимо, хранились в мешочках вместе с другими предметами. В кургане № 49 у д. Туринщина вместе с кресалом был и кремень [216, табл. VIII: 9, 12]. Они также являются частой находкой на древнерусских поселениях. Судя по находкам в Новгороде, калачевидные кресала этого типа бытовали до середины XII в. [55, с. 126, 127].

Глиняная посуда одинаково часто встречается как в мужских, так и в женских погребениях XI – начала XIII вв. Подробная общая характеристика керамики из захоронений дана выше при описании вещей из женских погребений (см. с. 106, 101). Здесь приводим только краткое описание керамики из некоторых мужских погребений (прил. рис. 22:3; 23:1; 24:1), выделяя ее особенности.

Рис.64. Е.А. Шмидт на раскопках курганов у д. Туринщина

Глиняные сосуды изготовлены на гончарном круге. Глина с примесью очень мелкого песка и обжиг преимущественно восстановительный. Форма сосудов в целом относятся к типам славянской керамики. Но своеобразие ее заключается в том, что доминируют низкие приземистые горшки, у которых максимальный диаметр на уровне плечиков значительно превышает общую высоту сосуда. Верхняя часть такого сосуда завершается короткой шейкой и венчиком, который, как правило, бывает отогнут наружу (рис. 62).

Большая часть сосудов украшена по плечику и частично по тулову линейным и волнистым орнаментом, реже – рядами насечек или оттисков зубчатого штампа, но в ряде случаев встречаются и неорнаментированные горшки.

Днища большей части сосудов имели клейма. Кроме обычных горшковидных сосудов, единично встречаются горшки округлобокие (рис. 61) [220, табл. 33:15, кург. 15] или обычной формы, но с высоким горлом [106, табл. VI:2; 216, табл.IX: 10, 11; табл. X:1; 220, табл. 20:2].

Как и в женских погребениях, глиняные сосуды ставились преимущественно в ногах погребенных, но иногда они помещались у головы. В курганах бывают не только целые или раздавленные сосуды, находившиеся у костяков погребенных, но в виде фрагментов (иногда в виде разбитых горшков) керамика встречается в ровиках, у основания кургана и в верхнем слое курганной насыпи. Среди керамики из ровиков есть фрагменты мисок и светильников. Керамика из ровиков, видимо, связана с какими-то поминальными традициями. Близкая по форме керамика была распространена у всех соседних с кривичами групп древнерусского населения: радимичей, дреговичей, вятичей, новгородских словен и др.

Ведерки деревянные [163, рис. XX: 4] являются довольно частой находкой в курганах XI–XII вв. и не только у кривичей, но и у дреговичей, радимичей и древлян [149а]. Чаще всего, в погребениях хорошо сохраняются железные обручи, дужки и другие металлические детали ведерок (прил. рис. 34;3–5;33:2–4,7). Дерево сохраняется фрагментарно, прикипев к железным обручам.

В курганном могильнике Харлапово в 10 мужских погребениях в ногах стояли деревянные ведерки [163, стр. 200, табл. XX;4]. Были ведерки также в погребениях у д. Туринщина [216, стр. 28, 30, табл. III и V], у д. Усвятье и у д. Мутышино [106, стр. 240, 241]. Изготавливались ведерки из деревянной клепки, железных и деревянных обручей как современные бадейки или бочки. К верхнему ряду обручей прикреплялись специальные железные ушки, в которые продевалась железная дужка (ручка для переноса ведерка), а иногда здесь же крепились железные кольца [163, табл. XVII: 5]. От ведерок сохранились в погребениях целые и фрагменты дужек и обручи. Судя по остаткам обручей и дужек, ведерки имели размеры немногим более 20 см в поперечнике (прил. рис. 33: 2–4,7 и 34:3–5).

Пряжки представлены несколькими типами. Поясные пряжки: бронзовые лировидные (прил. рис. 22:2; 33:15; 34:15) и лировидные упрощенной конструкции – без четырехугольной рамки (прил. рис. 35:8); железные и бронзовые четырехугольные (табл. 22:4); железные круглые [163, XIV:11] и полукруглые [163, XIV:12]. Большинство мужских погребений имело пряжки как элемент пояса.

Лировидные пряжки, изготовленные из бронзы, имели наибольшее распространение [163, табл. XIV: 8; XV: 3]. Они состоят как бы из двух частей: четырехугольной рамки для закрепления ремня и овального приемника – кольца с язычком. Пряжки этого типа чаще всего имеют орнаментированный приемник (прил. рис. 34:15;33:15), но встречаются они и без орнамента (прил. рис.22:3).

Кроме пряжек этого типа обычных размеров (прил. рис. 22:2), в курганах у д. Харлапово найдены орнаментированные лировидные пряжки больших размеров [163, рис. XIV:8] и одна орнаментированная миниатюрная пряжка [163, рис. XIV:10].

Лировидные пряжки использовались всеми восточнославянскими племенами в XI–XII вв.

Полулировидные пряжки. Они как бы напоминают по форме лировидные (прил. 35:8), но без выделенной рамки, т.е. не разделены на две части. Эти пряжки, чаще всего, бывают орнаментированы [163, табл. XIV:9],

Чытырехугольные бронзовые орнаментированные пряжки [163, табл. XIV: 5, 7] встречаются не так часто. Интересна находка пряжки, преемник которой по своей форме близок к четырехугольному, из кургана № 66 у д. Харлапово, где она, украшенная ажурным орнаментом, была частью поясного набора [табл. XV:6]. Она, возможно, восточного происхождения.

Четырехугольные железные пряжки [163, табл. XIV:6,13], пряжки такой формы были не составными и имели закругленные углы (прил. рис. 22:4). Этого типа пряжки использовались не только в XI–XII вв., но и в предшествующее время. Им известны аналогии в курганах с трупосожжением КСПДК и в древностях Гнездова [122, табл.VII:13].

Круглые пряжки использовались сравнительно часто. Железные массивные пряжки такой формы были в мужских погребениях Харлапова [163, табл. XIV: 11] и Туринщины [216, табл. VII: 22], и в других местах. В погребениях круглые пряжки были и малого размера в курганах Харлапова [163, табл. XV: 2] и Туринщины [216, табл. VIII:10].

Полукруглые пряжки типа [216, табл. XIV:12] встречаются редко.

Кольца поясные бронзовые или железные (прил. рис. 24:5; 34:16; 33:12,13,17; 35:9) часто находятся вместе с пряжками. Так в Харлапове [163, табл. XV:9] они были в 20 мужских погребениях из 30 раскопанных. В большинстве случаев на поясе было два кольца (одно справа, а второе слева), но встречается по три и четыре, и даже по одному кольцу на поясе. Служили такие кольца и для расчленения пояса на части, и для подвешивания к поясу на ремешках ножей и других предметов. Найденные поясные кольца по сечению дрота можно разделить на два вида: 1) круглое сечение бронзовых или железных колец, имевших диаметр около 3,2 см [163, рис. XV: 4,9]. Встречено кольцо этого типа, имевшее рубчатый наружный край [163, рис. XV:11];

2) сечение в виде уплощенного овала, иногда бывают орнаментированы [163, XV: 6], изготовленные из сплава темного цвета путем литья. Поясные кольца широко использовались славянскими племенами в XI–XIII вв. в пределах Восточной Европы.

Фибулы подковообразные встречаются преимущественно в мужских погребениях и очень редко – в женских. Они, как правило, располагались на груди.

Изготавливались они из серебра и сплавов цветных металлов на медной основе. По особенностям оформления концов их можно подразделить на три типа: 1) фибулы с концами спирально завернутыми в виде цилиндриков. Их дуга имеет уплощенно-треугольное (прил. рис. 23:2) или выпукло-плоское (прил. рис. 24:2) сечение. Головки и основание иглы некоторых фибул имеют орнамент в виде рядов точек [163, XIV: 1,2]; 2) Бытовали также фибулы, часто украшенные орнаментом, концы которых имеют граненые головки – часто 14-гранные. Таковые найдены в Харлапове [163, табл. XIV:4] и в Хотнежцах [106, табл. IV:16]; 3) Фибула с маковообразными головками найдена в погребении курганного могильника в Ельнинском районе (хозяйство Шупинских) [70, табл. XVI:15].

Количество фибул в захоронениях отдельных могильников, где раскопано значительное количество курганов, не так велико.

В Заозерье они найдены в 2 погребениях [226], в Харлапове – в 4 [163], встречены они также в курганных могильниках у д.д. Мутышино (курган №20), Хотнежцы (курган № 2), Устье (курган № 2) [106, с. 219 и сл.] и в других курганных могильниках.

Считается, что подковообразные фибулы были характерны в I и начале II тыс. н.э. для балтских племен [246, с. 146, 147]. У кривичей фибулы с цилиндрическими головками бытовали длительное время, а с гранными головками использовались в X–XI вв.

Поясные наборы у сельского населения кривичей XI–XIII вв. встречаются редко. В кургане № 66 у д. Харлапово в мужском погребении был поясной набор, состоявший из четырех малых орнаментированных бляшек [163, рис. XV:5], каждая из которых на оборотной стороне имела по два гвоздика с загнутыми концами и одной большой орнаментированной бляшки с ушком и четырьмя гвоздиками на оборотной стороне [163, рис. XV: 8], и еще одной орнаментированной обоймицы с четырьмя гвоздиками [163, рис. XV:7]. К этому поясному набору относится бронзовая орнаментированная пряжка [163, рис. XV: 6] и поясное кольцо [163, рис. XV: 4]. Поясной набор можно датировать XI в., и он, вероятно, восточного происхождения.

Плети. От плетей в погребениях сохранились только набалдашники рукоятий. Встречены они в курганных могильниках у д.д. Харлапво и Мутышино. В Харлапове они были при захоронениях в подкурганных ямах и располагались с правой стороны мужских погребений у тазовых костей, возможно, были положены в руку покойника. Один набалдашник изготовлен из кости и украшен резным орнаментом [163, рис. XVIII:5]. Второй набалдашник литой бронзовый [163, рис. XVIII:4], по форме напоминает головку фантастической птицы, клюв которой и служил крючком. Сверху есть колечко для шнурка. Весь набалдашник украшен рельефным орнаментом. В нижней трубчатой части есть отверстие для крепления гвоздиком набалдашника к рукояти. Деревянная часть рукояти была обмотана кожаным шнурком. Бронзовое навершие рукояти плети из курганов у д. Мутышино было орнаментировано ложной зернью [106, табл. IV:6]. Есть мнение, что такие навершия могли быть также частью деревянной трости.

Пуговицы металлические встречены неоднократно: в Харлапове они были в пяти погребениях. Представлены они тремя видами: 1) полые сферические [163. рис. XV:13], состоящие из двух половинок, через одну из них продевали шнурок, при помощи которого пуговица прикреплялась к одежде; 2) литые четырехгранные орнаментированные с ушком [163, рис. XV: 5]; 3) сферические литые с ушком [163, рис. XV:14]. Эти пуговицы в

курганах у д. Харлапово найдены в поздних захоронениях конца XII – начала XIII вв. Есть основание предполагать, что использовались также пуговицы, изготовленные из кожи или дерева, но в погребениях они целиком не сохранились.

Бляшки от головных уборов в Харлапове найдены в кургане № 69. Они были прикреплены с двух сторон у висков на войлочном головном уборе, имели округлую форму и украшены орнаментом [163, рис. XV:16].

Гребни костяные изредка встречаются в мужских погребениях. Они двусторонние и изготовлены из одной костяной пластины. В курганном могильнике у д. Харлапово орнаментированный гребень был только в одном погребении кургана № 21. Лежал он на тазовых костях у пояса, возможно, носился в мешочке. У гребня с одной стороны зубья редкие, а с другой стороны – частые, в средней части гребня есть орнамент в виде четырех параллельных линий [163, рис. XIII:3]. Другой гребень, частично фрагментированный, из кургана № 49 в могильнике у д. Туринщина был такого же типа, но орнамент состоял из парных линий и пяти циркульных кружочков между ними [216, табл. VIII:11].

Гвозди железные от деревянных гробов были как в мужских, так и в женских погребениях, очень часто встречаются при погребениях в подкурганных ямах вместе с остатками дерева, где они использовались, большей частью, для прибивания крышек к гробам и колодам. В погребениях на поверхности материка находки гвоздей редки. Все гвозди кованные, в сечении четырехугольные с большой округло-четырехугольной шляпкой при общей длине от 6 до 13 см (прил. рис. 33–35) [163, рис. XVI: 7; 216, табл. VIII: 2,3,7,8], но в кургане № 24 у д. Туринщина были у гвоздей шляпки в виде одного расплющенного и загнутого конца – костылевидные [216, табл.V: 19, 20]. Большая часть гвоздей связана с погребениями XII–XIII вв.

Оружие в курганах XI–XIII вв. представлено мечом, наконечниками копий, дротиков и сулиц, топорами, кистенем и ножами. Все оружие, как правило, в мужских погребениях помещалось с правой стороны у бедра, но в одном погребении кургана № 11 у д. Туринщина оружие (топор и нож, прил. рис. 34:17,18) находились с левой стороны [216, с.19, табл. XI). Возможно, мужчина был левша.

Меч. В сельских курганных могильниках XI–XIII вв. в пределах Смоленской земли зафиксирована только одна находка меча у д. Харлапово в мужском погребении кургана № 4. Он относится к типу каролингских мечей. Клинок меча обоюдоострый длиною 68 см, шириною до 5 см. Рукоять с прямым перекрестием и пятидольным навершием [163, рис. XX:1, 2]. Общая длина меча с рукоятью 83 см. Меч был в деревянных ножнах, обтянутых кожей. В верхней части ножен было железное приспособление для прикрепления к поясу. В погребении меч положен справа вдоль бедра рукоятью к руке. Погребение с мечом в кургане № 4 датируется первой половиной XI в.

Наконечники копий, дротиков и сулиц (прил. рис. 22:1;23:4) в погребениях XI–XIII вв. встречены неоднократно: в курганном могильнике Харлапова они были в курганах №№ 40, 49, 66, 71; в Заозерье сопровождали погребения в курганах №№ 6,7 (2 экз.) и № 11. Наконечники подразделяются на втульчатые и черешковые и имеют разную форму пера. Можно выделить такие типы:

Тип 1. Втульчатые двушипные (тип VII по А.Н. Кирпичникову), 4 экземпляра из Харлапова [163, рис. XV:2). Они могли служить как копья, дротики и даже – гарпуны, так как один из наконечников ниже двушипного пера был перевязан кожаным шнурком. Датируются они XI–XII вв.

Тип 2. втульчатые с удлиненно-треугольным пером (Заозерье, кург. № 7 (прил. рис. 23:4 и 11. Тип III-а по А.Н. Кирпичникову). Датируются они XI–XII вв.

Тип 3. Два наконечника из Заозерья, курганы № 6 (прил. рис. 22:1) и 7, были черешковые с листовидным пером [226, табл. 19:1 и 24:2]. Весь инвентарь из курганов №№ 6 и 7 дает основание датировать их XI–XII вв.

Копья в погребениях помещены у погребенных справа у бедра наконечником к руке. Копья типа VII имели короткие деревянные древки. Можно полагать, что эти копья использовались и как метательное оружие (дротики), и в ближнем бою (сулицы). Однако, можно предполагать, что употреблялись они не только как оружие, но и как орудия для охоты и рыбной ловли.

Боевые топоры являлись распространенным видом вооружения древнерусского воина. В курганах кривичей XI–XII вв., кроме рабочих топоров, встречаются и боевые топоры преимущественно типов III и IV по А.Н. Кирпичникову [49, с. 35]. Топор узколезвийный с щековицами типа III (прил. рис. 33:16) был в погребении кургана № 11 у д. Туринщина [216, с.19, табл. III:16]. Он имел верхние и нижние щековицы и вырезанный обух. Такие же узколезвийные топоры были и в Харлапове [163, табл. XIX:1], и в одном из курганов у д. Слобода [70, табл. XXI:4], и в Заславле [241, с. 167, рис. 86:1] и в других местах. Этого типа топоры датируются XI–XII вв. и встречаются в курганах не так часто. Топоры типа IV были широколезвийными со щековицами (табл. 34:17). Они встречаются чаще и найдены в курганах Харлапова [163, табл. XIX:2,4–8], Туринщины [216, с. 19, табл. III:16], Слободы [70, табл. XXI:2], Бражина [106, табл. V:7] и в других местах. Прекрасный образец боевого топора с остатками деревянной рукояти был в кургане № 4 у д. Харлапово [163, рис. XIX:8], где он лежал вместе с мечом. Хотя все топоры типа IV могли использоваться в качестве рабочих, но те из них, которые имели отверстие на плоской части между лезвием и обухом, изготавливались в качестве оружия. Датируются топоры типа IV XI–XII вв.

Кистень железный грушевидной формы (табл. 35:15) был в погребении кургана № 8 у д. Туринщина [216, с. 19, табл. II:15]. Кистень датируется XI–XII вв. В погребениях кривичей аналогии нам неизвестны. В славянских древностях Восточной Европы кистени подобного типа использовались со второй половины X в. по XIII в. [83, с. 64].

Булава. В курганах смоленских кривичей булавы не обнаружены. Но они в качестве оружия использовались, так как на Бородинском городище в древнерусском культурном слое найдена бронзовая булава, которую В.В. Седов датирует XIII в. [110, с, 111, рис . 56].

Ножи, изготовленные в качестве оружия, отличались массивностью и более длинным клинком, имевшим значительную толщину обушка [163, рис. XVI:5]. Примерами тому могут служить находки ножей вместе с другими предметами вооружения: в кургане № 4 у д. Харлапово нож [163, с. 241, табл. XVI:1] был вместе с мечом; в кургане № 24 у д. Туринщина нож (прил. рис. 34:18) был в мужском погребении вместе с боевым топором (прил. рис. 34:17).

Крючок поясной, изготовленный из бронзы [163, табл. XV:12] был найден в кургане № 15 у д. Харлапово. Он имеет эсовидную форму, оба конца изображают головки лошадей, причем верхняя головка замыкает кольцо, через которое крючок крепился к поясу и служил для подвешивания к поясу оружия и других предметов. Подобный крючок известен из раскопок курганов в Ярославской области. Погребение, включавшее крючок, фибулу и другие предметы, датируется XI в.

Несмотря на смену погребального обряда при переходе от кремации к ингумации, мужские погребения в обряде и вещевом комплексе сохраняют некоторые традиции, свойственные предыдущему времени КСПДК. Это особо проявляется в XI – начале XII вв. (ритуальный огонь, восточная ориентировка мужских погребений в некоторых курганных могильниках, положение рук и др.). Хотя вещевой комплекс этого времени не бывает

многочисленным, но он часто содержит оружие (меч, копья, дротики, кистень, боевые топоры и ножи). Обычны поясные пряжки и кольца, реже встречаются подковообразные фибулы и другие предметы. Постепенно в XII в. количество вещей в мужских погребениях уменьшается, а захоронения совершаются в подкурганных ямах в деревянных гробах, от которых сохранилось большое количество железных гвоздей. К концу курганного периода часть мужских захоронений не содержит погребального инвентаря.

Кривичи XI–XIII вв. по археологическим данным

Все особо характерные черты в погребальном обряде и в вещевом комплексе, описанные выше, выделяют смоленско-полоцких летописных кривичей XI–XIII вв. из среды других восточнославянских племен. Однако это следует понимать в том смысле, что в погребальном обряде и сопровождающем инвентаре есть только часть элементов, являющихся исключением или отступлением от общих норм, присущих всему восточнославянскому населению. Такие аномалии встречаются и они не всегда находят объяснения их происхождения из ряда эволюционного развития, присущего культуре основных групп восточнославянского населения. Очень часто они становятся понятными только при ретроспективном рассмотрении предшествующего сложного развития культуры данной группы населения в пределах занимаемой им территории. Так в Верхнем Поднепровье и в Подвинье с учетом этнической эволюции восточнобалтского населения, происходившего до XIII в., можно объяснить имевшиеся специфические особенности культуры населения летописных кривичей.

Попытаемся рассмотреть некоторые особенности, имеющиеся у кривичей, но, как правило, не присущие основным группам славянского населения (радимичам, дреговичам, вятичам и другим).

Курганы XI–XIII вв. с трупоположениями принято считать индивидуальными погребальными сооружениями для славянских групп населения в отличие от длинных курганов – коллективных усыпальниц VIII–X вв., содержавших несколько погребений. Однако, эти общепринятые понятия требуют уточнения. Нами было показано на материалах целиком раскопанной курганной группы XI–XIII вв. у д. Харлапово, что только половина раскопанных курганов содержала по одному захоронению (51%), тогда как 6% курганов содержали по три захоронения, 41% – по 2 захоронения и 2% были без захоронений [163, с. 194 и сл.]. В раскопанном курганном могильнике у д. Туринщина ряд курганов имели по два захоронения [216, с. 17]; по два, три и четыре захоронения было в курганах у д. Заозерье (прил. рис. 31, курган № 15 и прил. рис. 32, курган № 23) а также см. [226, с. 50]. Известны курганы не с одним захоронением и у полоцких кривичей [241, с. 224]. Но если учесть, что в некоторых курганах, где было по одному захоронению при раскопках прослеживались следы траншей и больших ям от более ранних раскопок исследователей или кладоискателей, то становится очевидным, что количество курганов не с одним погребением в этих целиком раскопанных курганных могильниках было более значительным и превышало половину от их общего числа. Есть полное основание предполагать, что в таких курганных насыпях совершены дополнительные захоронения ближайших родственников. При этом наблюдаются самые разнообразные сочетания: мужчина и две женщины, двое мужчин и одна женщина, мужчина и женщина, женщина и ребенок, двое детей. Анализ стратиграфии курганных насыпей показывает, что только незначительная часть двойных захоронений совершена одновременно. Основная масса вторых захоронений в курганах – либо впускные, либо добавочные. Впускные погребения совершены в ямах, вырытых в поле курганов и после размещения захоронения засыпанных без дальнейшего общего увеличе-

ния курганной насыпи. Добавочные захоронения совершались на выровненной площадке на поле уже существовавшего кургана, а после размещения погребения курган сверху значительно подсыпался, благодаря чему он увеличивался как в высоту, так и в поперечнике. Весьма любопытно, что добавочные захоронения совершались преимущественно в XI–XII вв., тогда как впускные – в XII–XIII вв. Характерна еще одна особенность добавочных и впускных захоронений. Они, как правило, не совершались на вершине кургана прямо над первым основным захоронением. При добавочных захоронениях специальную площадку выравнивали южнее или севернее центра кургана, приблизительно на середине его высоты. А затем покойника клали головой на запад примерно параллельно первому основному захоронению (прил рис. 28, рис. 6–10 и прил рис. 32). Такое расположение погребений, например, наблюдалось и при впускных захоронениях в курганах у д. Харлапово.

Наличие в курганах XI–XIII вв. впускных захоронений не является специфической особенностью только курганов смоленско-полоцких кривичей [18, с. 107]. Однако добавочные захоронения, совершенные на выровненной площадке полы кургана с последующим увеличением курганной насыпи, видимо, представляет специфическую особенность кривичей. Причем, можно полагать, истоки этого обычая берут начало в курганах с трупосожжениями VIII–X вв. на этой же территории, то есть, традиция идет из погребальных памятников культуры длинных курганов. В этом отношении характерно не только само выравнивание участка на поле кургана, но и расположение этого участка относительно первоначального захоронения, что и определяло место положения дополнительного захоронения. Так, в курганах VIII–X вв. с несколькими захоронениями остатков трупосожжений, как правило, все последующие погребения располагались по одной линии включающей первое, чаще южнее и реже – севернее его (прил. рис. 30). Такая картина прослежена в курганных могильниках КСПДК у д. Слобода-Глушица [108, с. 180 и сл.], у д. Заозерье [170, с. 97–99; 226, с.50, табл.79] и у д.д. Купники, Арефино [218, 219, с.5–100] и в других местах.

Таким образом, совершение дополнительных погребений (добавочных и вводных) в насыпи уже существовавшего кургана XI–XIII вв. представляет собою пережиток широко распространенной традиции населения (Krieva) эпохи возведения смоленско-полоцких длинных курганов.

Поскольку дополнительные захоронения XI–XIII вв. располагались в курганной насыпи не на одном уровне с первым (основным), то такого рода курганы можно условно относить к курганам с ярусным расположением захоронений в курганных насыпях. В археологической литературе В.В. Седовым специально рассматривался вопрос о ярусных погребениях в курганах лесной зоны Европейской части СССР [108, с. 3–11]. В этой работе определено само понятие «ярусные погребения» и выделены признаки, характеризующие такие погребальные сооружения (северная ориентировка погребенных, отсутствие височных колец), но, вместе с тем, почему-то в перечень памятников этого типа им внесены курганы с погребениями, имеющими западную ориентировку и височные кольца. Курганы с ярусными погребениями у него включают и вводные захоронения, совершенные в специальных ямах, выкопанных в насыпях курганов. В этой работе В.В. Седов приходит к выводу, что ярусные погребения, включающие и впускные, указывают на их финскую этническую принадлежность [108, с. 11]. Однако, впускные захоронения, размещенные на разных уровнях в курганной насыпи, встречаются на больших пространствах, принадлежавших не только населению финской этнической общности, но и славянам, и другим не славянским племенам. Если брать за основу отнесения к ярусным погребениям только признак размещения умерших на разном уровне в курганной насыпи, а не целый комплекс признаков, то и смоленские курганы кривичей с добавочными погребениями следовало бы включить в эту же категорию и рассматривать их как пережитки традиций, связанных с финским этносом. Но как уже было показано, размещение умерших на разных уровнях в курганной насыпи присуще курганным погребениям в землях смоленско-полоцких кривичей с эпохи возведения длинных курганов. Археологически же на основной территории этого региона не засвидетельствовано присутствие финского населения

в течение второй половины I и начала II тыс. н.э. Поэтому рассмотрение некоторых курганов с 2–3 погребениями, расположенными на разных уровнях на территории не только Смоленского Поднепровья и Витебско-Полоцкого Подвинья, но и на некоторых смежных территориях, не имеющих там каких-либо собственно финских этнокультурных традиционных признаков, в качестве финских вряд ли правомерно.

Для погребального обряда КСПДК VIII – начала X вв., как и для некоторых восточнославянских племен XI–XIII вв. было не свойственно обязательно помещать вместе с покойником орудия труда и оружие. Так, например, А.В. Арциховский пишет, что «вятичи никогда не клали с покойниками оружия» и только на периферии вятичских земель оно иногда встречается. То же самое относится и к находкам топоров, отмеченных преимущественно в смешанных кривичско-вятичских памятниках с преобладанием кривичей [18, с. 96 и сл.). Действительно, в некоторой части курганов кривичей XI–XIII вв. в мужских погребениях могло помещаться оружие или орудия труда, но это не было обязательным для всего мужского населения того времени. Так, например, в курганном могильнике у д. Туринщина в 30 исследованных погребениях, определенных как мужские, было 4 безынвентарных, в 3 – только металлические детали пояса, в одном – острие с кольцом, в 22 – железные ножи, вместе с которыми было 2 топора и 1 кистень, то есть 27% погребений не включали оружия и орудий труда [216]. В Харлаповском курганном могильнике из 42 мужских погребений 30 содержали орудия труда и оружие, в том числе ножи были в 29 погребениях, а вместе с ними топоры в 13, наконечники копий – в 4, меч – в одном. Другими словами, 28,5% мужских захоронений не содержали орудий труда и оружия. Рассмотренные нами курганы из Харлапова и Туринщины являлись захоронениями сельского населения, поэтому нет оснований сопоставлять их с городскими погребениями предшествующего времени X в., с так называемыми «дружинными курганами» Гнездова. Однако, есть достаточно оснований для сопоставления с погребениями культуры длинных курганов на этой же территории, которые также оставлены сельским населением. В мужских захоронениях культуры длинных курганов орудия труда и оружие не были обязательными элементами погребального ритуала, но в небольшой части погребений они все-таки встречаются. Причем набор этих предметов из погребений КСПДК VIII–X вв. совпадает с перечисленным выше инвентарем курганов XI–XIII вв. Чаще всего находятся ножи, несколько реже – топоры и очень редко – наконечники копий, но в большинстве случаев эти вещи были в поздних погребениях конца IX – начала X вв. Таким образом, и эта традиция – в отдельных случаях класть умершему орудия труда и оружие – в погребениях кривичей XI–XIII вв. восходит к более раннему периоду в пределах этой же территории и является как бы продолжением традиции, возникшей в эпоху существования длинных курганов. Не исключено, что такая традиция могла возникнуть у местных племен в период максимального расселения славян в Смоленском Поднепровье и Подвинье или в период военных конфликтов, имевших место в первые столетия существования Древнерусского государства.

Наблюдается еще одна особенность в погребальной обрядности кривичей XI–XIII вв., фиксируемая нахождением глиняных сосудов при захоронениях. Так, в Харлаповских курганах 19 погребений из 83 сопровождались глиняными сосудами. В мужских погребениях найдено 9 сосудов (на 42 изученных захоронения), а в женских на 37 погребений приходилось также 9 сосудов. Однако, помещение глиняных сосудов, видимо, не всегда было обязательным. Причины этого пока не установлены. Нужно иметь в виду, что и в Харлапове, и в Туринщине (прил. рис. 33 и 34) в части мужских погребений ставились деревянные ведерки, а глиняных сосудов не было. Это может перекликаться с обычаем использовать туески вместо глиняных горшков в погребениях КСПДК.

Глиняные сосуды, обнаруженные в курганах XI–XIII вв., изготовленные на гончарном круге, имеют своеобразную форму, хотя в целом они и сопоставимы со славянской керамикой других территорий. Своеобразие их заключается в том, что доминируют низкие приземистые сосуды (горшки), у которых максимальный диаметр на уровне плечиков значительно превышает общую высоту сосуда. Наличие локальных особенностей

в древнерусской керамике разных районов Руси отмечалось и ранее в археологической литературе, при этом указывалось, в частности, что местные традиции в гончарном производстве были устойчивыми и передавались из поколения в поколение [78, с. 138]. Казалось бы, особенности керамики смоленско-полоцких кривичей XI–XIII вв. должны иметь исходными прототипами гончарную глиняную посуду X в., изготовленную на этой же территории в гончарных мастерских и по традиции закрепленную. Однако, в действительности этого не наблюдается. Многочисленные находки точно датированной керамики X в. происходят из погребений в Гнездове (древний Смоленск). Но в Гнездове преобладают гончарные сосуды сравнительно стройные, у которых общая высота либо равна максимальной ширине, либо несколько превосходит ее [122, с. 101 и сл., рис. 73–75, 77, 79]. Правда, в Гнездове обнаружено некоторое количество лепных и гончарных сосудов, более приземистых форм [122, рис. 4, 72], но как уже нами показано, эта посуда была пережитком более ранней эпохи и показателем неоднородности населения Гнездова [178, с. 107]. Такая же картина прослежена и в курганах с трупосожжениями конца IX – начала X вв. у пос. Новоселки, где значительное количество сосудов имеет превышение размера высоты над максимальным диаметром [221, с. 115, рис. 14].

Глиняные сосуды из сельских погребений кривичей XI–XIII вв. по своим пропорциям, в значительной степени, близки к керамике, найденной в захоронениях VIII–X вв. КСПДК [170, с. 100, рис. 8], где встречаются исключительно сосуды приземистые со значительным превышением максимального диаметра над высотой, имеющие выпуклое плечико. Видимо, традиция изготовления преимущественно низких, приземистых горшков и использование части из них в погребальном обряде, сложившаяся в сельской среде в период сооружения длинных курганов, оказалась сильнее, чем введение ремесленным славянским населением в отдельных центрах X в. новых высоких форм гончарных сосудов. В гончарном производстве на территории бывшего распространения длинных курганов у сельского населения IX–XIII вв. утвердился, как основная форма керамики, сравнительно широкий приземистый горшок.

Проявлением местной консервативной традиции может служить наличие наряду с обычными широко распространенными формами курганных сосудов на левобережье Днепра в районе Дорогобужа весьма своеобразных горшков с высоким горлом и слабо отогнутым венчиком [106, с. 238 и сл., табл. VI:1,2]. На своеобразие такой керамики обратил внимание Б.А. Рыбаков [105, с. 173]. Видимо, наличие таких форм сосудов связано с традициями предшествующего дославянского местного населения, сложившимися еще в середине и второй половине I тыс. н.э. В пределах современного Дорогобужского района в Поднепровье и в бассейне р. Угры, в междуречье Днепра и Угры, а по Днепру до устья р. Ужи, то есть, на тех пространствах, где не была распространена культура длинных курганов, обнаружены укрепленные поселения – городища – и отдельные селища, относящиеся к культуре мощинского типа [172, с. 42,43]. Здесь найдена лепная керамика, аналогичная посуде из Мощинского городища и курганов у д.д. Шанькою и Почепок [25, с. 6, табл. III:1; табл.IV:1,3; 87, с. 46, рис. 18], которая типологически очень близка керамике курганов XI–XIII вв. указанного Верхнеднепровского района. Еще не совсем ясно, как происходило развитие керамики мощинских типов в конце I тыс. н.э. и какие промежуточные формы могли возникнуть до появления гончарного круга в древнерусской деревне, но одно несомненно – есть преемственность формы между керамикой мощинской культуры середины и второй половины I тыс. н.э. и древнерусской посудой в вышеотмеченном регионе. По-видимому, отдельные островки мощинского населения (голядь) сохраняли свои традиционные формы сосудов до начала XI в., которые от них были восприняты кривичами, расселявшимися на этих территориях в XI–XII вв.

Погребальный инвентарь круглых курганов кривичей XI–XIII вв. на основной территории их расселения по ряду признаков близок инвентарю из курганов дреговичей, радимичей, вятичей и некоторых других восточнославянских групп населения. Вместе с тем, некоторые особенности погребального инвентаря кривичей связаны с влиянием культуры восточных балтов КСПДК, которые непосредственно участвовали в этногенезе летописных кривичей и формировании их культуры, как и культуры других соседних групп

населения XI–XII вв. При этом, их сформировавшаяся культура целиком вошла в круг славянских древностей Древнерусского государства. Нужно отметить, что весьма заметные балтские элементы в инвентаре летописных кривичей проявляются в течение всего XI в. как пережитки, на периферии кривичских земель: Верхнее Поволжье [151], западная окраина Полоцкого княжества [35].

Рассмотренные нами археологические материалы VIII–X вв. дают основание считать, что культура смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК) сложилась около рубежа VII и VIII вв. из культур некоторых групп балтского населения. КСПДК распространилась в Поднепровье и Подвинье в уже сложившимся виде (рис. 8, 9, 18:7–12). Носителей этой культуры следует рассматривать как группу племен, условно называемую нами «Крива» (Krieva), сформировавшуюся в пределах восточных земель древних литовцев и латышей, входившую в балтскую этнокультурную общность, из которой они и выделились в первой половине VIII в. Как показывает анализ вещевого комплекса КСПДК, проведенный выше в данной работе, в течение VIII–IX вв. население КСПДК сохраняло свои этнокультурные особенности и общее развитие их культуры шло параллельно с развитием культуры других балтских племен: древних литовцев, латгалов и других групп населения Прибалтики (рис. 28). Не исключено, что уже около рубежа VIII–IX вв. происходило проникновение некоторых элементов славянской материальной культуры в среду КСПДК. В конце IX–X вв., по мере усилившегося расселения славян на землях КСПДК, возникновения городов (Полоцк, Смоленск и др.) как опорных пунктов славянской колонизации и затем включения этих земель в состав Древнерусского государства, приводят к изменению этнокультурной ситуации. Сначала устанавливается сосуществование двух групп населения: балтов (Krieva) и славян. В это время имеют место сложные процессы этнокультурного развития, что фиксируется постепенным исключением элементов балтской культуры у местного населения и формированием новой культуры летописных кривичей. Это явственно проявляется как в материальной сфере (вещевой комплекс), так и в духовной культуре (погребальные обрядности). Формирование новой культуры было результатом процесса колонизации славянами Верхнего Поднепровья и Подвинья, способствовавшего, с одной стороны, конвергенции культур балтов и славян, а, с другой стороны, одновременно происходившему процессу ассимиляции балтов славянами. Население этого времени, состоявшее из славян и ассимилируемых балтов КСПДК (Krieva), получило наименование по этнониму местного населения **«кривичи»**. Около середины X в. прекращаются захоронения в длинных курганах и одновременно перестает функционировать большинство курганных могильников КСПДК. С XI в. все население Смоленского Поднепровья и Витебско-Полоцкого Подвинья, независимо от своей прежней этнокультурной принадлежности, условно называемое нами **летописные кривичи**, входит в круг общей древнерусской культуры. Но все же это население некоторое время (XI–XII вв.) еще сохраняло в виде пережитков отдельные (иногда в значительно переработанном виде) элементы прошлой балтской культуры.

По своему характеру археологические источники, как правило, не могут окончательно и безоговорочно решать вопросы об этносе и языке населения той или иной эпохи, в частности, в какой-то степени, это может относится и к КСПДК VIII–X вв. Общие положения по ряду вопросов, сформулированные на основе изучения вещественных источников, могут считаться только тогда обоснованными и принятыми, когда они либо подтверждаются данными других наук, либо не противоречат им. При сопоставлении данных археологии со сведениями письменных источников и материалами лингвистических исследований эти вопросы в какой-то степени могут проясниться. При этом, без сомнения, язык, на котором говорит население, является одним из основных признаков этноса и культуры.

Постараемся кратко рассмотреть данные других наук по интересующим нас вопросам.

ГЛАВА IV

ПИСЬМЕННЫЕ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ О КРИВИЧАХ

Готский историк Иордан в VI в. н.э. в своем труде «Гетика» дает сравнительно полную картину расселения племен на значительной территории Европы во второй четверти и середине 1 тыс. н.э. Иордан отмечает, что в то время славяне занимали обширные территории «... начиная от места рождения реки Вистулы. На безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венедов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами. Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, и на север до Висклы ... Анты же сильнейшие из обоих распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину, эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов» [47, с. 67]. Таким образом, в то время по Иордану славяне занимали область от верховьев Вислы до верховьев Днестра, а южнее другая группа славян (анты) занимала территорию от Днестра до Днепра. Иордану были известны многие племена в лесной зоне Восточной Европы и за пределами расселения «склавенов и антов»: эсты, чудь, меря, мордва и др. [47, с. 67, 83. 84]. Славяне же в середине I тыс. н.э. в верховьях Днепра, на Западной Двине и в верховьях Волги ему неизвестны, так как, видимо, в то время там они не обитали.

Император Византии Константин VII Багрянородный в середине X в. в своем сочинении «Об управлении империей» дает описание Древнерусского государства. Среди народов, населяющих это государство, он упоминает кривичей, считая их славянами, дающими дань Руси. В этом отношении он ставит кривичей в такое же положение, как славянские племена древлян, дреговичей, северян, так и неславянские племена, также платившие дань Руси [57, с. 45–51]. С нашей точки зрения, отнесение кривичей к славянам было связано с тем, что культура местного населения верховьев Днепра к середине X в. значительно изменилась в ходе интеграционных и ассимиляционных процессов и впитала многие элементы культуры проживавшего на этой же территории славянского населения Древнерусского государства. Информаторы Константина считали кривичей – представлявших собой в середине X в. смешанное население, состоявшее из славян (полочан, смолян и др.) и балтов КСПДК, бывших на разной стадии ассимиляции – такими же славянами как полян, древлян, дреговичей, северян и другие группы славян, которых также считали данниками Руси и соответственно противопоставляли собственно Руси.

Летопись о кривичах и Смоленске

Древнерусские летописи освещают события конца I – начала II тыс. н.э. и содержат конкретные сведения о материальной и духовной культуре и языке племен, населявших Верхнее Поднепровье и Подвинье. Летописец на рубеже XI и XII вв. в Повести временных лет (ПВЛ) в первую очередь поставил вопрос: «... откуду есть пошла русская земля ... и откуду русская земля есть» [98, с. 9] и дает ответ в свете тех сведений, которые ему были доступны в то время. В этногеографическом очерке Верхнего Поднепровья и смежных территорий, в недатированной части летописи он отметил, что вышли славяне из областей на Дунае и расселились: «Тако же и ти словяни пришедшее и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесах, а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи, инни седоша на Двине и нарекошася полочане

речки ради, яже втечет въ Двину, именемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словении же седоша около озера Ильмеря, и провашася своимъ имянемъ ... А друзии седоша на Десне, и по Семи, по Суле и нарекошася север. И тако разидеся словеньский языкъ, тем же и грамота прозвася словеньская» [98, с. 11). Среди пришедших славянских племен, владевших славянской грамотой, кривичи не названы. Если в летописи сказано, что все славянские племена «пришли и сели», то о кривичах говориться иначе: «... кривичи иже седятъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, их же град есть Смоленскъ» [98, с. 13]. В отличие от всех славянских племен для кривичей используется определение «седятъ» без «пришли», также само, как и для неславянских племен с указанием их местонахождения: «На Белозере седятъ весь, а на Ростовьском озере меря, а Клещине озере меря же. А на Оце реце, где втечетъ в Волгу, мурома языц свой, и черемиса свой языкъ, мордва свой языкъ» [98, с. 13). Таким образом, кривичи и их места расселения характеризуются не теми определениями, как все славяне, а они приравниваются к неславянским аборигенным племенам. Можно предполагать, что к моменту расселения вышеуказанных славянских племен, кривичи (население КСПДК) уже обитали в Поднепровье и Подвинье. Судя по сведениям летописи, на западной окраине кривичских земель в Подвинье расселились пришедшие славяне-полочане, но здесь не указывается, кто до них обитал на Двине и Полоте. Однако в другом месте летописи это, в какой-то степени, проясняется: «... перьвии насельници ... в Полотьски кривичи...» [98, с. 18], а не славяне-полочане или варяги. При описании в летописи еще в одном отношении кривичи отличаются от всех пришедших славянских племен, у которых тогда вскоре после прихода возникли княжения: «... княженье в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже полочане» [98, с. 13]. Далее определены места обитания кривичей, мери, веси, муромы и др., но о существовании у них княжений не сказано [98, с. 13]. Видимо, общественные отношения у кривичей в тот период времени имели несколько иной характер по сравнению со славянами, имевшими уже свои княжения, что и особо отмечено в летописи. Вопрос о происхождении кривичей летописец не рассматривал, однако в наше время, при переводе текста Повести временных лет на современный русский язык, сделанным Д.С. Лихачевым, сказано: «...полочане. От этих последних произошли кривичи [98, с. 209]. Нет основания согласиться с таким переводом и такой трактовкой самого текста летописи [98, с. 209]. В летописи сказано: «... полочане. От **них же** кривичи, иже седятъ на верхъ Волги...» [98, с. 13]. Летописец, суда по всему тексту летописи, придерживался строго определенной последовательности при описании расселения славян, а также и возникновения у них княжений. Основой для этого была принята определенная географическая последовательность. Описание начиналось с юга от земли полян и продолжалось от них к северу по правобережью Днепра, а далее, перейдя Двину, к озеру Ильмень, а затем снова возвращалось в Поднепровье, на реку Десну. Последовательность описания размещения славян, принятая в летописи, дает основание эту часть текста, относящегося к кривичам, понимать так: «... княжение другое на Полоте, где полочане. От них (далее находятся – Е.Ш.) кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра...», т. е. в данном случае определяется местонахождние кривичей по отношению к полочанам, а не их происхождение от полочан. То же самое можно сказать и о северянах, происхождение которых переводчиком определено от кривичей. В летописи сказано: «... туде бо седятъ кривичи. Таже северъ от нихъ» [98, с. 13]. В переводе это изложено так: «Именно там сидят кривичи, от них же происходят и северяне. » [98, с. 209]. На самом же деле северяне не происходят от кривичей, а находились с ними далее к юго-востоку в Поднепровье как соседи.

Вместе с тем, для некоторых групп населения в летописи определяется их этническая принадлежность. Так во введении указывается их языковая принадлежность и перечисля-

ются все племена, говорившие на славянских языках: «Се бо такмо словенсъ язык в Руси: поляне. деревляне, ноугородцы, полочане, дреговичи, северъ, бужане ...» [98, с. 13]. Но кривичи в этот перечень не включены. В летописи также перечисляются другие племена, говорившие не на славянских языках: « А се суть инни языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, пермь, печера, ямь, Литва, земигола, корсь, норома, либь: се суть свой язык имущее ...» [98, с. 13]. И в этот перечень племен, говоривших на других, своих языках, кривичи также не включены. Можно предполагать, что это не случайное упущение летописца. Он, судя по тексту летописи, был хорошо осведомлен о кривичах и не только знал, где они обитали и какие у них были обычаи, но упоминал их при описании многих событий того времени под 859, 862. 882, 907, 944, 980, 988 гг. Кривичи были составной частью войск Олега, Игоря, Владимира и принимали участие как в образовании Древнерусского государства, так и в дальних походах вместе со славянами и варягами и, вероятно, какое-то их число постоянно проживало в Киеве. Летописец, по всей видимости, сознательно не причислил кривичей к племенам, говорившим по-славянски, или к племенам, имевшим другие свои языки, так как их язык даже в его время (рубеж XI и XII вв.) имел свои особенности и несколько отличался от языков славянских племен, обитавших в Поднепровье и на смежных территориях, хотя, возможно, был летописцу понятен в отличие от «инни языци».

Можно полагать, что в далеком прошлом, когда шло расселение славян в Поднепровье и Подвинье, кривичи имели свой язык, отличавшийся от языка славян и других племен, перечисленных в летописи. При совместном проживании со славянами-полочанами в Подвинье и другими славянами (смолянами ?) в Поднепровье, особенно после 882 г., когда кривичи и их город Смоленск вошли в состав Древнерусского государства «Поиде Олег, поимъ воя многи, варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи и приде къ Смоленьску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужъ свои ...» [98, с. 20], с этого времени особенно активизировалась ассимиляция кривичей славянами и, не исключено, что первоначально возникало двуязычие, и сам язык кривичей стал заметно изменяться. Это был процесс медленный и еще в XI в. у кривичей сохранялись некоторые особенности их, уже славянизированного языка, что отличало кривичей, в представлении летописца, от полян, древлян и других славян и дало основание летописцу не относить язык кривичей ни к славянским, ни к «инни языци».

Необходимо отметить еще одну особенность, присущую летописи. Летописец при описании кривичей использует совсем другие определения по сравнению с описаниями славянских групп населения. Все славянские племена «пришли и сели» и соответственно назвались:

«... славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами ...» [98, с 207]. О кривичах же так и не сказано.

Неславянские племена охарактеризованы иначе, они имеют свое название и «седят» на определенной территории: «А на Белозере сидит весь, а на Ростовском озере меря... А на реке Оке – ... мурома ...» [98, с. 207].

Также само, как неславянские племена, говорившие на своих языках, охарактеризованы кривичи:

«... кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра ...» [98, с. 207]. В этом описании летописец как бы приравнивает кривичей к неславянским племенам.

Нужно отметить, что в летописи нет сведений о племенах, обитавших в третьей четверти 1 тыс. н. э. в Поднепровье до прихода славян, и не указано, на чьих землях они расселялись. Летописец, вероятно, этого и не знал, так как, видимо, в народной памяти

к рубежу XI и XII вв. уже не сохранились предания о всех «перьвии насельници» с «инни языци». Но в одном случае он говорит, что славяне пришли и сели по Двине и назвались полочанами [98, с. 207]. В другом месте летописи летописец определяет древнейшее коренное население земель и городов, указывая, что... «в Новгорде – славяне, в Полотске – кривичи, в Ростове – меря, в Белозере – весь...» [98, с. 215]. Из этого как бы вытекает, что в Полоцке на р. Полоте коренное население не славяне-полочане, а кривичи, которых летописец славянами не называет.

Таким образом, основной письменный источник – древнерусская летопись, отражая уровень знаний времени ее написания, определяет территорию, на которой обитали кривичи, включающую Смоленское Поднепровье и Витебско-Полоцкое Подвинье, что по археологическим данным в основном соответствует распространению древностей археологической культуры смоленско-полоцких кривичей XI–XII вв. Летопись дает основание предполагать, что славянские племена полочан и другие (возможно, смолян) расселялись до образования Древнерусского государства на землях, уже освоенных племенами КСПДК (Krieva), потомков которых в XI–XII вв. вместе с расселившимися славянами называли **кривичами**, и у этих подвергшихся славянизации летописных кривичей в некоторой степени сохранялась своя самобытная культура и свой язык, который летописец по состоянию на конец XI в. не мог еще отнести к языкам славянских племен. Кроме того, летописец считал, что кривичи, в отличие от славян Поднепровья (полян, древлян, северян, дреговичей), имели свои обычаи и у них были свои традиции, особо проявлявшиеся в языческих обрядах погребения умерших. Он ставит кривичей как бы в один ряд не со славянами, а с прочими язычниками.

«... Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих... И аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравши кости вложаху в судину малу, и поставляху на солпе на путех, еже творять вятичи и ныне. Си же творяху обычая кривичи и прочии погани...» [98, с.14.15].

Таким образом, письменные источики не противоречат основным положениям о культуре кривичей, в целом, и их этногенезе в период VIII–XII вв. в частности, основным положениям, высказанным нами на основе изучения вещественных археологических источников VIII–XII вв. Данные летописи подтверждают особый характер культуры и языка кривичей даже в XI–XII вв. и тем самым дают основание для поисков решения вопроса об истоках этих этнокультурных особенностей.

Данные языкознания о кривичах

Другого рода источники, способствующие решению вопроса об особенностях культуры и этнической атрибуции населения КСПДК VIII–X вв. и летописных кривичей XI–XII вв., представляют собой данные языкознания. Этноним «кривичи», который использовал летописец для наименования населения, обитавшего в XI–XII вв. в верховьях Днепра и Зап. Двины, по своему происхождению был не славянским, а балтским. Это обосновано в специальной научной литературе. М. Фасмер производил этот этноним от имени родоначальника «Кривъ» и находил этому слову аналогии в литовском, латышском и в других языках балтских народов [152, с. 375]. Также балтским рассматривает этноним «кривичи» лингвист Г.А. Хабургаев, но объясняет его происхождение иначе. Он считает, что термину «кривичи» предшествовал этноним без суффикса «-ич-и» и «надо исходить из Krieva или Kreiuva ... что этот термин должен был принадлежать дославянскому населению Верхнего Поднепровья, которое в VIII–IX вв. подверглось славянизации. Этноним на «ичи» не мог появиться ранее IX века». Г.А. Хабургаев доказал, что была «традиция

именовать термином на «ич-и» ассимилируемые инородческие этнические группы» [154, с.195–197]. По нашему мнению, исходя из вышеизложенного, можно несколько уточнить датировки, предложенные Г.А. Хабургаевым: процесс ассимиляции славянами днепровских балтов – носителей КСПДК по данным топонимики и археологии мог начаться не в VIII в., а только после рубежа VIII–IX вв., более активно он стал протекать с конца IX в. и продолжался в X и последующих веках.

Большое значение в определении этнической принадлежности племен в дописьменный период имеют данные топонимики и в частности – гидронимики. Уже к рубежу XIX и XX вв. языковеды в результате анализа гидронимов пришли к выводу, что в верхних течениях рек Днепра, Западной Двины и Оки в древности обитали племена балтской этнической группы. Это утверждают: А.А. Кочубинский [60]; А.Н. Погодин [99]; А.И. Соболевский [124]. В дальнейшем на основе детального лингвистического анализа гидронимов М. Фасмером и К. Бугой была расширена древняя территория обитания балтов еще дальше на восток, включая пространства бывших Тверской, Смоленской, Московской, Калужской, Тульской, Орловской и Черниговской губерний [242] и [249]. Для собственно Верхнего Поднепровья, включая рассматриваемые нами территории, детальные лингвистические исследования гидронимов в середине XX в. провели В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев. Наиболее капитальной из всех работ по топонимике Верхнего Поднепровья, опубликованных до наших дней, является труд В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», в котором были подведены итоги многолетних изысканий предшествующих исследователей и изложены результаты их собственных исследований, огромных по своему объему. На основе точного анализа авторы расширяют древнюю балтийскую территорию на юго-восток, отмечая: «Нам кажется, что несомненность присутствия балтов на Сейме подтверждается ... целым скоплением балтийских гидронимов в количестве не менее двух десятков в этом районе» [137, с. 231]. Было доказано, что также бассейн реки Припяти в далеком прошлом был заселен балтами. В целом же они считают, что на пространствах Верхнего Поднепровья балты обитали с самой отдаленной древности, доступной лингвистическому контролю и далее в продолжение длительного времени. Для территории, рассматриваемой нами и заселенной славянами к концу последней четверти 1 тыс. н.э., они имели полное основание сделать вывод, что « ...территория Верхнего Поднепровья в I тыс. – первых в. II тыс. н.э. была заселена племенами балтийского происхождения ... что балтийское население Верхнего Поднепровья в основной своей массе не отступило к северо-западу в условиях распространения славян на этой территории и было постепенно ассимилировано последними» [137, с. 236]. Этими племенами балтийского происхождения в вышеуказанное время, включая VIII–X вв., по мнению автора настояшей работы, могли быть только племена КСПДК (Krieva). Кроме того, В.Н. Топоров и О.Н.Трубачев указывают на лексические следы у славян от предшествующего балтского населения. «К числу последних следует, по-видимому, отнести возможные лексические следы языка первоначального населения. Известно, что в белорусском языке, как и в ряде южновеликорусских говоров (прежде всего смоленских) существуют слова балтийского происхождения. Многие из этих заимствований нельзя объяснить поздним проникновением, так как они распространены на территориях, не имеющих общих границ с балтийскими языками» [137, с. 21]. Можно полагать, что эти лексические заимствования восходят к IX–XII вв., т.е. ко времени одновременного бытования в Поднепровье и Подвинье смешанного населения, состоявшего из славян и балтов и именуемого в летописях кривичами.

Таким образом, данные языкознания не противоречат основным выводам о культуре и этнической принадлежности населения Смоленского Поднепровья и Подвинья VIII–XII вв. н.э., полученным на основе изучения вещественных археологических источников, а в значительной степени подтверждают их.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История населения территории Смоленского Поднепровья и Подвинья в VIII–XII вв., которую в современной литературе принято связывать с кривичами, излагалась упрощенно, а по некоторым вопросам и неоднозначно. В частности, не было на достаточном обосновании определено время расселения славян на этих пространствах и их взаимоотношение с аборигенным населением. Оставались спорными вопросы: о времени и месте формирования населения КСПДК VIII–X вв.; особенности ее материальной и духовной культуры; ее этническая принадлежность и особенности вхождения в древнерусскую этнокультурную общность. Эти вопросы не получили детальной разработки, хотя и вызывали особый интерес. Различные гипотезы, связанные с этими проблемами, высказанные многими исследователями за последнее столетие, противоречивы и не всегда достаточно подтверждены как письменными, так и вещественными источниками. Это особо просматривается в работах, утверждающих славянскую атрибуцию материалов из археологических культур не только КСПДК VIII–X вв., но и культур: колочинской, тушемлинской и банцеровской предшествующего периода середины и третьей четверти I тыс. н.э. Высказываются гипотезы о широком и мирном расселении славянского земледельческого населения в верховьях Днепра и на Западной Двине в раннем средневековье, начиная с IV–V вв. н.э. [241, с. 94 и сл.;135, с. 107]. Однако, эти гипотезы пока остаются умозрительными предположениями, поскольку их доказательная база состоит из специально подобранных второстепенных фактов по принципу иллюстративного метода, да и они приходят в противоречие как с результатами изучения археологических материалов, так и со сведениями письменных источников и данными языкознания.

Археологические источники, рассмотренные в данной работе, и материалы исследований других авторов, опубликованные в археологической литературе, дают основание рассмотреть заново вышеназванные проблемы и сформулировать свой взгляд на историю кривичей и других групп населения Смоленского Поднепровья и Подвинья от рубежа VII и VIII вв. н.э. до XIII в. н.э. и коснутся некоторых вопросов о племенах предшествующего времени.

Археологические материалы и данные топонимики показывают, что Смоленское Поднепровье и Подвинье с IV до начала VIII вв. было заселено племенами восточных балтов тушемлинской археологической культуры, сформировавшейся в IV–V вв. н.э, на основе местных племен днепро-двинской археологической культуры [217а, с. 162–171]. Если даже в материальной культуре ТК периода формирования, происходившего в эпоху великого переселения народов, и были включены инородные элементы киевской и других культур, происходившие из более южных районов Поднепровья, то они не стали основой в формировании собственно ТК и изменить ее эволюционное развитие, каковое в целом было присуще в это время всем восточным балтам до начала VIII в. н.э не могли. ТК, по характеру материальной культуры, относится к кругу восточнобалтских древностей.

В период своего расцвета (VI–VII вв.) ТК заметно отличалась от славянских культур Восточной Европы, включая и пражско-корчакскую [103].

После рубежа VII и VIII вв. ТК перестала существовать, что было связано с опустошительными набегами грабительских дружин из районов Южного Поднепровья на их земли. Часть населения ТК ушла в пределы южных окраин КПДК, а небольшие группы носителей ТК остались в своих обычных местах обитания и были ассимилированы пришедшими на эти опустошенные земли племенами КСПДК, которые уже в период переселения имели свою вполне сложившуюся культуру, отличавшуюся как от славянских синхронных культур, так и от ТК. КСПДК не является дальнейшим прямым развитием ТК и от нее

фактически не происходит. Хотя некоторое влияние на нее оказала, так как отдельные элементы ТК были усвоены населением КСПДК.

Первоначально КСПДК сформировалась в пределах территорий восточной Литвы и прилегающих областей Латвии, где вся материальная культура населения, начиная с середины I тыс. н.э., имела основные типы вещей, на основе которых только и могла сложиться КСПДК. Население эпохи длинных курганов большинством археологов (П.Н. Третьяков, В.В. Седов и др.), принято называть **кривичами.** Часть исследователей-лингвистов считают, что население КСПДК называло себя **Креве** (М. Фасмер), или по-другому **Krieva** (Г.А. Хабургаев), что не вызывает особых возражений.

С нашей точки зрения, называть население КСПДК кривичами и перемещать ретроспективно название населения X–XII вв. на население этой же территории VIII–IX вв. и считать их славянами без достаточных обоснований не правомерно.

Вещевой комплекс и элементы погребальной обрядности населения КСПДК, как это в данной работе уже было показано (см. также прил. рис. 8, 9), не имеют аналогий в славянских древностях этого и предшествующего времени, поэтому КСПДК им не родственна, а является частью балтских древностей второй половины I тыс. н.э. Это не исключает того, что в ее формировании, кроме местных балтских племен, указанной нами территории, не могли принять участие инородные группы населения, привнося не свойственные балтам некоторые формы украшений и отдельные типы бытовых вещей, которые в хозяйственном использовании были наиболее эффективны. В том числе, этим можно объяснить распространение у населения КСПДК профилированной керамики с выпуклым плечиком и некоторых форм других вещей.

Культура смоленско-полоцких длинных курганов в уже окончательно сложившемся виде около середины VIII в. н.э. распространилась на пространствах, ранее принадлежавших населению ТК, преимущественно в Полоцко-Витебском Подвинье и Смоленском Поднепровье (от Орши до устья рек Вопь и Устром – притоки Днепра). Продвижение далее на восток вверх по Днепру, видимо, было приостановлено племенами мощинской археодогической культуры (голядью).

КСПДК просуществовала на этих территориях, сохраняя основные элементы своей материальной и духовной культуры, с VIII в. до середины X в. как часть этнокультурной общности балтов, при своей некоторой самобытности, не теряя своего самоназвания Krieva (Криве).

Вещественные археологические материалы из длинных курганов, рассмотренные нами выше в данной работе, содержавшие целые вещевые комплексы балтского круга древностей, дают неоспоримые свидетельства для определения общего высокого уровня социально-экономического развития населения и отнесения его к балтской этнокультурной общности.

Общее эволюционное развитие КСПДК, за все время ее существования, происходило одинаково и параллельно с другими культурами балтов, что было показано при сравнительном описании культур латгалов и КСПДК [223]. Население КСПДК составляло большое межплеменное объединение Krieva, которое уже с середины IX в. играло важную роль в Северо-Западном регионе Восточной Европы, когда, согласно летописным сведениям, вместе со славянами, чудью и другими племенами принимало участие в создании мощного союза племен, сумевшего изгнать варягов «за море». В составе большого союза племен население КСПДК принимало участие в создании Древнерусского государства, войдя в его состав в 882 г.

После рубежа VIII и IX вв. увеличился приток славянского населения, которое основывало поселения на Двине и Днепре, ставшие опорными пунктами славянской колонизации земель Krieva. В частности, такое поселение в это время возникло в Гнездове

Рис. 65. Раскопки длинного кургана в 1954 году у д. Заборье

(первоначальный Смоленск), как одни предполагают в начале IX в. (Ляпушкин И.И.), а другие считают, что это поселение возникло в конце IX в. (Авдусин Д.А., Жарнов Ю.Э.). Находки вещей IX–X вв. фиксируют присутствие в Гнездовском поселении, находившемся на великом пути «из варяг в греки», славян в качестве основного населения, как выходцев из южных районов Поднепровья [101], так и с берегов Балтийского моря [122] и представителей других этносов (Krieva, варяги и др.). Постепенно поселение в Гнездове превратилось в древний город с огромным курганным могильником и со своей специфической городской культурой, отраженной в археологическом материале.

Гнездово (Смоленск IX–X вв.), как и город Полоцк, а позднее – Витебск, Лукомль, Вержавск и другие города способствовали основанию многочисленных сельских поселений и освоению новых земель славянами. Это подтверждается появлением ряда славянских могильников, состоящих из круглых курганов, которые датируются временем от IX в. до начала XI в. К примеру, таковы курганы у Куприна, Катыни, Путятинок, [68, с. 274–320], Будкова, Копнева, Добросельья, Петрополья и другие в днепровском бассейне и таких же могильников у Ковалей, Слободы, Рудни и др. в бассейне Западной Двины. Погребения в этих курганах не содержат набора балтских вещей, характерных для КСПДК. Одновременно в конце IX–X вв. существуют курганные могильники из сферических курганов, инвентарь которых включает некоторое количество вещей, характерных для КСПДК. Таковы: Колодня, Аносинки, Шиловка и другие. Такие же курганы этого времени возводятся в курганных могильниках КСПДК, существовавших и ранее, у Заозерья, [226], Шугайлова [193], Арефина [219], Купников [218]. Появление славянских могильников, состоящих из круглых курганов, и распространение в это же время круглых курганов в могильниках КСПДК (Krieva) свидетельствует о сложных процессах взаимоотношений двух этносов, сопровождавшихся и конвергенцией материальной культуры, и языковой ассимиляцией населения КСПДК славянами. Эти процессы, видимо, начались в середине IX в., в тот период, когда Krieva вместе с новгородскими славянами, чудью и другими

племенами успешно вели борьбу за свою независимость от иноземного господства. Они объединились в межплеменной союз, способствовавший прекращению междуусобной борьбы и сохранению мира на северо-западе Восточной Европы. Процессы конвергенции и ассимиляции усиливались и становились необратимыми с момента вхождения Krieva в состав Древнерусского государства, что в значительной степени подтверждается археологическими вещественными источниками. В этот период (конец IX–X вв.) славянизируемое население КСПДК (Krieva) и стало называться кривичами. И, видимо, к концу этого периода этноним **«кривичи»** был распространен на все население, включая славян, проживавшее в Смоленской и Полоцкой землях. Таким образом, славяне и славянизируемые Krieva, проживавшие на одной и той же территории, в древнерусских летописях обозначены как **кривичи.**

После середины XII в. кривичи в летописях не упоминаются. Действительно, материальная культура разных групп кривичей нивелируется в рамках общей культуры Древнерусского государства, и население этих земель с этого времени стало называться **смолянами, полочанами,** то есть, не по этническому и культурному признакам, а по территориальному, как и вся основная масса населения Древней Руси. Как показывают археологические материалы, летописные кривичи в XI–XIII вв. долго сохраняли некоторые языческие традиции, восходящие к эпохе КСПДК и не свойственные другим группам древнерусского населения: ярусное и параллельное расположение погребенных в курганах с несколькими захоронениями; восточная ориентировка мужских погребений в отдельных могильниках; обилие металлических украшений в женских погребениях и специфический их набор. Эти особенности культуры кривичей, фиксируемые на археологическом материале, о чем было сказано выше, но и в значительной степени согласуется с письменными источниками и данными языкознания.

В целом же, несмотря на некоторую самобытность, все население, именуемое в летописи кривичами, в результате сложного и длительного этнокультурного процесса к началу XIII в. нивелируется на основе славянской культуры и языка и становится частью древнерусского народа, хотя еще некоторое время сохраняет пережитки старых языческих традиций.

История кривичей (Krieva) не уникальна в пределах Древней Руси. Такой же исторический путь прошли меря, мурома, чудь и другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдусин Д.А. Гнездовские курганы. – Смоленск, 1952.
2. Авдусин Д.А. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 году // МИСО – Смоленск, 1952. – Вып. 1. – С. 311–367.
3. Авдусин Д.А. Возникновение Смоленска. – Смоленск, 1957.
4. Авдусин Д.А. Отчет о раскопках Гнездовских курганов // МИСО – Смоленск, 1957а. – Вып. II. – С. 113–183.
5. Авдусин Д.А. Отчет о раскопках в Гнездове в 1957–1960 гг. // МИСО – М.: Московский рабочий, 1970. – Вып. VII. – С. 236–286.
6. Авдусин Д.А. Скандинавские погребения в Гнездове // Вестник МГУ. Сер. 8, История. – 1974. – №1. – С. 74–86.
7. Авдусин Д.А. Ключ-город // Путешествия в древность. МГУ, 1983. – С. 92–122.
8. Авдусин Д.А. Актуальные проблемы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово. МГУ, 1991. – С. 3–20.
9. Алексеев Л.В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении западной Двины (Материалы к археологической карте Витебской области БССР) // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. – М., 1959. – Т. I. – С.273–315.
10. Алексеев Л.В. Полоцкая земля. – М., 1966.
11. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. – М., 1980.
12. Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. – М., 2006. – Кн. 1.; М., 2006а. – Кн.2.
12а. Андреев Н.В., Милонов Н.П. Раскопки на Гнездовском городище в 1940 г. // КСИИМК – М., 1945. – Вып. II. – С. 26–28.
13. Артамонов М.И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории: – Л., 1967. – С. 29–69.
14. Артамонов М.И. Некоторые вопросы отношения восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и верхнего Поднепровья (Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. – М.,1970) // Советская археология. – 1974. – №1. – С. 245–254.
15. Археалогія Беларусі. Жалезны век і ранняе сярэдневечча. – Мінск, 1999.
16. Археалогія Беларусі. Сярэдневяковы перыяд. – Мінск, 1999.
17. Археология Украинской ССР. Раннеславянский и древнерусский периоды. – Киев, 1986.
18. Арциховский А.В. Курганы вятичей. – М., 1930.
19. Белоцерковская И.В. К вопросу о полусферических курганах с трупоположением на территории Смоленской земли // Вестник МГУ, Сер. 9, История. – 1975. – №5. – С. 53–65.
19а. Бубенько Т.С. Средневековый Витебск. Посад – Нижний замок (X–первая половина XIV вв.). – Витебск, 2004.
20. Булкин В.А. Типы погребального обряда в курганах Гнездовского могильника // Статистико-комбинаторские методы в археологии. – М., 1970. – С. 207–210.
21. Булкин В.А., Назаренко В.А. О нижней дате Гнездовского могильника // КСИА – Вып. 125. – М., 1971. – С. 13–16.
22. Булкин В.А. О так называемых пустых курганах Гнездовского могильника // КСИА – Вып. 135. – М., 1973. – С. 120–122.
23. Булкин В.А. Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. Автореферат канд. дисс. – Л., 1973а.
24. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. – Л., 1978.
25. Булычев Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. – М., 1899.
26. Булычев Н.И. Раскопки по верхнему течению реки Угры (Ока) бассейн Волги. – М., 1913.
27. Вергей В.С. Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі-Райкавецкай // Археалогія Беларусі. Другі тои. – Мінск, 1999. – С.317–347.
28. Голубович Е., Голубович В. Славянские поселения левобережной Дисны в Вилейском округе БССР // КСИИМК – М.–Л., 1945. – Вып. XI. – С. 126–137.
29. Горюнова В.М. Новое поселение «Городка» на Ловати // КСИА – М., 1974. – Вып 139. – С. 74–80.
30. Горюнова В.М. Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. – Л., 1978. – Вып. 2. – С.140–148.
31. Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. – М.–Л., 1930, – С. 19.

31а. Григорьев А.В. Северская земля в VIII–начале XI вв. по археологическим данным. – Тула, 2000.
32. Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. – М., 1995.
33. Деопик В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА – 1961. – №3. – С. 217, 220, 230.
34. Дучыц Л.У., Шадыра В.І. Аб славянскім рассяленні на пауночным захадзе Беларусі // Весці Академіі навук Беларусі. Серыя грамадских навук. – Мінск, 1992. – №№ 3–4. – С. 73–79.
35. Дучыц Л.У. Браслаускае Паазерье у IX–XIV стст. – Мінск, 2001.
36. Ениосова Н.В. Украшения смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли. – Псков, 2001 – С. 207–219.
37. Енуков В.В. Судьбы носителей смоленских длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Научный семинар. – Тезисы докладов. – Псков, 1987. – С. 61–63.
38. Енуков В.В. Погребальный обряд славян Смоленского Поднепровья и Витебского Подвинья. Автореферат канд. дисс. – М., 1987.
39. Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим данным). – М., 1990.
40. Енуков В.В. Курганы у поселка Колодня на Днепре // Российская археология, 2003. – №3. – С. 123–125.
41. Еремеев И.И. Верхнее Подвинье и сопредельные территории в конце I–начале II тыс. н.э. Автореферат канд. дисс. – СПб, 2002.
42. Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово. МГУ, 1991. – С. 200–205.
43. Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя. Автореферат канд. дисс. – М., 1992.
44. Загорульский Э.М. Археология Белоруссии. – Минск, 1965.
45. Загорульский Э.М. Древняя история Белоруссии. – Минск, 1977.
46. Загорульский Э.М. Заходняя Русь IX–XIII стст. – Мінск, 1998.
47. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «GETICA» вступительная статья, пер., комм. Скржинской Е.Ч. – СПб, 1997.
48. Каменецкая Е.В. Заольшанская курганная группа Гнездова // Гнездово и Смоленск. МГУ, 1991. – С. 125–174.
48а. Кислов М.Н. Приемы топографической съемки гнездовских курганов // КСИИМК – М., 1952. – Вып. 47. – С. 117–124.
49. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, кистени. – М., 1996.
50. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и коня на Руси IX–XIII вв. – М., 1973.
50а. Клетнова Е.Н. Археологические разведки Вяземского уезда. – М., 1915.
51. Клетнова Е.Н. Раскопки Гнездова левобережного // Смоленская старина, 1916. – Вып. III. – Ч.2. – С. 33–41.
52. Клетнова Е.Н. Раскопки в Гнездове // Смоленская новь, 1923. – №3–4.
53. Клетнова Е.Н. Великий Гнездовский могильник // Niderluv Zbornik, 1925. – С. 309–322.
54. Колчин Б.А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Труды Новгородской археологической экспедиции. – МИА – М., 1956. – № 55. – Т.I. – С. 7–120.
55. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода великого (продукция и технология) // Труды новгородской археологической экспедиции. – МИА. – №65. – М., 1959. – Т.II. – С. 7–120.
56. Конецкий В.Я. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Новгород, 1997. – Вып. 11. – С. 213–235.
57. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989.
58. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. – М.–Л., 1954.
59. Корзухина Г.Ф. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // Скандинавский сборник, 1964. – Т.8. – С. 297–314.
60. Кочубинский А.А. Территория доисторической Литвы // Журнал Министерства народного просвещения, 1897, январь. – С. 60–94.
61. Кунцене О.В. Курганы деревни Памусис (Варенский район) // Труды АН Литовской ССР. Общественные науки. – Серия А. – 1973. – №2.
62. Кусцынский М.Ф. Археологические исследования в Смоленской губернии // Древности. – М., 1881. – Т.9. – Вып. I.
63. Латгалы. – Рига, 1999.
64. Люцинский могильник (сокр. ЛМ). МАР №14. Древности северо-западного края. – СПб, 1983. – Т.I. – Вып.2.

65. Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды Смоленских государственных музеев. – Смоленск, 1924. – Вып.I. – С. 127–184.
66. Лявданский А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 1926. – Т.III. – Вып.3. – С. 179–298.
67. Ляўданскі А.Н. Археалогічныя досьледы у Вицебскай акрузе // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн.II. Працы археалогічнай камісіі. – Мінск, 1930. – Т.II. – С. 99–104.
68. Ляўданскі А.Н. Археалогічныя досьледы у вадазборах р.р. Сажа, Дняпра и Каспли у Смаленскай губэрни // Працы археалогичнай камісіі. – Мінск, 1930в. – Т.II. – С. 269–338.
69. Ляўданскі А.Н. Археалогічныя досьледы у Полацкой акрузе // Працы археалогічнай камісіі. – Мінск, 1930а. – Т.II. – С. 157–198.
70. Ляўданскі А.Н. Археалогічныя досьледы у Смаленшчыне // Працы сэкцыи археалогіі. – Мінск, 1932. – Т.III. – С. 5–88.
71. Ляўданскі А.Н., Поликарпович К.М. Археалогічныя досьледы у БССР у 1933–1934 гг. // Запіскі АН БССР. – Мінск, 1934. – Кн. V.
72. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА – №74. – М.–Л., 1958.
73. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. – МИА – №152. – Л.,1968.
74. Ляпушкин И.И. Новое в изучении Гнездова // АО 1967 года. – М., 1968. – С. 43–44.
75. Ляпушкин И.И. Исследования Гнездовского поселения // АО 1968 года. – М., 1969. – С. 66–67.
76. Ляпушкин И.И. Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. – Л., 1971. – С. 33–37.
77.Макушников О.А. Мохов – военизированное поселение X–XI вв. на юге Белорусского Поднепровья // Русский сборник. – Брянск, 2006. – С. 139–147.
78. Мальм В.А. Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни X– XIII вв. – М., 1959. – С. 123–148.
79. Мальм В.А., Фехнер М.В. Подвески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – М.,1967. – С. 133 –148.
80. Миносян Р.С. Поселение и могильник на берегу озера Узмень // Труды Государственного Эрмитажа. – Л., 1979. – Вып. 20. – С. 169–185.
81. Митрофанов А.Г. Новые данные о памятниках IV–VIII вв. Средней и Северной Белоруссии // Древности Белоруссии. – Минск, 1966. – С. 218–235.
82. Митрофанов А.Г. Банцеровское городище // Белорусские древности. – Минск, 1967. – С. 243–261.
82а. Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. – Рига, 1965.
83. Назаренко В.А. О погребальном ритуале приладожских курганов с очагами // КСИА – №140. – 1974. – С. 39–45.
84. Нефедов В.С. О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология Пскова и Псковской земли. – Псков, 2000. – С. 191–199.
85. Нефедов В.С. Могильники культуры смоленских длинных курганов в Смоленском Поднепровье и Подвинье: археологическая карта и топография // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2007. – Вып. 6. – С. 185–192.
85а. Нефедов В.С. Височные кольца культуры смоленских длинных курганов (по материалам погребений Смоленского Поднепровья и Подвинья) // Российская археология, 2009. – №3. – С. 35–41.
86. Никольская Т.Н. Хронологическая классификация верхневолжских курганов // КСИИМК – М.–Л., 1949. – Вып. XXX. – С. 31–41.
87. Никольская Т.Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э. //МИА. – № 72. – М., 1959.
88. Нукшинский могильник (сокр. НМ). Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. I. – Рига, 1957.
89. Олейников О.М. Курганные группы Девичье 2 и Девичье 4 в Селижаровском районе Тверской области (исследования 1998–1999гг.) // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2001. – Т.II. – Вып. 4.
90. Олейников О.М. Раскопки длинного кургана озера Волго Селижаровского района Тверской области // Археологические открытия 2001 года. – М., 2002. – С. 188.
91. Олейников О.М. История населения Тверского Поволжья в VI–XIII вв. Автореферат дисс. канд. ист. наук. – М., 2003.
92. Олейников О.М. Культура длинных курганов Верхневолжского и Верхнеднепровского регионов // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2007. – Вып. 6. – С. 166–184.
93. Отчет имп. археологической комиссии за 1894 год (сокр. ОАК). – СПб, 1896. – С. 23, 24.
94. Отчет имп. археологической комиссии за 1896 год. – СПб,1898. – С. 56–59.
95. Отчет имп. археологической комиссии за 1899 год. – СПб, 1902. – С. 94–99.

96. Отчет имп. археологической комиссии за 1901 год. – СПб, 1903. – С. 109.
97. Отчет имп. археологической комиссии за 1903 год. – СПб, 1906. – С. 122.
98. Повесть временных лет (сокр. ПВЛ). Текст и перевод. Под ред. Адриановой-Перетц. – М.–Л.,1950. – Ч.I.
99. Погодин А.Н. Из истории славянских передвижений. – Варшава, 1901.
99а. Покровский Ф.В. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии // Труды IX Археологического съезда в Вильне.1893 год. – М., 1895. – Т.I. – С. 166–221.
100. Пушкина Т.А. О Гнездовском поселении // Вестник МГУ. Сер.IX, История. – 1974. – №1. – С. 87–97.
101. Пушкина Т.А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев 18–25 сентября 1985 года. – М., 1987. – С. 50–57.
102. Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. – М., 1988.
103. Рассадин С.Е. Первые славяне. Славяногенез. – Минск, 2008.
103а. Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв. – М., 1976.
104. Рыбакоу Б.А. Радзімічы // Працы сэкцыи археалогіі. – Мінск, 1932. – Т. III. – С. 81–152.
105. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. – М., 1948.
106. Савін Н.І. Раскопкі курганоу у Дарагабускім і Ельнінскім Смаленскай губ. // Працы археалогічнай камісіі (ПАК). – Мінск, 1930. – Т.2. – С. 232–252.
107. Седов В.В. Кривичи и словене. Автореферат канд. дисс. – М., 1954.
108. Седов В.В. Курганы с ярусными погребениями // КСИИМК – Вып. 71. – М., 1958. – С. 3–11.
109. Седов В.В. Кривичи // СА. – №1. – 1960. – С. 47–62.
110. Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). – М., 1960.
111. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. – М., 1970.
112. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. – М., 1974.
113. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М., 1982.
113а. Седов В.В. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М., 1987. – С. 353–411.
114. Седов В.В. Славяне в древности. – М., 1994.
115. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. – М., 1995.
116. Седов В.В. Древнерусская народность. – М., 1999.
117. Седов В.В. Предыстория белорусов // КСИА – № 211. – М., 2001. – С. 44–50.
118. Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. – М., 2002.
119. Седов В.В. Славяне. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. – М., 2005.
120. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода.(X–XV вв.). – М., 1981.
121. Сизов В.И. Длинные курганы в Смоленской губернии // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 г. – М., 1902. – Т.2. – С. 81, 82. (Протоколы).
122. Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР №28. – СПб, 1902.
123. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – Археология СССР, 1983.
124. Соболевский А.И. Где жила Литва? // Известия Имп. Академии наук. – СПб, 1911. – Сер. VI. – № 15. – С. 1051–1054.
125. Спицын А.А. Вещи из раскопок П.М. Еременко в курганах Новозыбковского и Суражского уездов // ЗРАО. – СПб, 1896. – Т.8. – Вып. 1,2.
126. Спицын А.А. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // Записки Русского археологического общества. – СПб, 1899. – Т. XI. – Вып. 1 и 2.
127. Спицын А.А. Удлиненные и длинные курганы // ЗОРСА РАО. – СПб, 1903. – Т. V. – Вып. 1. – С. 196–202.
128. Спицын А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 году И.С. Абрамовым в Смоленской губернии // ЗОРСА РАО. – СПб, 1906. – Т. VIII. – Вып. 1. – С. 185–211.
129. Спицын А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 году В.Н. Глазовым в Смоленской губернии // ЗОРСА РАО. – СПб, 1907. – Т. VII. – Вып. 2. – С.237–240.
130. Спицын А.А. Финские древности Верхнего Поволжья // Труды IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме. – Кострома, 1914. – С. 46–50.
131. Спицын А.А. Литовские древности // Taut air Zodis. Epe Lituana. – Kaunas, 1925. – Liber III. – S. 112–171.
132. Спицын А.А. К 70-летию со дня рождения. Мои научные работы // Seminarium Kandakovianum. – Prague, 1928. – T. II. – S. 331–342.

133. Станкевич Я.В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // МИА. – №76. – М.–Л., 1960. – С. 7–327.
134. Станкевич Я.В. Курганы у деревни Полибино на реке Ловати // КСИА. – Вып. 87. – М., 1962. – С. 31–35.
135. Тараканова С.А. Длинные и удлиненные курганы // СА. – М., 1954. – XIX. – С. 77–110.
136. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. – М., 1956.
137. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962.
138. Третьяков П.Н. Костромские курганы // Известия ГАИМК. – Л., 1931. – Вып. X.
139. Третьяков П.Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. – М.–Л., 1937. – IV. – С. 31–35.
140. Третьяков П.Н. Северные восточнославянские племена // МИА. – № 6. – М.–Л., 1941. – С. 9–55.
141. Третьяков П.Н. Археологические памятники древнерусских племен // Ученые записки ЛГУ № 85. Серия исторических наук. – Л., 1949. – Вып. 13. – С. 258–285.
142. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. – М., 1953.
143. Третьяков П.Н. Итоги археологического изучения восточнославянских племен // Доклады на IV Международном съезде славистов. – М., 1958. – С. 114.
144. Третьяков П.Н. Древние городища Смоленщины // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. – М.–Л., 1963. – С. 3–140.
145. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.–Л., 1966.
146. Третьяков П.Н. О формировании северной ветви древнерусской народности // Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. – Смоленск, 1967. – С. 27–42.
147. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. – Л., 1970.
148. Тыниссон Э.Ю. Некоторые вопросы идеологии и этнические традиции X–XIII вв. (по материалам городища Лыхавере) // Новое в археологии Финляндии. – Л., 1984. – С. 181–187.
149. Указатель памятников. Российский исторический музей. – М., 1893. – С. 111–123.
149а. Успенская А.В. Курганы Южной Белоруссии X–XIII вв. // Археологический вестник. Труды ГИМ. – М., 1953. – Вып. XXII.– С. 97–124.
150. Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни. – М., 1967. – С. 88–122.
151. Успенская А.В. Березовецкий курганный могильник X–XI вв. // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. – М., 1983. – Вып. 82. – С. 79–135.
152. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1967. – Т.2. – С. 375.
152а. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. – М.–Л., 1962.
153. Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. – М., 1987.
154. Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глотогенеза // МГУ, 1979.
155. Чебышева В.М. Раскопки кургановСмоленской губернии Дорогобужского уезда летом 1879 года // Известия Императорского общества естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1886. – Т. XLIX. – Вып. 1–2.
156. Чернягин Н.Н. Длинные курганы и сопки (Археологическая карта) // МИА. – № 6. – М.–Л., 1941. – С. 93–149.
157. Шадыро В.И., Дучиц Л.В. Древности второй половины I тысячелетия н.э. на северо-западе Белоруссии // Археология и история Пскова и Псковской земли. – Псков, 1987. – С. 56–58.
158. Шадыра В.I. Беларускае Падзвіннe (I тысячагоддзе н.э.) – Мінск, 2006.
159. Ширинский С.С. Курганы IX–начала XI вв. в верховье р. Сож у дд. Кушлянщина и Кощино // Смоленские древности. – Смоленск, 2001. – Вып. 1. – С. 113–175.
160. Шмидт Е.А. Новые данные об археологических памятниках Смоленской области // МИСО. – Смоленск, 1952. – Вып 1. – С. 368–408.
161. Шмидт Е.А. Раскопки длинных курганов в Смоленской области // КСИИМК – М., 1954. – Вып. 54. – С. 147–152.
162. Шмидт Е.А. К вопросу хронологической классификации курганов Смоленской области // СГПИ. Научная конференция. Тезисы докладов. Смоленск, 1956. – С. 17–20.
163. Шмидт Е.А. Курганы XI–XIII вв. у деревни Харлапово в Смоленском Поднепровье // МИСО. – Смоленск, 1957. – Вып. 2. – С. 184–290.
164. Шмидт Е.А. Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949–1955 гг. // Сборник научных работ, посвященный 25-летию института (1930–1955 гг.). – СКНИИ. – 1952. – С. 274–307.

165. Шмидт Е.А. Длинные курганы у деревни Цурковка в Смоленском районе // СА – 1952. – №3. – С. 162–169.
166. Шмидт Е.А. Изучение археологических памятников на Смоленщине // МИСО – Смоленск, 1959. – Вып. 3. – С. 57–72.
167. Шмидт Е.А. Поле погребений у деревни Акатово Смоленской области // СА – 1962. – С. 189–192.
168. Шмидт Е.А. Длинные курганы у деревни Слобода-Глушица // Трутьяков В.П., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. – М.–Л., 1963. – С. 177–192.
169. Шмидт Е.А. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н.э. // МИА – № 108. – М., 1963 – С. 51–67.
170. Шмидт Е.А. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Смоленской области // МИСО – Смоленск, 1963. – Вып. 5. – С. 85–128.
171. Шмидт Е.А. Раскопки в Днепро-Двинском междуречье на Смоленщине // АО 1966 года. – М., 1967. – С. 37, 38.
172. Шмидт Е.А. Исследования в Смоленском Поднепровье // АО 1967 года. – М., 1968. – С.40–43.
173. Шмидт Е.А. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. – М., 1968. – С. 224–229.
174. Шмидт Е.А. Раскопки в Смоленской области // АО 1968 года. – М., 1969. – С.64, 65.
175. Шмидт Е.А. Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I тысячелетия н.э. // Acta Baltico-Slavica. – Bialystok, 1969. – Т. VI. – S. 129–144.
176. Шмидт Е.А. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // МИСО. Московский рабочий. – 1970. – Вып. VII. – С. 219–235.
177. Шмидт Е.А. Изучение памятников I тысячелетия н.э. в Смоленском Подвинье // АО 1969 года. – М., 1970. – С. 88, 89.
178. Шмидт Е.А. Об этническом составе населения Гнездова // СА – 1970. – №3. – С. 102–108.
179. Шмидт Е.А. Археологические данные об этническом составе смоленских кривичей в IX–X вв. // Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине. – М., 1970. – С. 61–63.
180. Шмидт Е.А. Особенности формирования культуры восточнославянского племени кривичей // Actes du VII Congress International des Sciences Prehistorques et Protohistoriques. Prague 21–27 aout 1966. – Akademie. – Prague, 1971. – Т. 2. – S. 1067.
181. Шмидт Е.А. Раскопки памятников I тысячелетия н.э. в Смоленской области // АО 1970 года. – М., 1971. – С. 74, 75.
182. Шмидт Е.А. О некоторых особенностях курганных погребений XI–XIII вв. в земле кривичей // Новое в археологии. МГУ. – М., 1972. – С. 145–151.
183. Шмидт Е.А. Работы в Смоленской области // АО 1971 года. – М., 1972. – С. 89, 90.
184. Шмидт Е.А. Курганная группа у деревни Заборье Смоленского района // Смоленский край в истории русской культуры. – Смоленск, 1973. – С. 3–14.
185. Шмидт Е.А., Ковалев В.П. Исследования в районе города Смоленска и Смоленской области // АО 1972 года. – М., 1973. – С. 104.
186. Шмидт Е.А. Археологические данные о формировании кривичей // Этногенез белорусов – Минск, 1973. – С. 21–23.
187. Шмидт Е.А. К вопросу о древних поселениях в Гнездове // МИСО – Смоленск, 1974. – Вып. VIII. – С. 150–163.
188. Шмидт Е.А. К хронологии курганов XI–XIII вв. в Смоленском Поднепровье // Культура средневековой Руси. – Л., 1974. – С. 76–81.
189. Шмидт Е.А. Днепродвинские племена в I тысячелетии н.э. Автореферат докторской дисс. – М., 1975.
190. Шмидт Е.А. Особенности погребального обряда кривичей XI–начала XIII вв. в верховьях Днепра в связи с вопросами их этногенеза // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь 1980 года. – М., 1980. – С. 87–89.
191. Шмидт Е.А. Раскопки на Смоленщине // АО 1979 года. – М., 1980. – С. 89,90.
192. Шмидт Е.А. Раскопки и разведки в Смоленской области // АО 1980 года. – М., 1981. – С. 91, 92.
193. Шмидт Е.А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Московский рабочий. – 1982. – Ч. I.
194. Шмидт Е.А. Работы в Смоленской области // АО 1981 года. – М., 1983. – С. 103, 104.
195. Шмидт Е.А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Московский рабочий. – 1983. – Ч. 2.
196. Шмидт Е.А. Погребальный обряд смоленских кривичей VIII–X вв. // Древнерусское государство и славяне. – Минск, 1983. – С. 30–32.

197. Шмидт Е.А. Исследования в междуречье Днепра и Западной Двины // АО 1982 года. – М., 1984. – С. 102, 103.
198. Шмидт Е.А. Исследования на северо-западе Смоленской области // АО 1983 года – М., 1985. – С. 102, 103.
199. Шмидт Е.А. К вопросу об этническом составе населения Смоленского Поднепровья и Подвинья в IX–X вв. н.э. // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. – М., 1985. – С. 117, 118.
200. Шмидт Е.А. Связи скандинавов с землями кривичей в IX веке // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. – М., 1986. – Ч. I. – С. 173–174.
201. Шмидт Е.А. Исследования на Смоленщине // АО 1984 года. – М., 1986. – С. 85.
202. Шмидт Е.А. О культуре длинных курганов левобережья смоленского течения Западной Двины // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов. – Псков, 1987. – С.51, 52.
203. Шмидт Е.А. Работы в Смоленской области // АО 1985 года. – М., 1987. – С. 120.
204. Шмидт Е.А. К вопросу об изменении погребального обряда в Смоленской земле после середины XII века // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов всесоюзной конференции. – М., 1987. – С. 289–290.
205. Шмидт Е.А. К вопросу об этническом составе населения Смоленского Поднепровья и Подвинья в IX–X вв. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Секция IV. Средневековый город и его округа. – Киев, 1988. – Т. 2. – С. 323–327.
206. Шмидт Е.А. Исследования в Смоленской области // АО 1986 года. – М., 1988. – С.104, 105.
207. Шмидт Е.А. Некоторые особенности погребального обряда смоленских кривичей в переходный период от язычества к христианству // Древности славян и Руси. – М., 1988. – С. 91–97.
208. Шмидт Е.А. Славяне в верховьях Днепра // VI Международный конгресс славянской археологии: Тезисы докладов советской делегации – М., 1990. – С. 113–115.
209. Шмидт Е.А. Христианство и погребальная обрядность X–XIII вв. в северной части Верхнего Поднепровья // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. – Чернигов, 1990. – С. 16–18.
210. Шмидт Е.А. Исследования в Смоленской области // АО 1993 года. – М., 1994. – С.196.
211. Шмидт Е.А. Работы в Смоленской области // АО 1994 года. – М., 1995. – С. 151, 152.
212. Шмидт Е.А. Кривичи и Гнездово // Краеведение и патриотическое воспитание в школах Смоленщины: опыт, проблемы, перспективы. – Смоленск, 1997. – С. 14–22.
213. Шмидт Е.А. Древнейшие поселения в Гнездове // Смоленск и Гнездово в истории России. – Смоленск, 1999. – С. 105–118.
214. Шмидт Е.А. Проблема происхождения кривичей и ее решение Д.П. Маковским //Профессор Д.П. Маковский (1899–1999). Материалы конференции. – Смоленск, 2000. – С. 14–21.
215. Шмидт Е.А. Христианство и языческие традиции в погребальной обрядности кривичей XI–XIII вв. Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. – М., 2000. – С. 148–152.
216. Шмидт Е.А. Курганы у деревни Туринщина в Смоленском районе // Смоленские древности. – Смоленск, 2001. – Вып. I. Курганные могильники IX–XII вв. – Смоленск, 2001. – С. 5–112.
217. Шмидт Е.А. Племена культуры длинных курганов и Гнездово в конце IX и в X вв. // Археологический сборник: Гнездово, 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. – М., 2001. – Вып. 124. – С. 19–29.
217а. Шмидт Е.А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. – Смоленск, 2003.
218. Шмидт Е.А. Курганный могильник у деревни Купники (Василевщина) // Смоленские древности – Смоленск, 2005. – Вып. 4. – С. 5–53.
219. Шмидт Е.А. Курганный могильник у деревни Арефино // Смоленские древности. – Смоленск, 2005. – Вып. 4. – С. 54–100.
220. Шмидт Е.А. Курганы у поселка Колодня // Смоленские древности. – Смоленск, 2005. Вып. 4. – С. 145–191.
221 Шмидт Е.А. Курганный могильник у поселка Новоселки // Смоленские древности. – Смоленск, 2005. – Вып. 4. – С. 146–210.
222. Шмидт Е.А. Раскопки курганов «Лесной группы» у деревни Гнездово // Смоленские древности. – Смоленск, 2005. – Вып. 4. – С. 211–226.
222а. Шмидт Е.А., Прохоров В.А., Шорин Ю.Н. Поселения мощинской культуры в Дорогобужском Поднепровье // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. – Калуга, 2005. – С. 24–27.

223. Шмидт Е.А. Кривичи и латгалы (в свете археологических данных) // Беларусь і Латвія: адміністрацыйнае, сацыяльна-эканамічнае і культурнае узаемадзеянне у Двінскім регіёне. – Мінск, 2006. – С. 4–15.
224. Шмидт Е.А. Украшения и одежда кривичей XI–XII вв. (по археологическим данным) // История развития и региональная специфика русского костюма. – Смоленск, 2007. – С. 29–36.
225. Шмидт Е.А. О культуре и языке кривичей VIII–XII вв. // Филологическому семинару 40 лет. – Смоленск, 2008. – Т. 2. – С. 222–231.
226. Шмидт Е.А. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII вв. Смоленск, 2008.
227. Шмидт Е.А. Славяне в междуречье Днепра и Западной Двины в IV–XII вв. н.э. // Известия Смоленского государственного университета. – 2010. – №2. – С. 184–197.
228. Шноре Э.Д. Асотское городище. – Рига,1961.
229. Штыхов Г.В. Обследование памятников Полоцкой земли // АО 1958 года. М., 1969. – С. 348, 349.
230. Штыхов Г.В. Раскопки курганов под Полоцком // Вопросы истории и археологии. – Минск, 1966. – С. 268–275.
231. Штыхов Г.В. Археология Полоцкой земли за 50 лет // Древности Белоруссии. – Минск, 1969. – С. 121–148.
232. Штыхов Г.В. Исследования в Северной Белоруссии // АО 1969 года. – М., 1970. – С. 309–310.
233. Штыхов Г.В. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. – Минск, 1971. – Вып. 2.
234. Штыхов Г.В. Исследования в Витебской и Минской областях // АО 1970 года. – Минск, 1971. – С.313–315.
235. Штыхов Г.В. Раскопки в Северной Белоруссии // АО 1971 года. – М., 1972. – С. 402–404.
236. Штыхов Г.В. Полоцкие кривичи, I // Очерки по археологии Белоруссии. – Минск, 1972. – Ч. 2. – С. 18–25.
237. Штыхау Г.В. Вывучэнне курганоу Полацкай зямлі (X–пачатак XII стст.) // Беларускія старажытнасці. – Мінск, 1972. – С. 239–243.
238. Штыхов Г.В. Раскопки в Витебске и его окрестностях // АО 1972 года. – М., 1973. – С. 370–372.
239. Штыхов Г.В. Исследования в Витебской области // АО 1973 года. – М., 1974. – С. 384, 385.
240. Штыхов Г.В. Поселения и курганы Северной Белоруссии // АО 1975 года. – М., 1976. – С. 430, 431.
241. Штыхау Г.В. Крывічы. – Мінск, 1992.
241а. Шут К.П. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии // Древности Белоруссии. – Минск, 1966. – С. 163–182.
242. Buga K. Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stamme im Lichte der Ortsnamenforschung // Streitberg Festgabe. – Leipzig, 1934. – S. 22–36.
242a. Eisner J. Devinska Nova Ves. – Bratislava, 1952.
243. Kostrzewski J., Chmielewski W., Jadzewski K., Pradzieje Polski. – Wrozlaw–Warszawa–Krakow, 1965.
244. Latvijas PSR arheologija (сокр. LA). – Riga, 1974/
245. Lietuvas archeologijos atlasas, IV (сокр. LAA). – Vilnius, 1978.
246. Lietuviu laudies menas. Senoves lietuviu papuosalai, k.I (сокр. LLM). – Vilnius,1958.
247. Mugurevics E. Olinkalna un lokastenes pilnsnovadi. – Riga, 1977.
248. Petersen Jan. Vikingetidens smikker I Norge. – Stavanger, 1955.
249. Vasmer Max. Beitrfge zur historischen Volkerkunde Osteuropa. I. Die Ostgrenze der baltischen Stamme // Sitzungberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften Philosophischhistorische Rlasse. – Berlin, 1932. – S. 637–666.
250. Zarina A. Latgalu vainagi laika no 6. fidz 13 gadsimtam // Archeologija un etnografija, II. – Riga, 1960. S. 79–95.

Архивные данные

Шмидт Е.А. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории Смоленской области в 1952 году. Архив ИА РАН, дело № 712.
Шмидт Е.А. Отчет об археологических раскопках и разведках на территории Смоленской области в 1953 году. Архив ИА РАН, дело № 790.
Шмидт Е.А. Отчет о разведках и раскопках, проведенных в 1955 году на территории Смоленской области в бассейне реки Угры. Архив ИА РАН, Ф. 1, дело №1102.

Шмидт Е.А. Отчет о разведках и раскопках археологических памятников в Смоленской области в 1956 году. Архив ИА РАН, Ф. 1, дело № 1269.
Шмидт Е.А. Отчет о раскопках и разведках археологических памятников в Смоленской области. Архив ИА РАН, р-1, дело № 1536.
Шмидт Е.А. Отчет о раскопках археологических памятников на территории Смоленской области в 1968 году. Архив ИА РАН, дело № 3665.
Шмидт Е.А. Отчет о раскопках археологических памятников в пределах Смоленской области в 1978 году. Архив ИА РАН, р-1, дело № 7082.
Шмидт Е.А. Отчет об исследовании археологических памятников Смоленской области в 1979 году. Архив ИА РАН, р-1, дело № 7557.
Шмидт Е.А. Отчет о разведках и раскопках археологических памятников на территории Смоленской области в 1980 году. Архив ИА РАН, дело № 7781.
Шмидт Е.А. Отчет о раскопках на территории Руднянского района Смоленской области в 1981 году. Архив ИА РАН, р-1, дело № 8185.
Шмидт Е.А. Отчет о раскопках в Руднянском районе Смоленской области в 1982 году. Архив ИА РАН, р-1, дело № 9092.
Шмидт Е.А. Отчет об исследованиях археологических памятников на территории Смоленской области в 1984 году. Архив ИА РАН, р-1, дело № 9442.
Шмидт Е.А. Отчет о разведках археологических памятников на территории Смоленской области в 1985 году. Архив ИА РАН, р-1, дело № 10867.

Принятые сокращения

АО – Археологические открытия
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный Исторический музей
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ККК – культура круглых курганов
КПДК – культура псковских длинных курганов
КСДК – культура смоленских длинных курганов
КСПДК – культура смоленско-полоцких длинных курганов
КСИА – краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – краткие сообщения Института истории материальной культуры
МГУ– Московский государственный университет
МИА – материалы и исследования по археологии СССР
МИСО – материалы по изучению Смоленской области
ОАК – отчет археологической комиссии
ПВЛ – Повесть временных лет
Працы АК – Працы археалогічнай камісіі
Працы СА – Працы сэкцыі археалогіі
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
Са – Советская археология
СГПИ – Смоленский государственный педагогический институт
СКНИИ – Смоленский краеведческий научно-исследовательский институт
ТК – Тушемлинская культура

ПРИЛОЖЕНИЕ

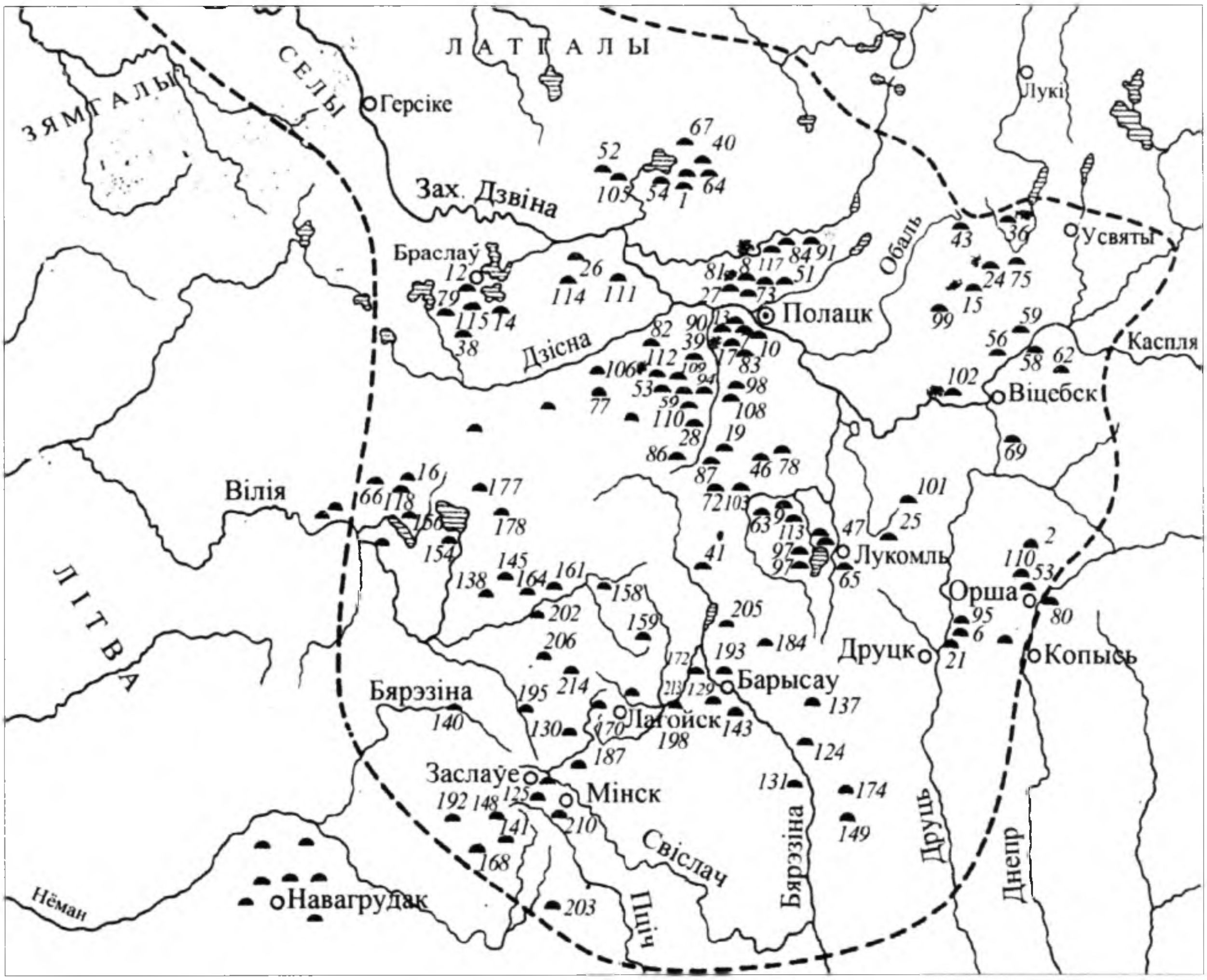

Рис. 1. Курганные могильники кривичей в северной части Беларуси (по Г.В. Штыхову). Абрамава – 1, Арэхауск – 2, Аусянікі – 3, Ахрэмауцы (Бяльмонты) – 4, Бабруйшчына – 5, Багрынава – 6, Банонь (Экмань) – 7, Баркі – 8, Бароувна – 9, Бельчыца – 10, Бірулі – 11, Браслау – 12, Бяздедзвічы – 13, Бонна – 14, Бяскатава – 15, Вайшкуны – 16, Валатоукі – 17, Варганы – 18, Ворань – 19, Воукалата – 20, Воукавічы – 21, Вусце (Браслав. р-н) – 22, Вусце (Полацк. р-н) – 23, Вышадкі – 24, Вялзец – 25, Вята – 26, Гаравыя – 27, Галошава – 119, Гарадзец – 28, Гарадок – 29, Гароукі – 30, Глінішча – 31, Глыбочыца – 32, Грязівец – 33, Гуркі – 34, Гутауская дача – 35, Дарахі – 36, Далёкія – 37, Дауборы – 38, Двор Саланевічы – 39, Дзянісенкі – 40, Домжарыцы – 41, Дроздава – 42, Дубраукі – 43, Забалоцце – 44, Заборье – 45, Завідзічы – 46, Загароддзе – 120, Закуре – 47, Залессе – 48, Замошша – 49, Занькі – 50, Захарнічы – 51, Зашчырына – 52, Зябкі – 53, Ігналіна – 54, Кавалі – 55, Казімірава – 56, Кастрыца – 57, Каховка (Сакольнікі) – 58, Крапіуна – 121, Кублічы – 59, Кублішчына (Махираука) – 60, Кузьмаушчына – 61, Курына – 62, Лепель – 63, Лісна – 64, Лукомль – 65, Лынтупы – 66, Любасна – 67, Лясная – 68, Лятохі – 69, Маёшулі – 70, Малое Сітна – 71, Мащюшана Сцяна – 72, Мінтурова – 73, Мосар – 74, Мяжа – 75, Навінка – 76, Нарушова – 77, Несіна – 78, Опса – 79, Орша (Ур. Дубкі) – 80, Павулле – 81, Паддубнікі – 82, Перавоз – 122, Плусы – 83, Прыхабы – 84, Пуканаука – 85, Пуцілкавічы – 86, Пышна – 87, Пясчанка – 88, Ражкі – 89, Рудня (Полацкі р-н) – 90, Рудня (Равонскі р-н) – 91, Рыбакі – 92, Свіла І – 93, Селішча – 94, Сінчукі – 95, Скавышкі – 96, Слабодка – 97, Славені – 98, Смалькі – 99, Снегі – 100, Спіцы (Ціміразека) – 101, Старое Сяло – 102, Стары Лепель – 103, Субаушчына – 104, Сукалі – 105, Узрэчча – 106, Укля (Загоре) – 107, Ушачы – 108, Чабаны – 109, Чаркасава – 110, Чамяры – 111, Чарневічы – 112, Чэрцы – 113, Чурылава – 114, Шалэпі (ур. Рацкі Бор) – 115, Шо – 116, Янкавічы (ур. Атокі) – 117, Янова – 118.

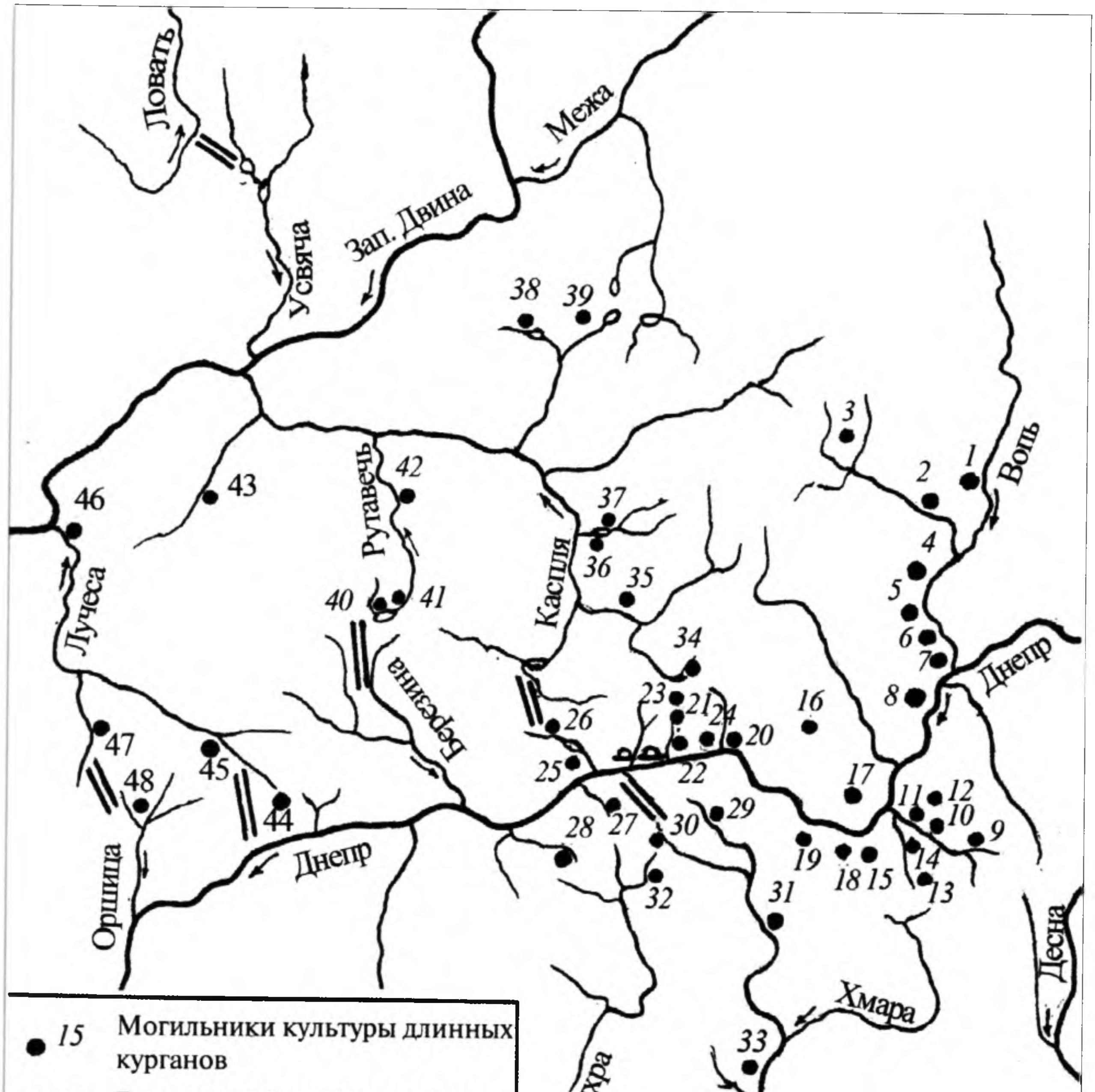

Рис.2. Размещение могильников культуры смоленских длинных курганов

1 – Рядынь, 2 – Городок, 3 – Введенье, 4 – Хатынь, 5 – Сельцо (Ярцево), 6 – Мизиново, 7 – Пищино, 8 – Пнево, 9 – Ганино, 10 – Устье, 11 – Тимошово, 12 – Черная Грива, 13 – Огарково, 14 – Белкино, 15 – Мончино, 16 – Ермачки, 17 – Лопино, 18 – Арефино, 19 – Березинка, 20 – Колодня (Ямщичина), 21 – Плехтино, 22 – Полежанки, 23 – Василевщина, 24 – Вязовенька, 25 – Катынь, 25 – Куприно, 27 – Цурковка, 28 – Жерновка, 29 – Сож, 30 – Кушлянщина, 31 – Слобода-Глушица, 32 – Беленки, 33 – Еловцы, 34 – Заборье, 35 – Кислая, 36 – Акатово, 37 – Дроково, 38 – Шугайлово, 39 – Аносинки, 40 – Микулино, 41 – Заозерье, 42 – Ковали, 43 – Яновичи, 44 – Новая Тухинь, 45 – Добрино, 46 – Лятохи, 47 – Лядиново.

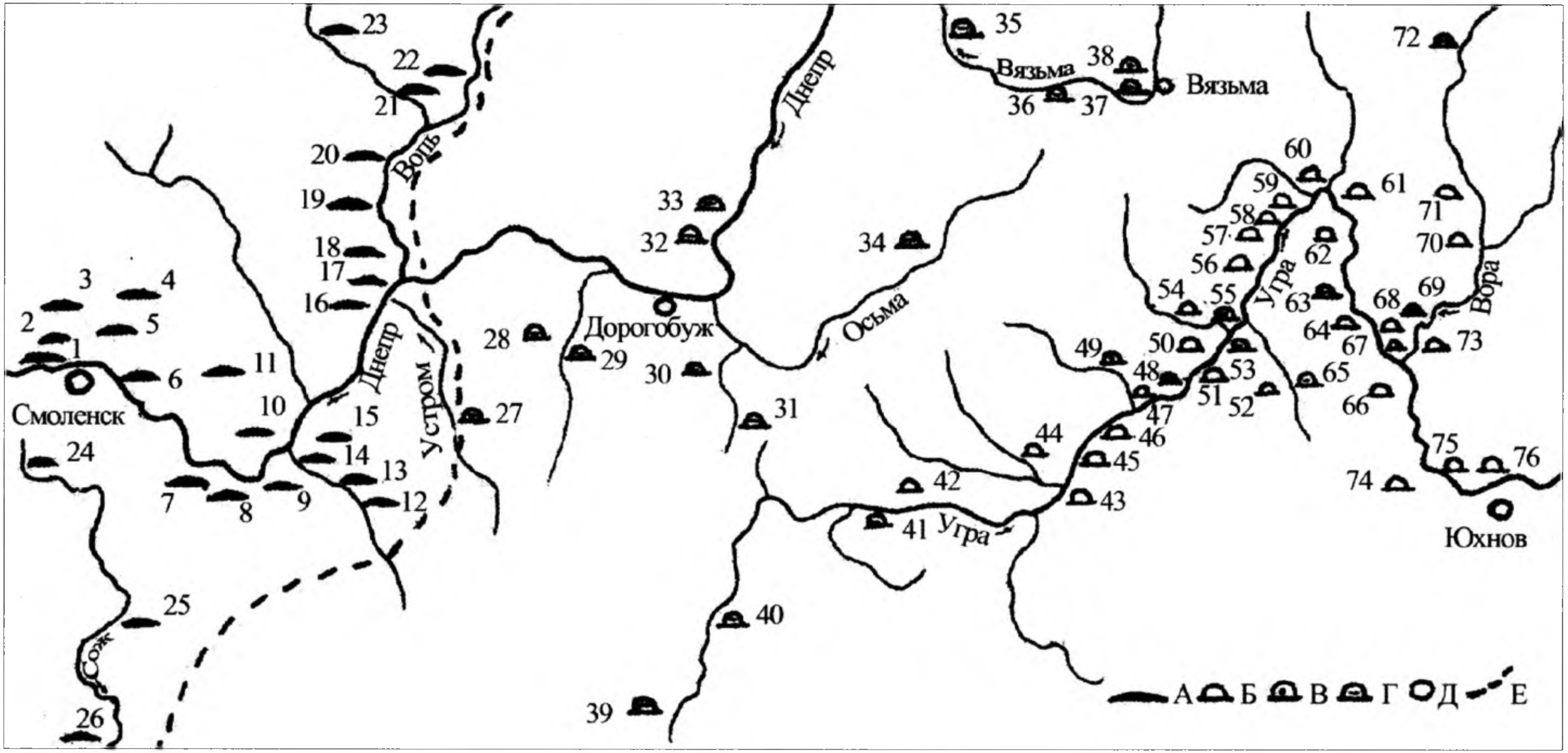

Рис. 3. Расселение кривичей в верховьях Днепра и Угры. А – длинные курганы кривичей XIII–X вв.: 1 – Гнездово, 2 – Полежанки, 3 – Купники, 4 – Кислые, 5 – Заборье, 6 – Колодня, 7 – Березинка, 8 – Арефино, 9 – Мончино, 10 – Лопино, 11 – Ермачки, 12 – Ганино, 13 – Устье, 14 – Белкино, 15 – Грива, 16 – Пнево, 17 – Пищино, 18 – Мизиново, 19 – Сельцо, 20 – Хатыни, 21 – Городок, 22 – Рядынь, 23 – Введенье, 24 – Сож, 25 – Слобода-Глушица, 26 – Еловцы. Курганы кривичей X–XII вв. – Б – не исследованные, В – с кремациями, Г – с ингумациями: 27 – Милеево, 28 – Мутышино, 29 – Павлово, 30 – Бражино, 31 – Волочек, 32 – Харлапово, 33 – Трухоново, 34 – Хожаево, 36 – Литвиново, 37 – Копанево, 38 – Поклонная Гора, 39 – Высокое, 40 – Хотнежцы, 41 – Акулин Бор, 42 – Щекино, 43 – Вознесенье, 44 – Курганье, 45 – Русачево, 46 – Волкочаны, 47 – Городище I, 48 – Городище II, 49 – Желанье, 50 – Сверидово, 51 – Городянка, 52 – Ступенки, 53 – Шипуны, 54 – Сафоново, 55 – Заречье, 56 – Коростели, 57 – Дрожжино, 58 – Сатанино, 59 – Путятинка, 60 – Азаровка, 61 – Базулина, 62 – Мухина, 63 – Ивановское, 64 – Быково, 65 – Богатыри, 66 – Климов Завод, 67 – Костиково, 68 – Кобелево, 69 – Вавулинки, 70 – Шибнево, 71 – Дубровка, 72 – Паново, 73 – Александрово, 74 – Марьино, 75 – Мокрово, 76 – Ступино. А – курганы КСПДК, Б – неизученные курганы, В – курганы с трупосожжением, Г – курганы с трупоположением, Д – населенные пункты; Е – Восточная граница расселения кривичей с VIII в. до середины X в.

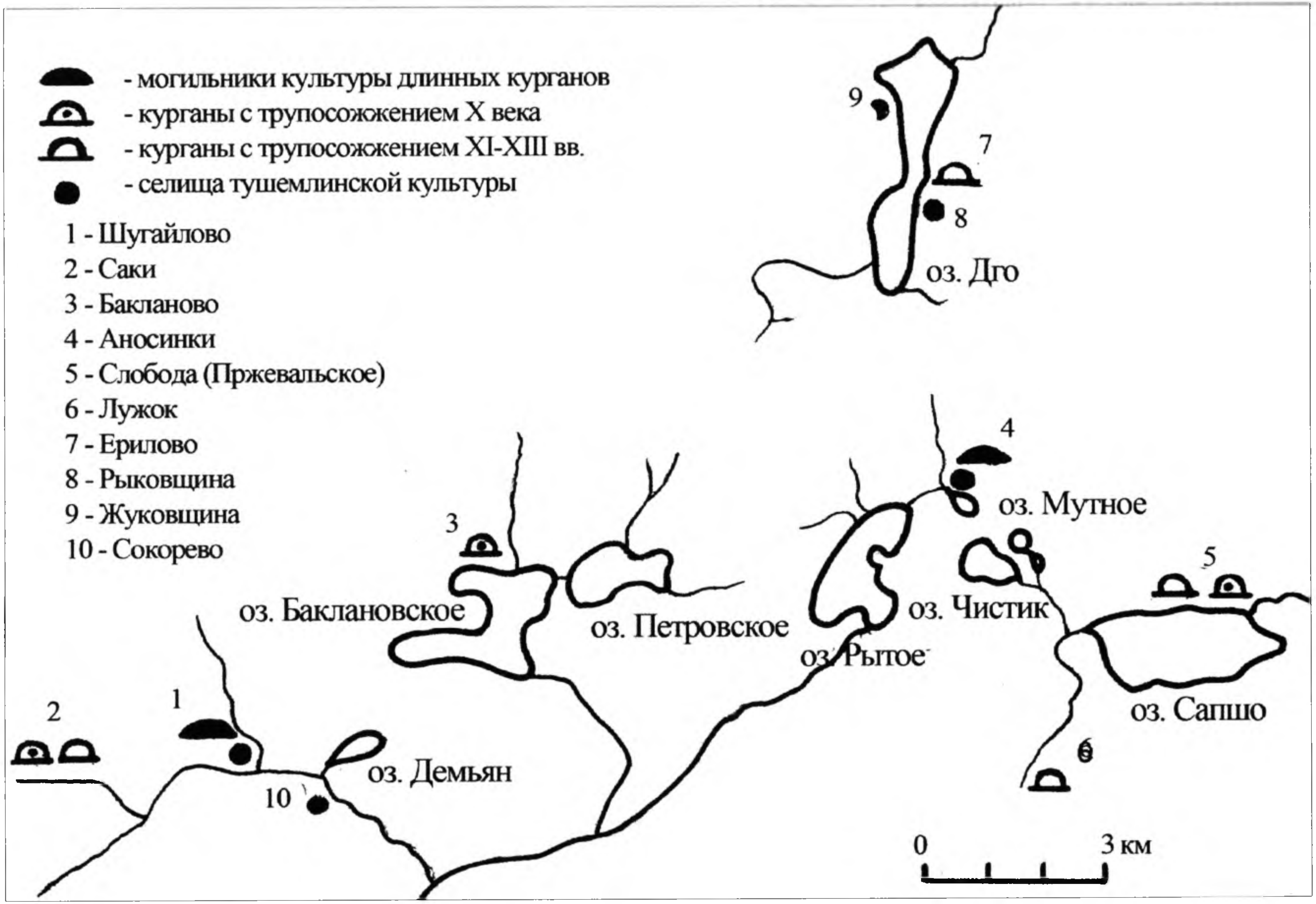

Рис. 4. Курганные могильники в бассейне левобережья Западной Двины

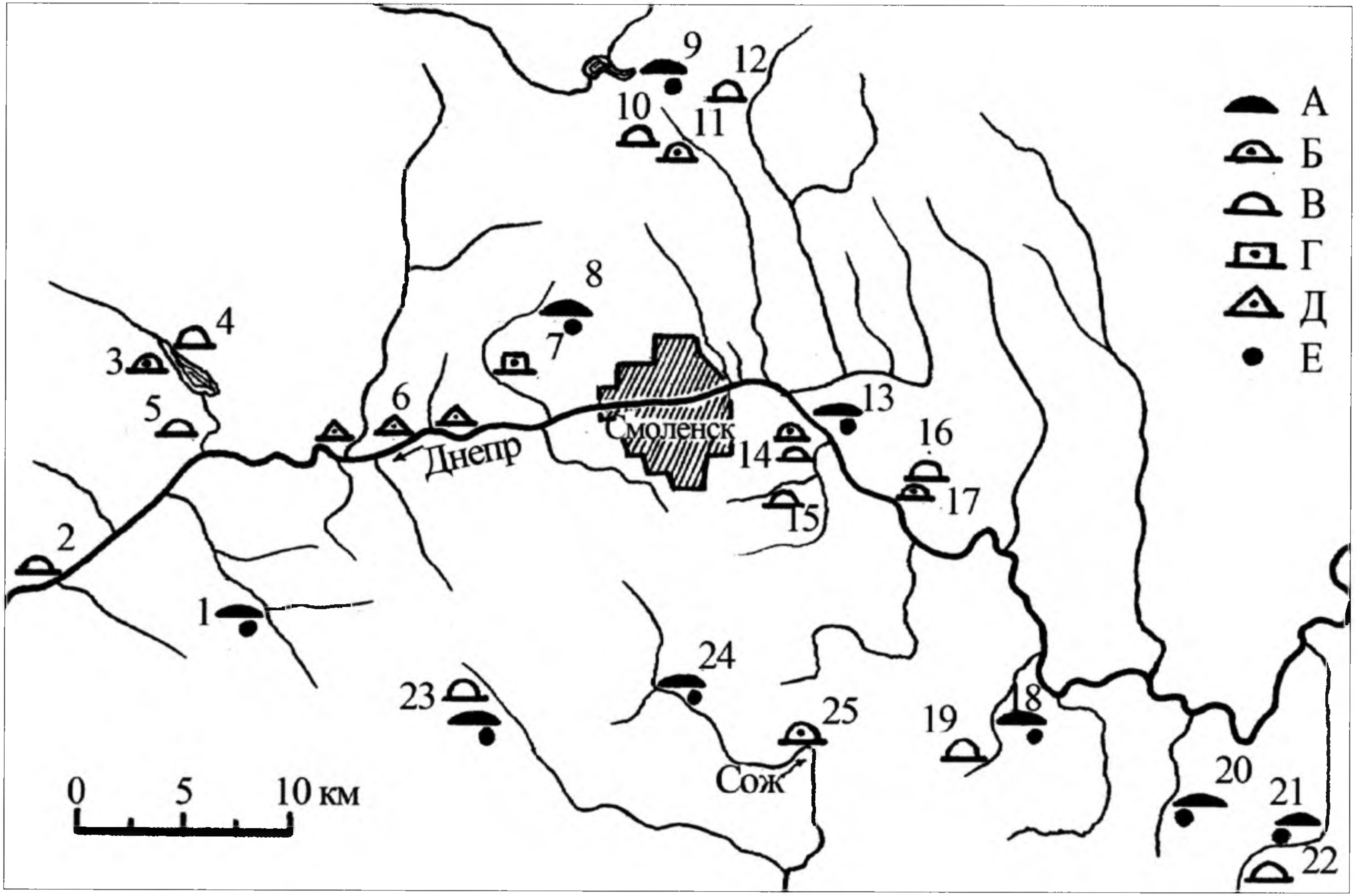

Рис . 5. Курганные могильники в районе Смоленска

А – могильники культуры смоленских длинных курганов; Б – курганы с трупосожжением X – нач. XI вв. В – курганы с трупоположением XI–XIII вв.; Г – курганы с трупосожжением квадратной формы нач. X в. Д – курганы Гнездовского археологического комплекса конца IX–X вв.; Е – селища тушемлинской культуры IV–VII вв. 1 – Цурковка, 2 – Коробино, 3 – Будково, 4 – Ст. Куприно, 5 – Катынь, 6 – Гнездово, 7 – Новоселки, 8 – Василевщина, 9 – Заборье, 10 – Жуково, 11 – Стабна, 12 – Зыколино, 13 – Колодня, 14 – Маркатушино, 15 – Туринщина, 16 – Митино, 17 – Ясная Поляна, 18 – Березинка, 19 – Яново, 20 – Арефино, 21 – Белкино, 22 – Плескачи, 23 – Кушлянщина, 24 – Сож, 25 – Талашкино

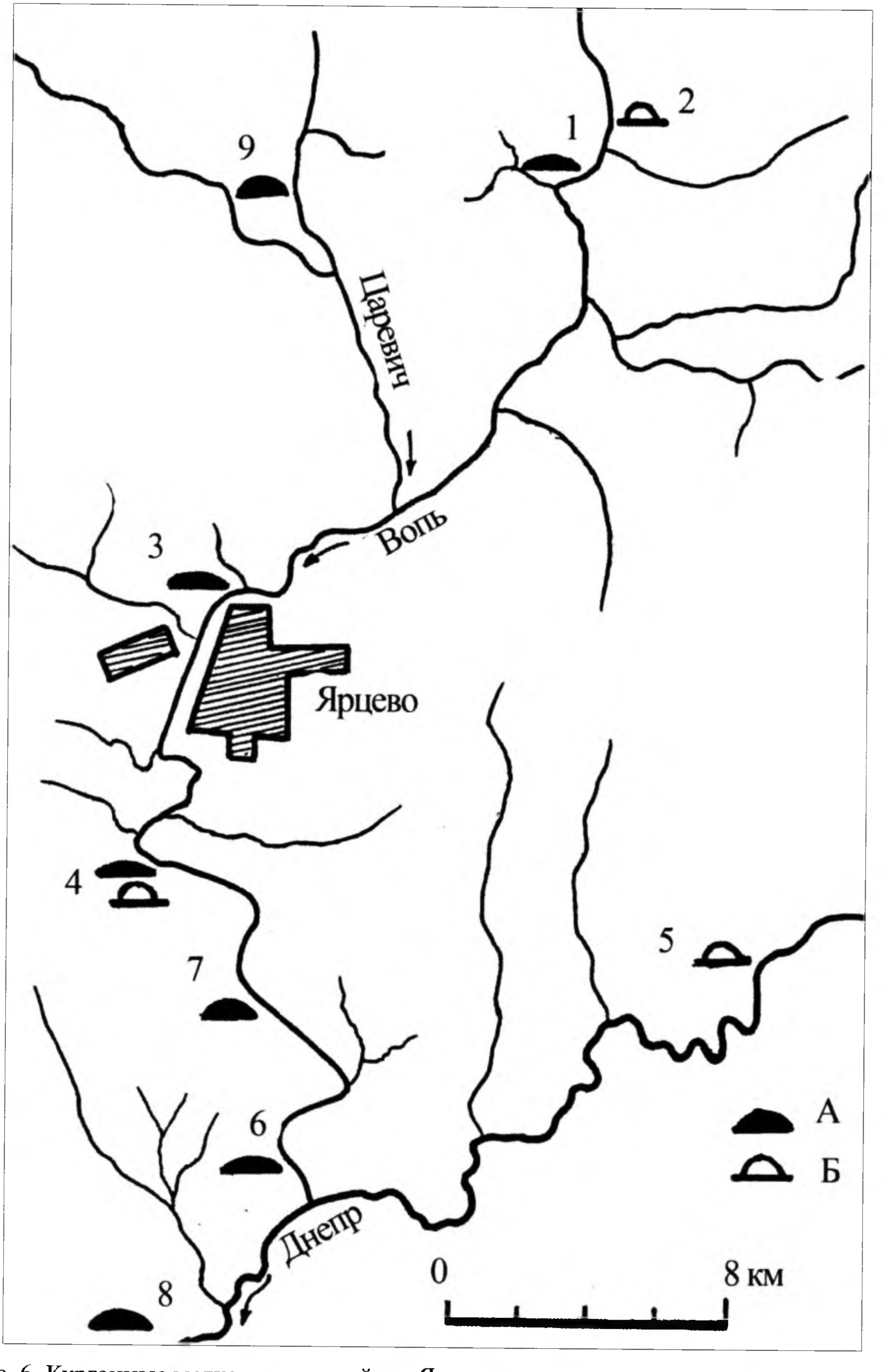

Рис. 6. Курганные могильники в районе Ярцева.

А – могильники культуры длинных курганов VIII – начала X вв.; Б – курганные могильники X–XIII вв.: 1 – Рядынь, 2 – Копыревщина, 3 – Михейково, 4 – Сельцо, 5 – Боброво, 6 – Пищино, 7 – Мизиново (Хатуни), 8 – Пнево, 9 – Городок

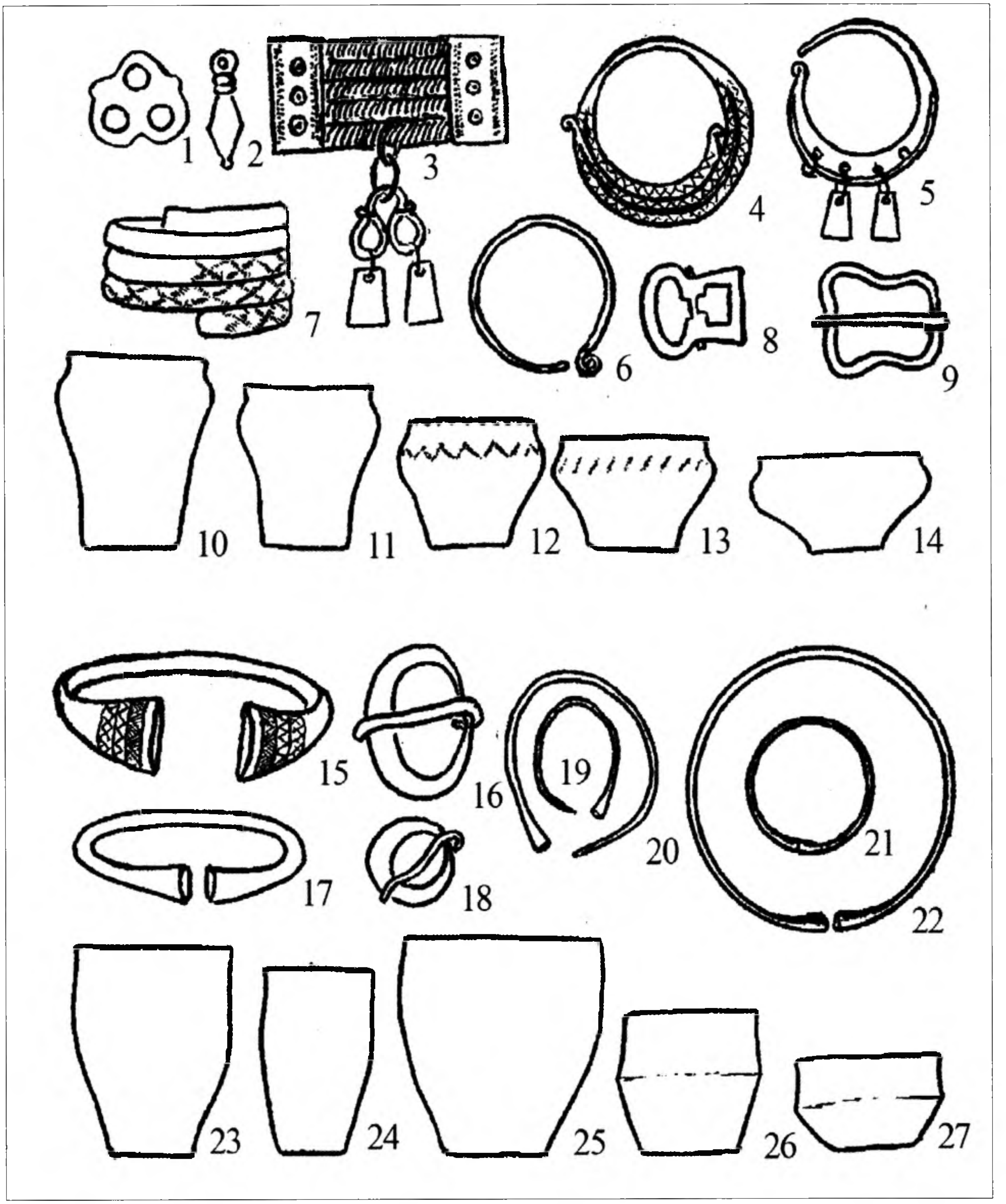

Рис. 7. Комплексы вещей, наиболее характерных для тушемлинской культуры V–VII вв. и культуры смоленских длинных курганов VIII – начала X вв.: 1–14 – артефакты смоленских длинных курганов; 15–27 – артефакты из селищ и городищ-убежищ тушемлинской культуры конца ее существования

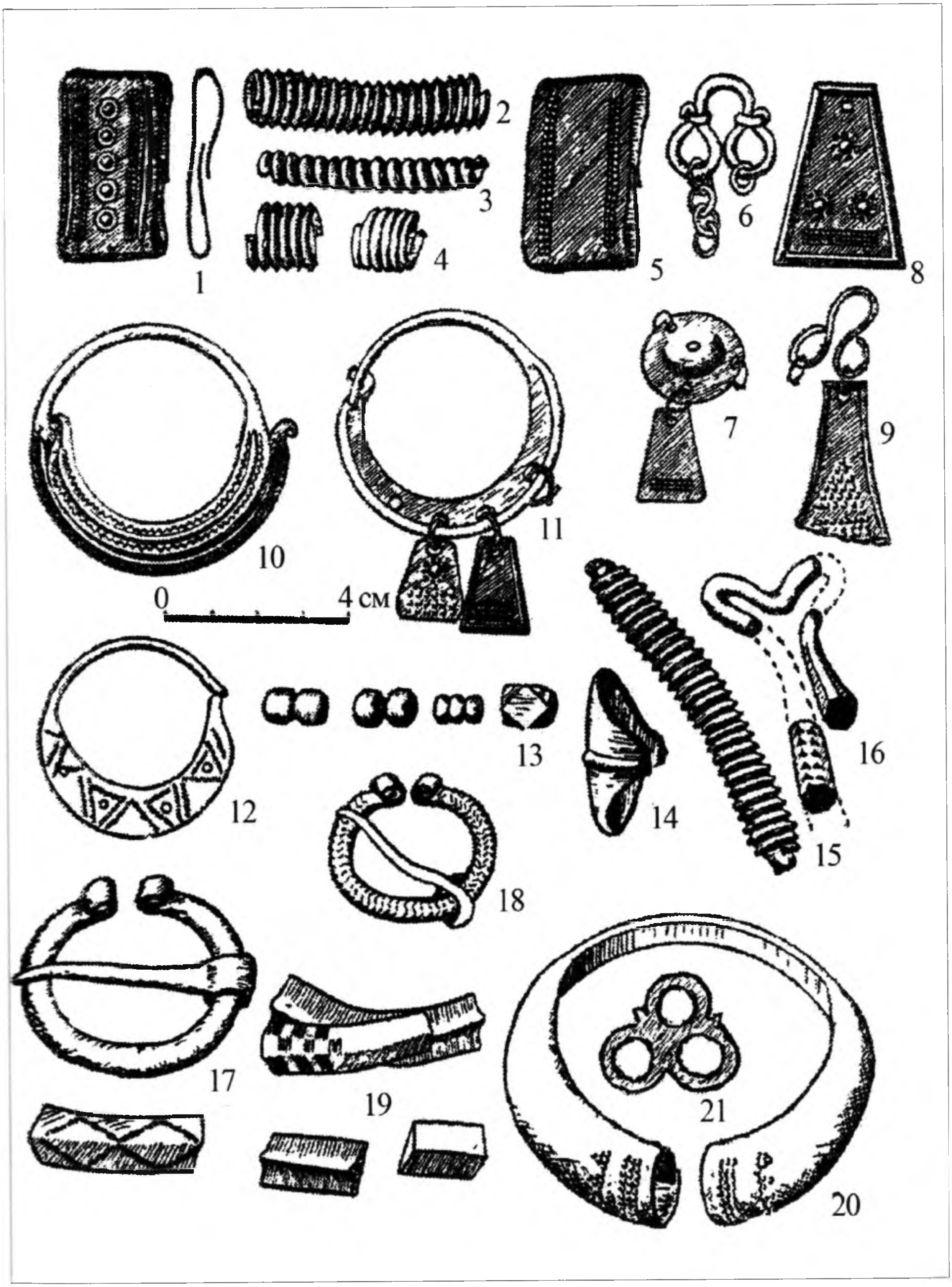

Рис. 8. Основные типы вещей из женских погребений КСПДК

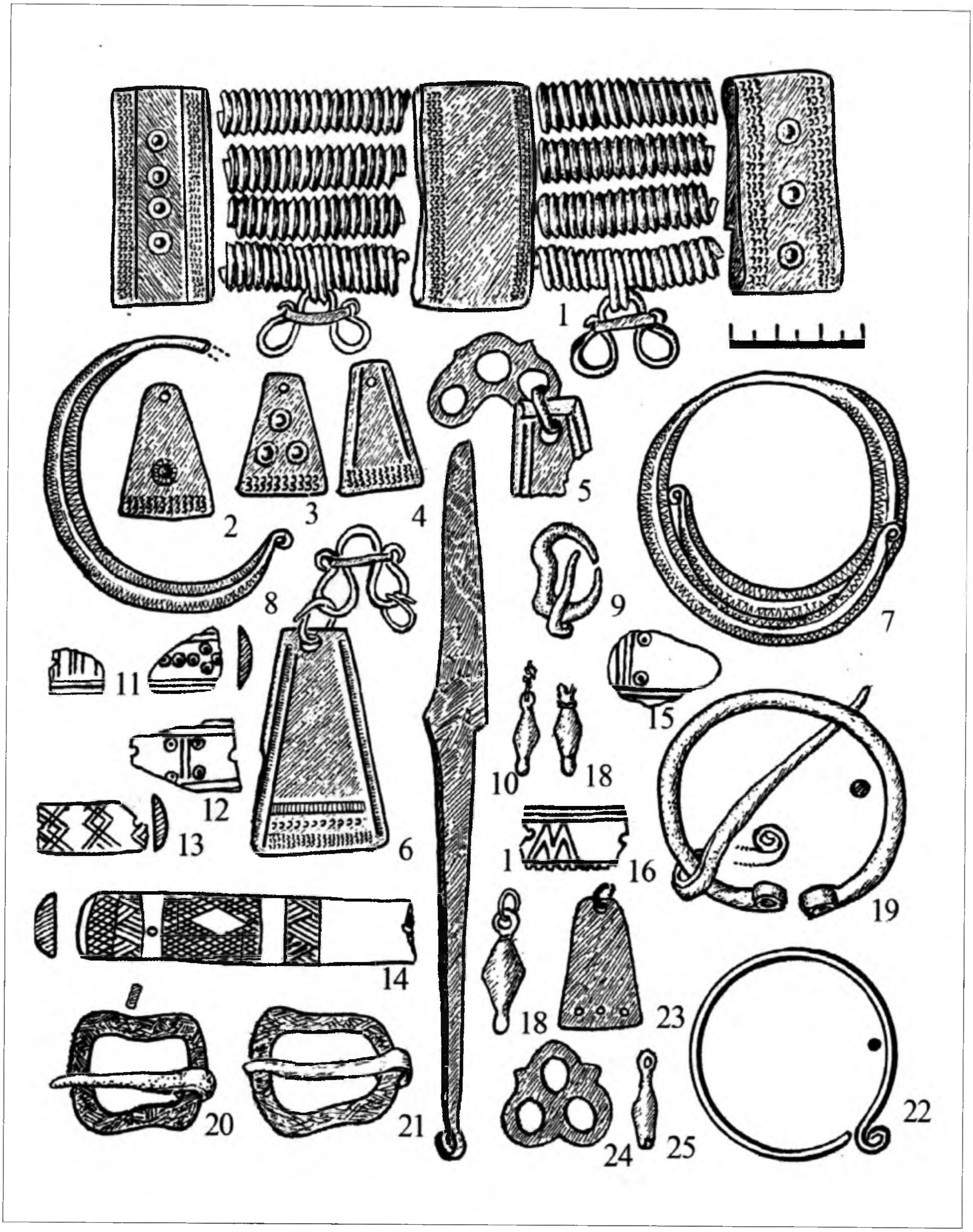

Рис. 9. Вещи из женских и мужских погребений КСПДК. 1–7, 9–13, 15–17, 19, 22 – курганы из д. Заозерье; 8 – из селища у пос. Гнездово; 13, 18, 20, 21 – из курганов у д. Шутайлово; 23–25 – из курганов у пос. Новоселки

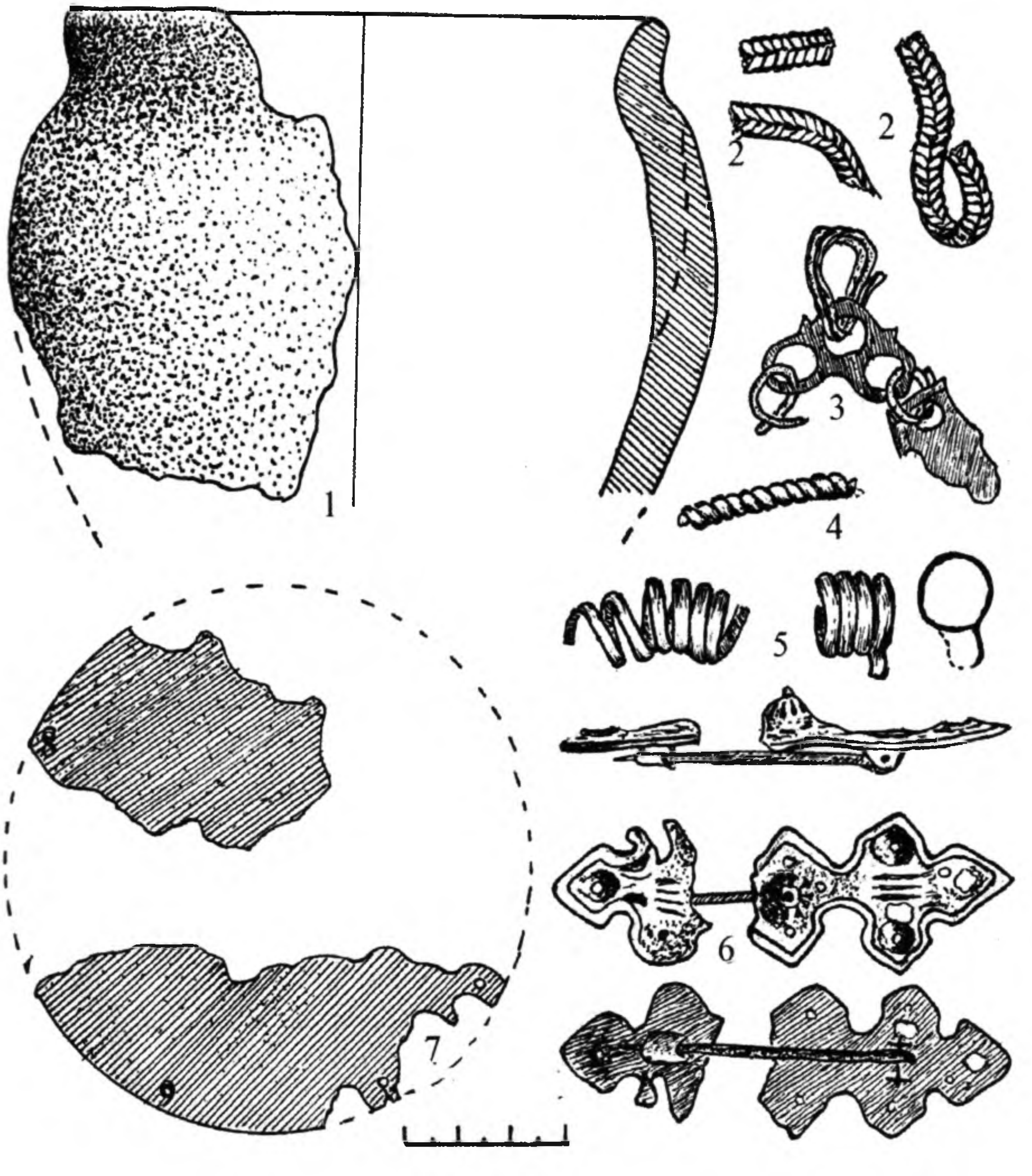

Рис. 10. Вещевой комплекс из кургана № 68 КСПДК у д. Заозерье: 1 – фрагменты лепного глиняного сосуда, 2 – обрывки цепочки, 3 – трехдырчатая подвеска-держатель с фрагментом трапециевидной привески, 4 – спираль (D 4 мм), 5 – спираль (D 12 мм), 6 – равноплечая фибула, 7 – фрагменты круглой бляхи. 1 – керамика, 2–7 – бронза

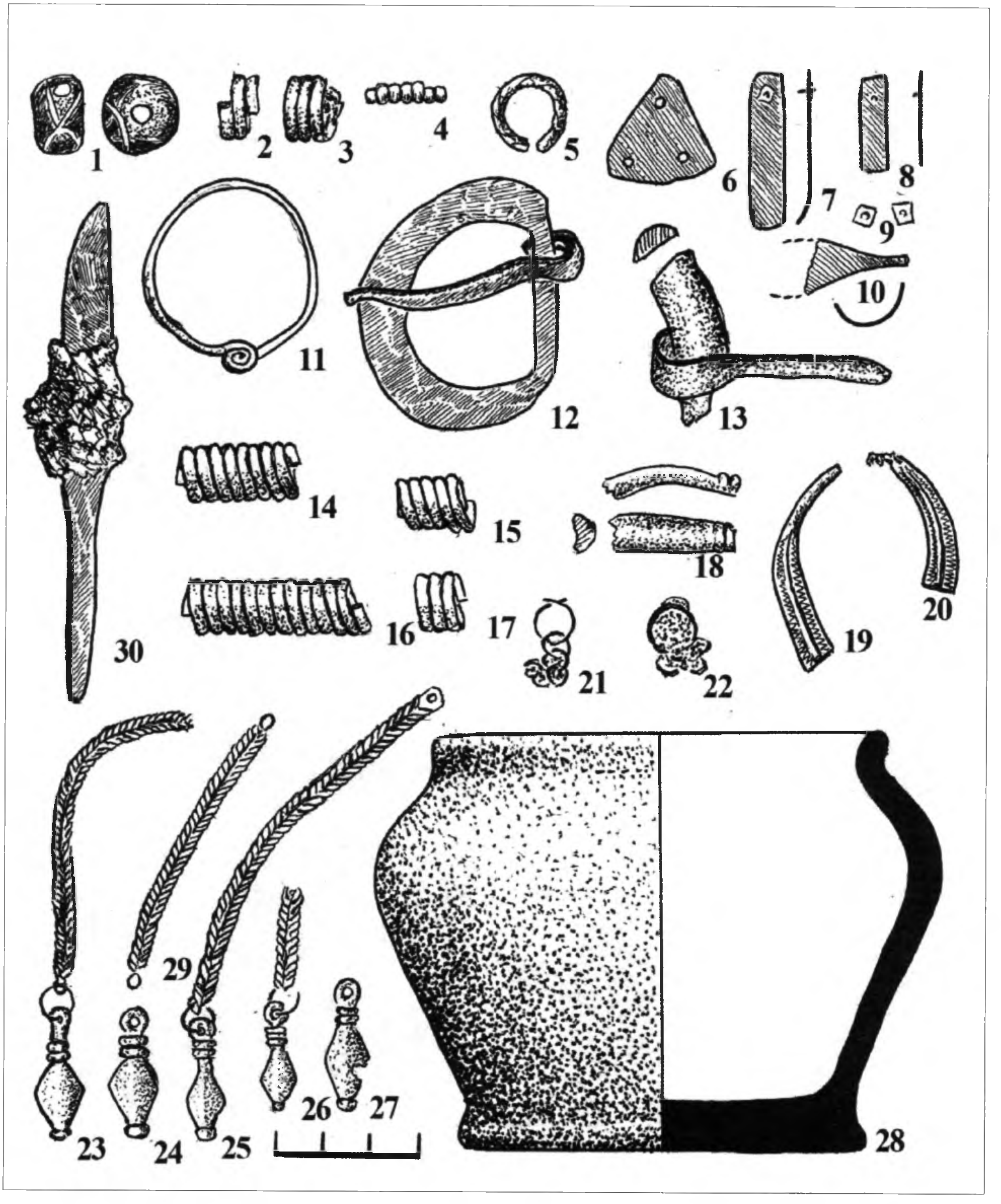

Рис. 11. Вещи из кургана № 5 у д. Заозерье: 1 – глазчатая бусина, 2, 3, 14–17 – спирали, 4 – бисер, 5 – колечко, 6–9 – набоечки, 10 – фрагмент перстня, 11 – височное кольцо, 12 – пряжка, 13 – обломок фибулы, 18 – фрагмент браслета, 19, 20 – фрагменты височного кольца, 21 – фрагмент цепочки, 22 – слиток стекла и бронзы, 23–27, 29 – ромбовидные подвески с цепочками, 28 – глиняный лепной сосуд-урна, 30 – нож. 1, 4, 22 – стекло, 2–11, 13–21, 23–28 – бронза, 12, 20 – железо, 29 – керамика

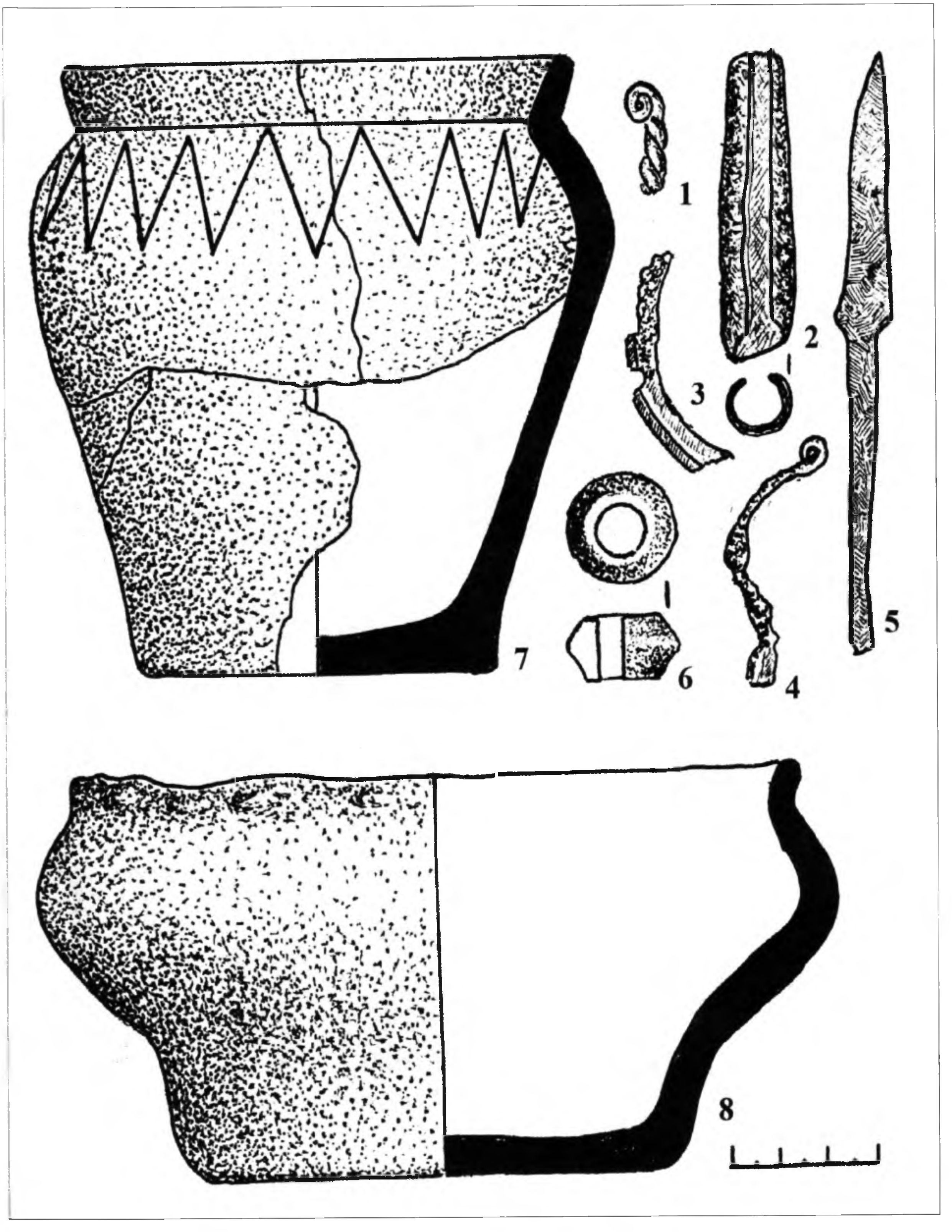

Рис. 12. Вещи из кострища кургана № 67 у д. Заозерье: 1 – фрагмент фибулы, 2 – трубочка для трута, 3–4 – фрагменты височного кольца, 5 – нож, 6 – пряслице, 7 – лепной сосуд, 8 – лепная миска. 1, 3, 4 – бронза, 2, 5 – железо, 6, 7, 8 – керамика

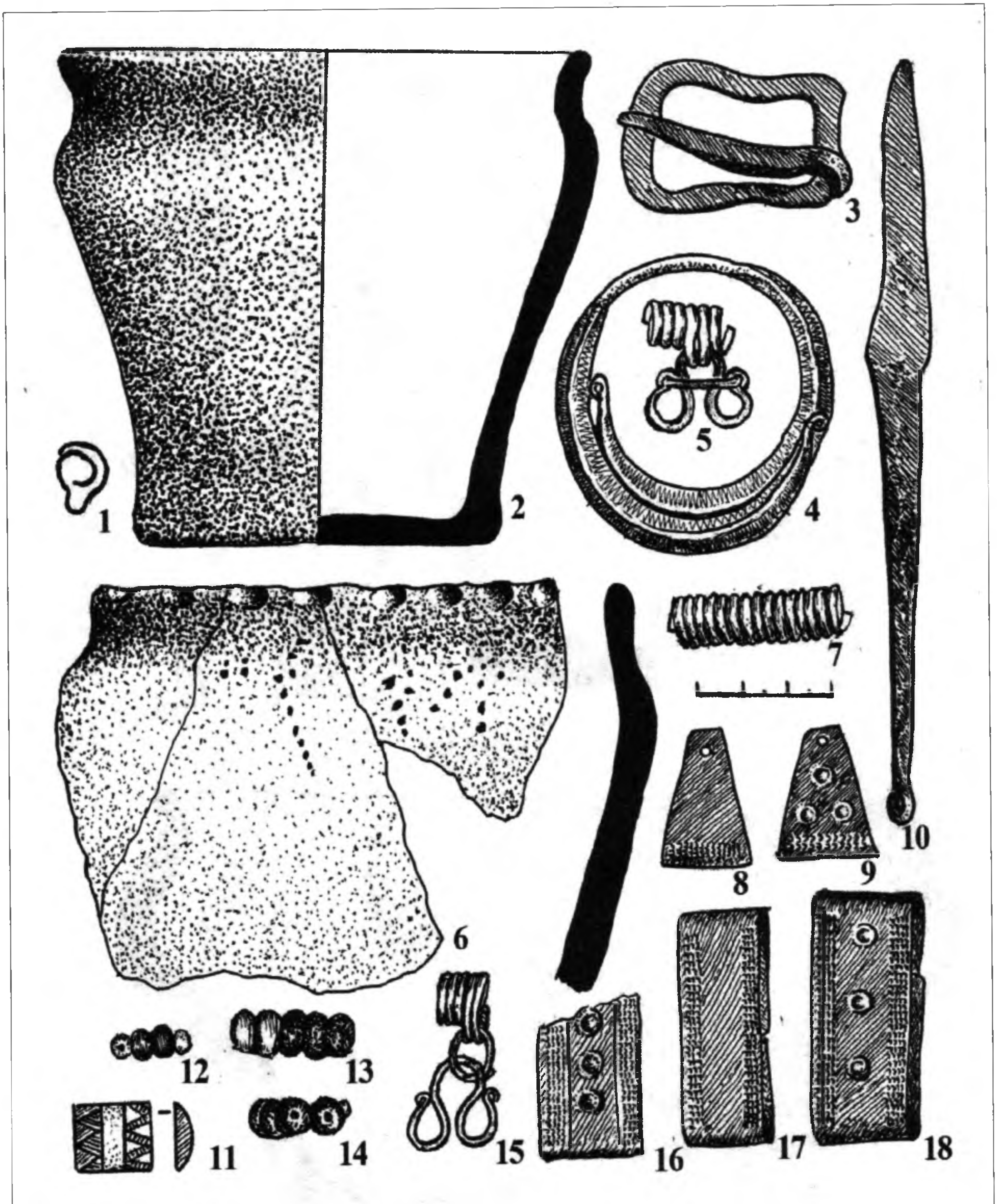

Рис. 13. Вещи из погребений кургана № 48: 1 – спираль с ушком, 2, 6 – лепные сосуды, 3 – пряжка, 4 – височное кольцо, 5, 15 – спирали с биэсовидными подвесками-держателями, 7 – спираль, 8, 9 – трапециевидные подвески, 10 – нож, 11 – накладка от гребня, 12–14 – бусы, 16–18 – пластины-обоймицы. 1, 4, 5, 7–9, 15–18 – бронза, 2, 6 – керамика, 3, 10 – железо, 11 – кость, 12–14 – стекло

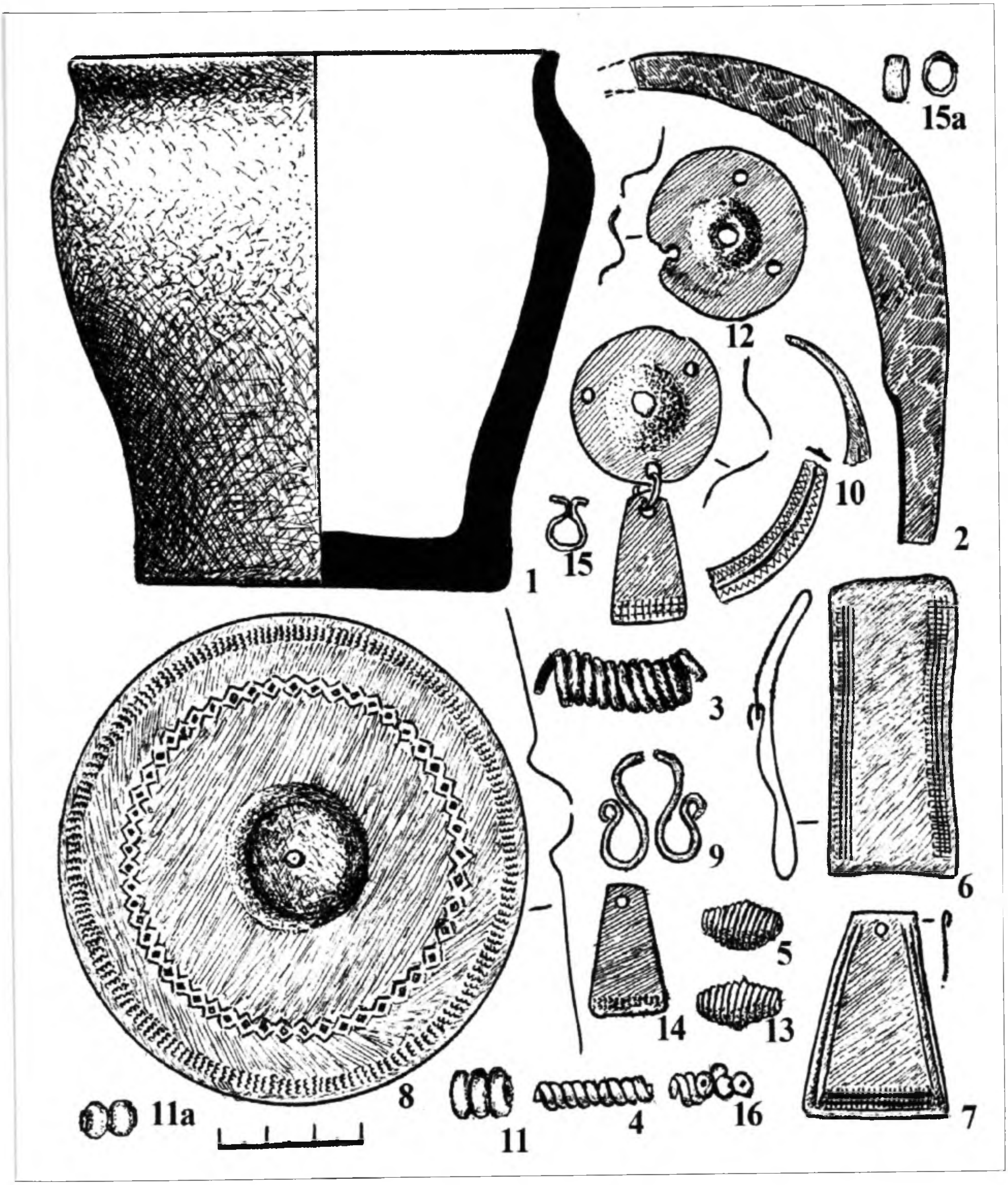

Рис. 14. Вещи из погребений 1 и 2 из основания снивелированного кургана. Погребение 1: 1 – глиняный сосуд-урна. Погребение 2: 2 – серп, 3, 4 – спирали, 5, 13 – спирали биконической формы, 6 – пластина-обоймица, 7, 14 – трапециевидные подвески, 8 – бляха, 9 – биэсовидная подвеска-держатель, 10 – фрагменты височного кольца, 11, 11а – бусы, 12 – колпачковидные подвески-держатели с трапециевидной привеской, 15, 15а – колечки, 16 – фрагмент ожерелья из бус и спиралек. 1 – керамика, 2 – железо, 4, 11, 11а – стекло, все остальное – бронза

10-5936

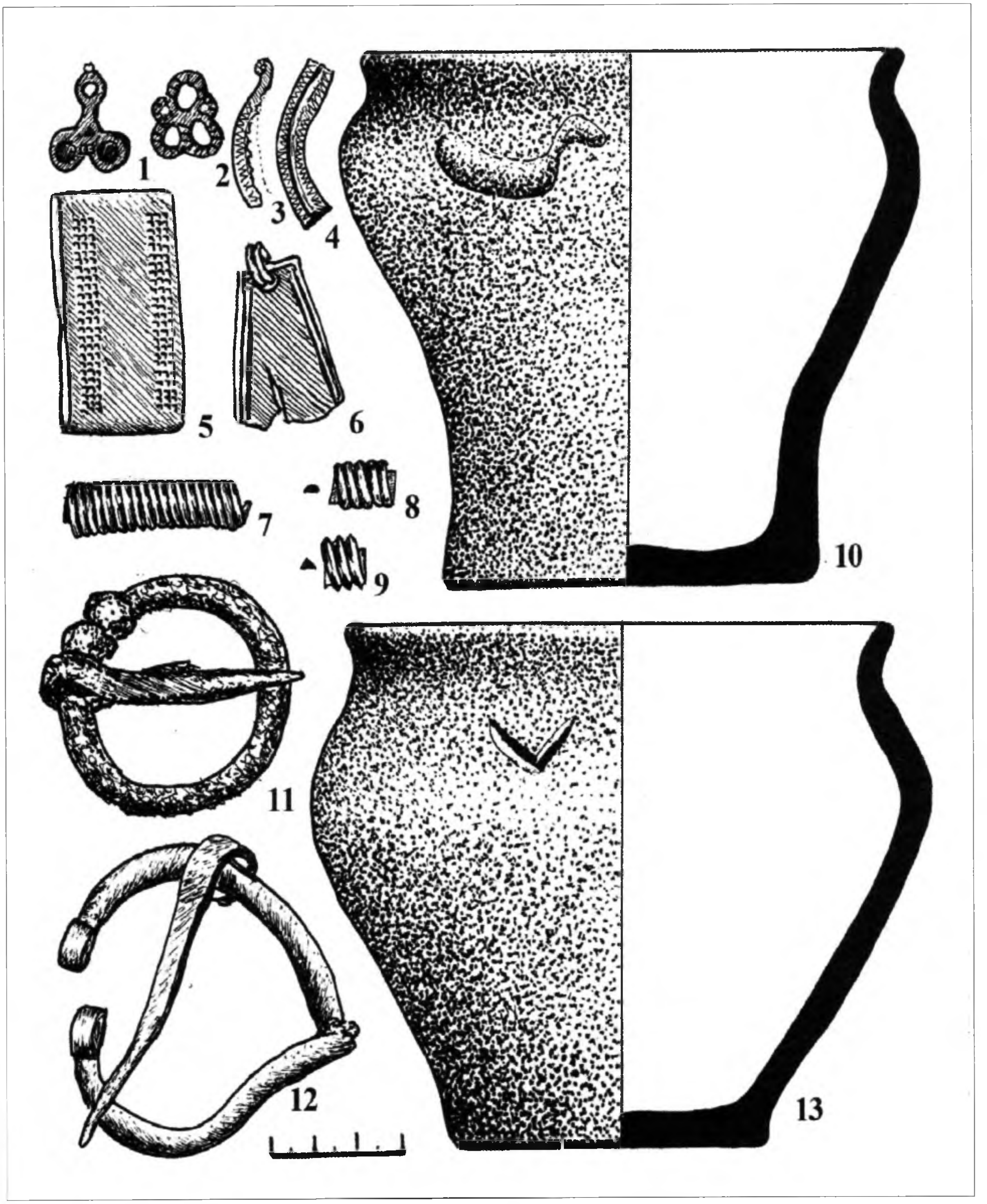

Рис. 15. Вещи из погребений в кургане № 48 у д. Заозерье: 1, 3 – подвески, 3, 4 – обломки височных колец, 5 – пластина-обоймица, 6 – трапециевидная подвеска, 7–9 – спирали, 10, 13 – лепные сосуды-урны, 11, 12 – фибулы. 1–9, 12 – бронза, 11 – железо, 19, 13 – керамика

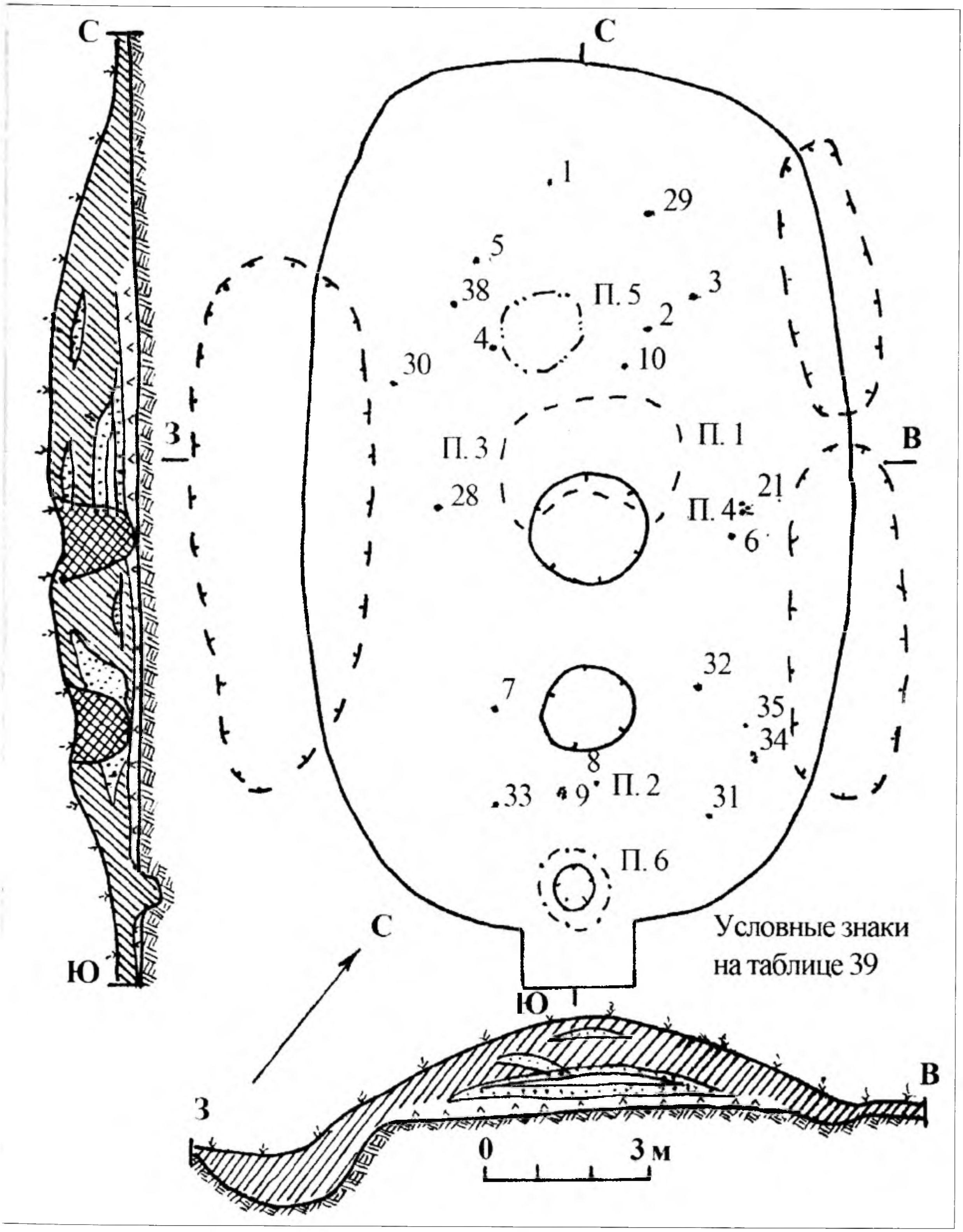

Рис. 16. Курган № 48 у д. Заозерье. План кургана и разрезы курганной насыпи С–Ю и З–В. П. 1, 2, 3, 4, 5, 6 – номера погребений. Размещение находок из насыпи и погребений 2 и 4: 1, 2, 4, 9 – железные ножи, 3, 5 – точильные бруски, 6, 7, 29, 35 – глиняные пряслица, 8 – глиняный сосуд-урна, 10 – бронзовое колечко, 21 – подвеска, 23 – перстень, 30 – бронзовое ушко, 31, 32, 33, 34 – обломки железных ножей. Находки из других погребений этого кургана см. на рис. 17

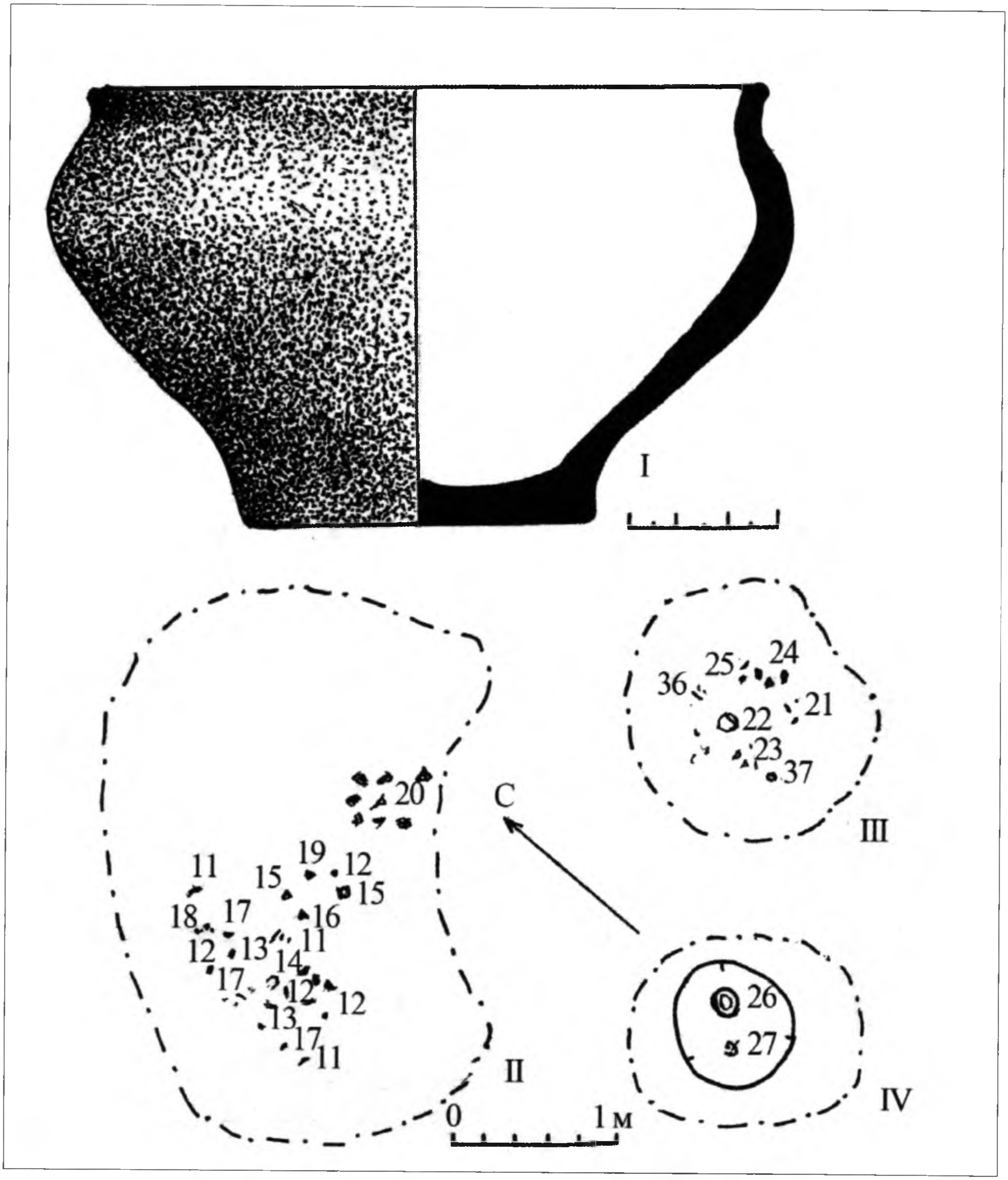

Рис. 17. Курган № 48 у д. Заозерье. I – глиняный лепной сосуд-урна из погребения 6. II – погребение 3. III – погребение 5. IV – погребение 6. Вещи из погребений: 11 – спирали, 12 – пластины-обоймицы, 13 – спирали с подвесками, 14 – височное кольцо, 15 – пряжка, 16 – трапециевидные подвески, 17 – бусы, 18 – обломки бронзовых предметов, 19 – накладка от костяного одностороннего гребня, 20 – глиняный лепной сосуд-урна, 21 – подвески, 22 – глиняный сосуд-урна, 23 – спирали, 24 – фрагменты пластин-обоймиц, 25 – трапециевидная подвеска, 26 – глиняный сосуд-урна, 36 – височное кольцо, 37 – железная пряжка

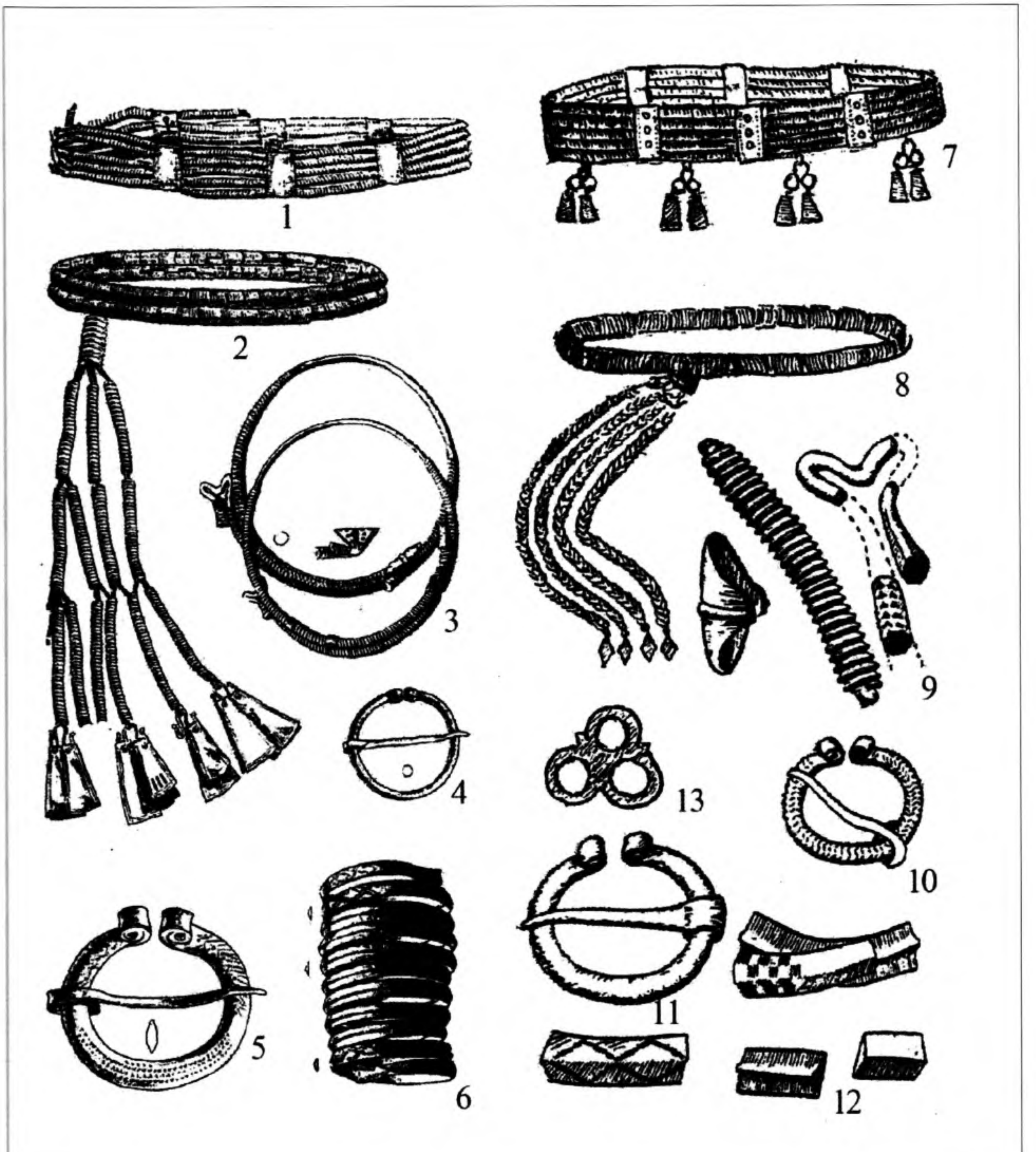

Рис. 18. Комплекты женских украшений из погребений: 1–6 – из могильников латгалов (обряд ингумации), 7–13 – из длинных курганов (обряд кремации, КСПДК)

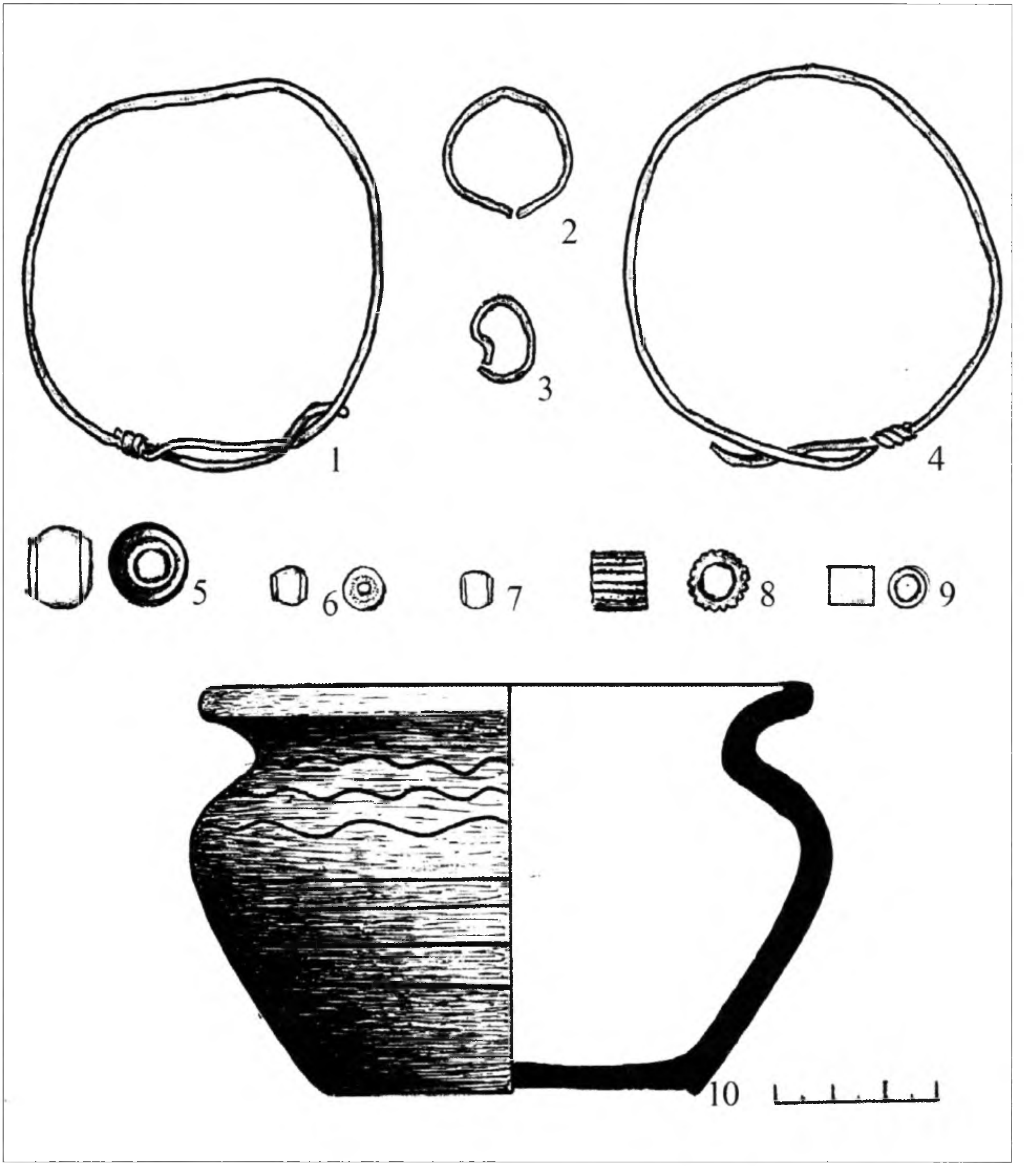

Рис. 19. Комплекс вещей из женского погребения кургана № 29 у д. Заозерье: 1, 4 – браслетообразные полузавязанные височные кольца, 2, 3 – перстнеобразные височные кольца, 5–8 – бусы, 10 – мисковидный сосуд. 1–4 – бронза, 5–9 – стекло, 10 – керамика

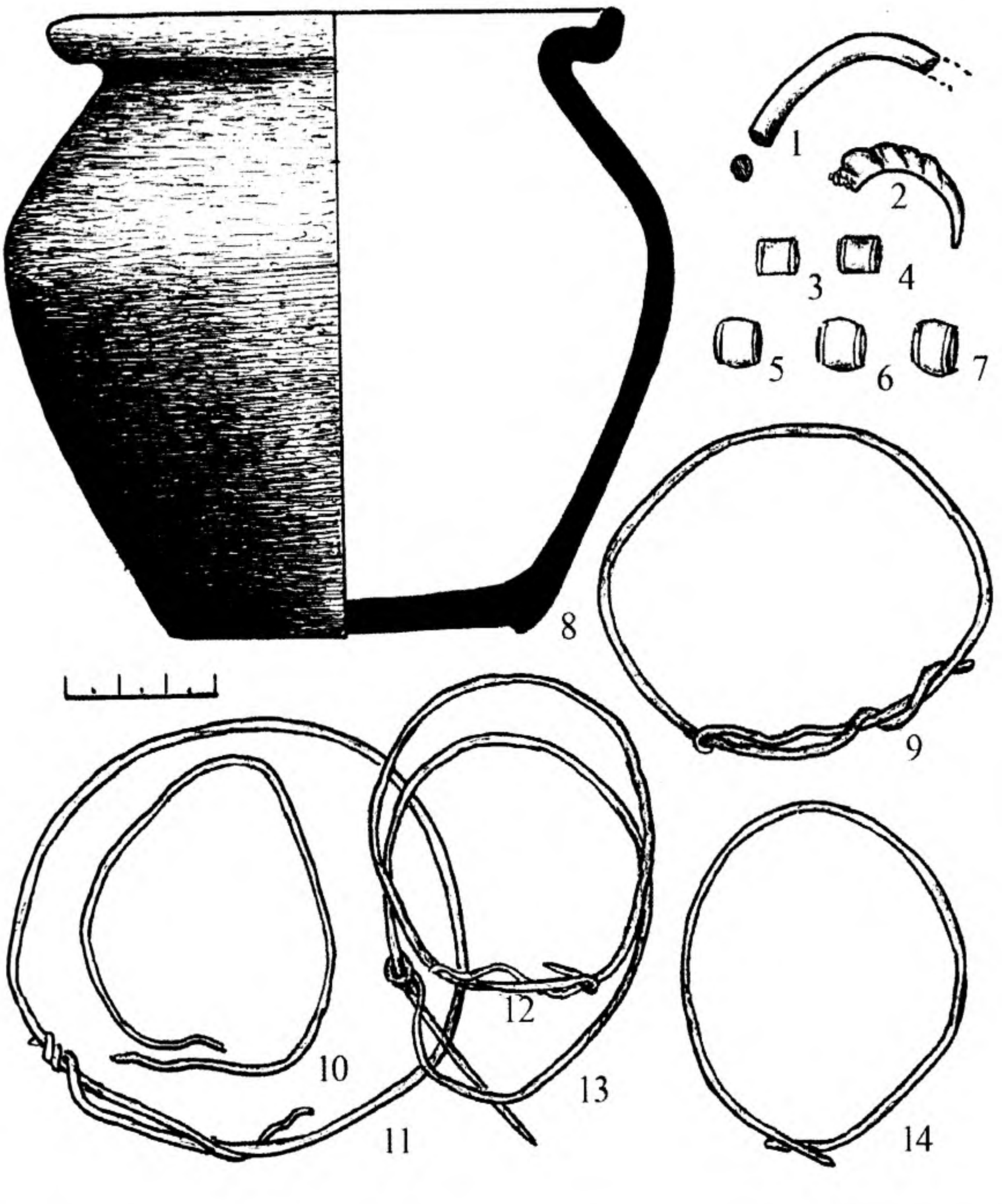

Рис. 20. Комплекс вещей из женского погребения кургана № 23 у д. Заозерье: 1 – фрагмент браслета, 2 – фрагмент перстня, 4–7 – бусы, 8 – гончарный сосуд, 9–14 – браслетообразные полузавязанные височные кольца. 1, 3, 9–14 – бронза, 3–7 – стекло, 6 – керамика

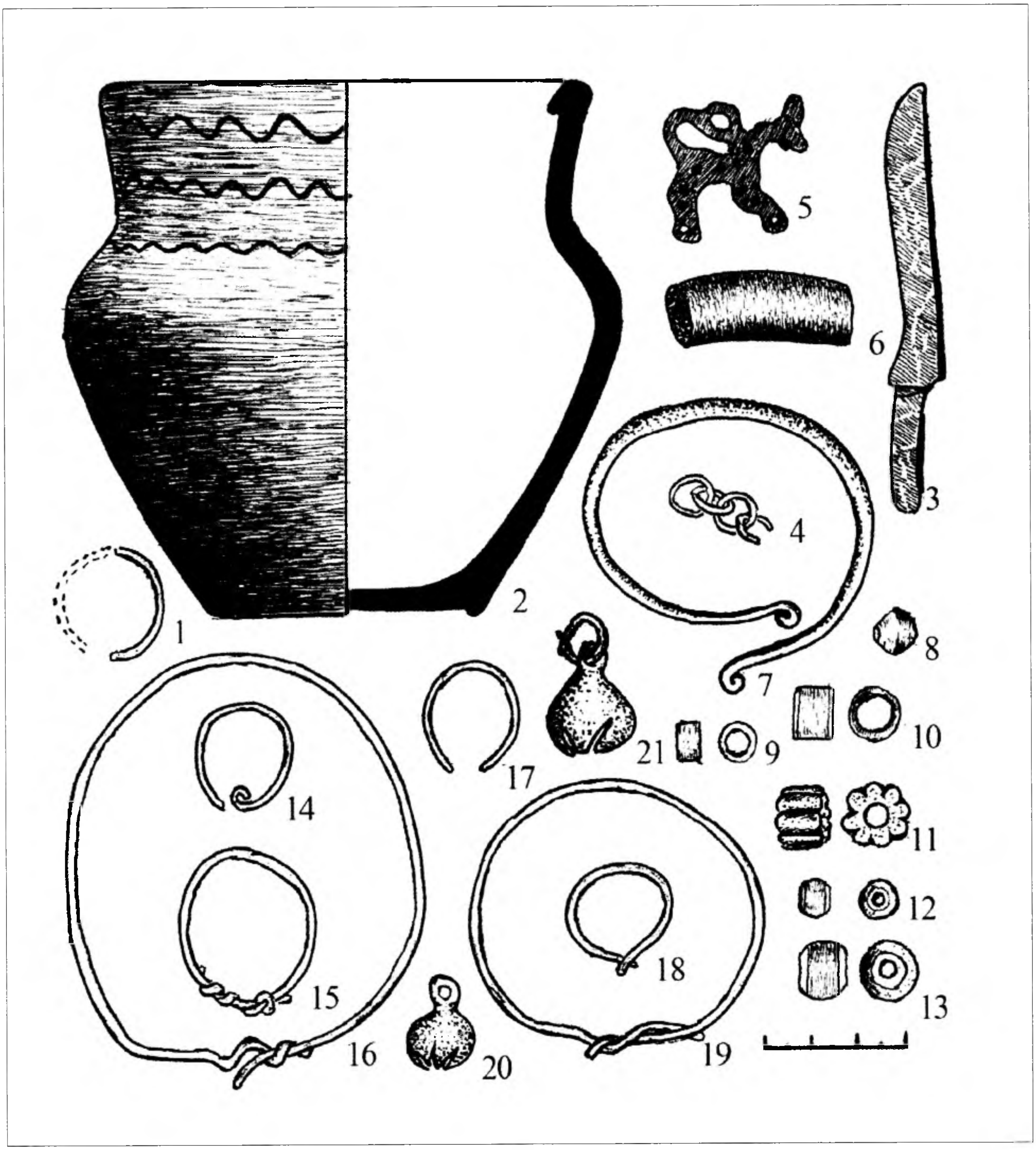

Рис. 21. Комплекс вещей из женского погребения кургана № 6 у д. Заозерье: 1 – фрагмент перстня, 2 – гончарный сосуд, 3 – нож, 4 – фрагмент цепочки, 5 – подвеска-конек, 6 – фрагмент гривны, 7 – браслет, 8–13 – бусы, 14, 15, 17, 18 – перстнеобразные височные кольца, 16, 19 – браслетообразные сомкнутые височные кольца, 20, 21 – бубенчики. 1, 5, 14–21 – бронза, 2 – керамика, 3, 4, 7 – железо, 6 – зернистая масса в металлической фольге

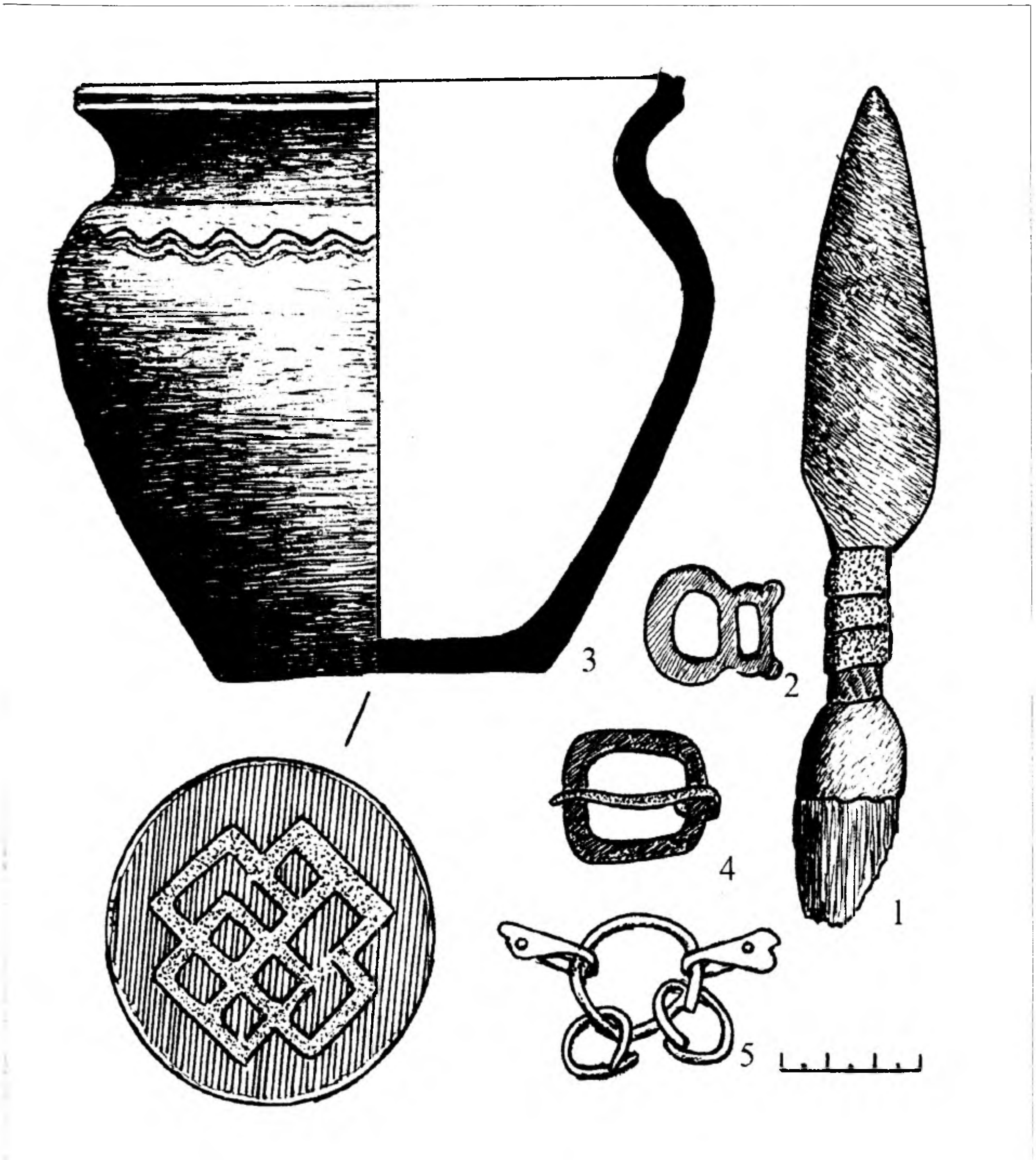

Рис. 22. Комплекс вещей из мужского захоронения в кургане № 6 у д. Заозерье: 1 – наконечник копья, 2, 4 – пряжки, 3 – гончарный сосуд, 5 – поясное кольцо с привесками из грунта насыпи. 1, 6 – железо, 2, 5, – бронза, 3 – керамика

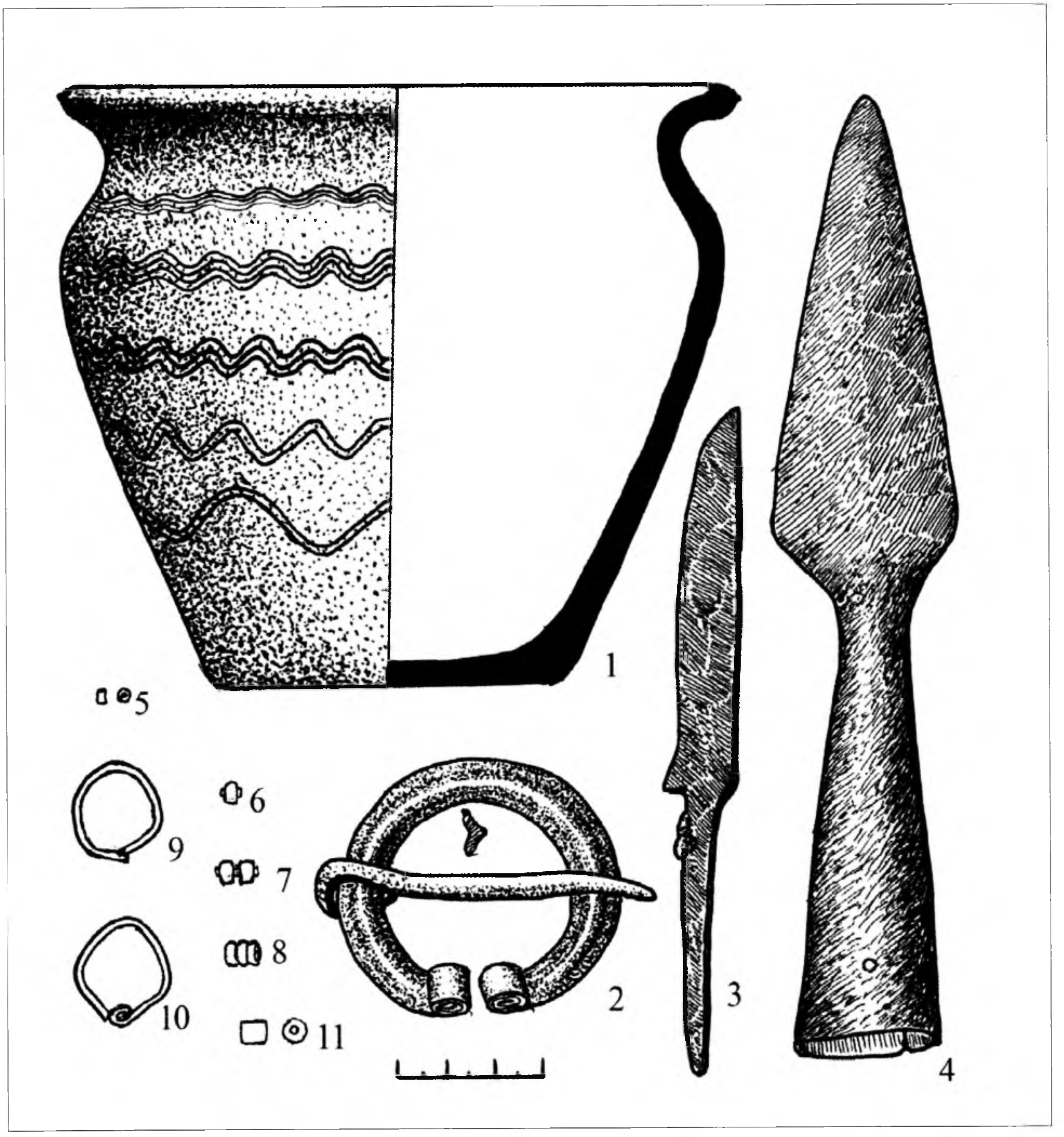

Рис. 23. Комплексы вещей из погребений в кургане № 7 у д. Заозерье. Погребение 1: 1 – гончарный сосуд, 2 – подковообразная фибула, 3 – нож, 4 – наконечник копья. Погребение 4: 5–8, 11 – бусы, 9, 10 – перстнеобразные височные кольца. 1 – керамика, 2, 9, 10 – бронза, 3, 8, 11 – стекло

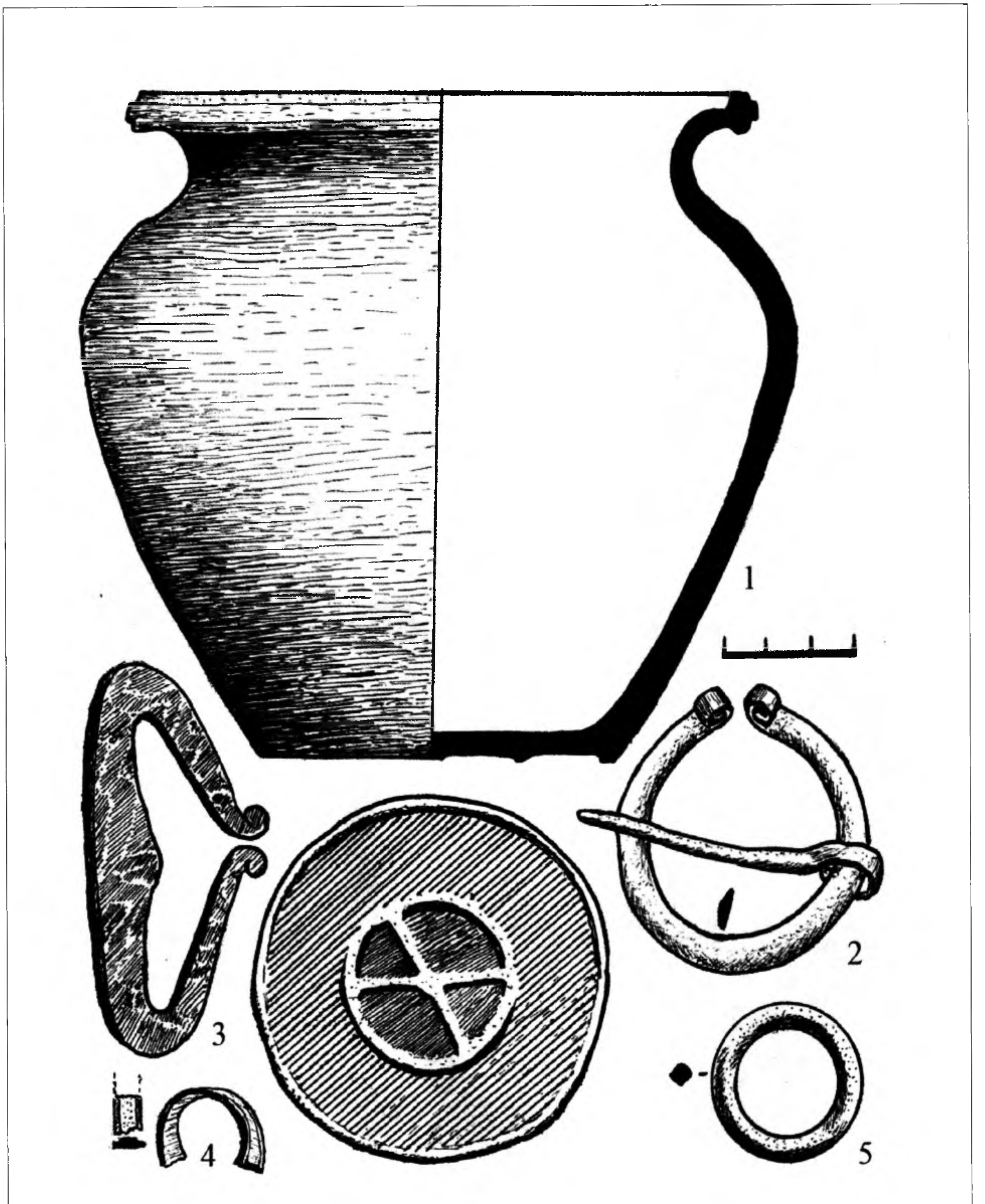

Рис. 24. Вещи из мужского погребения в кургане № 15 у д. Заозерье: 1 – гончарный сосуд, 2 – подковообразная фибула, 3 – калачевидное кресало, 4 – обломок перстня, 5 – поясное кольцо. 1 – керамика, 2, 4, 5 – бронза, 3 – железо

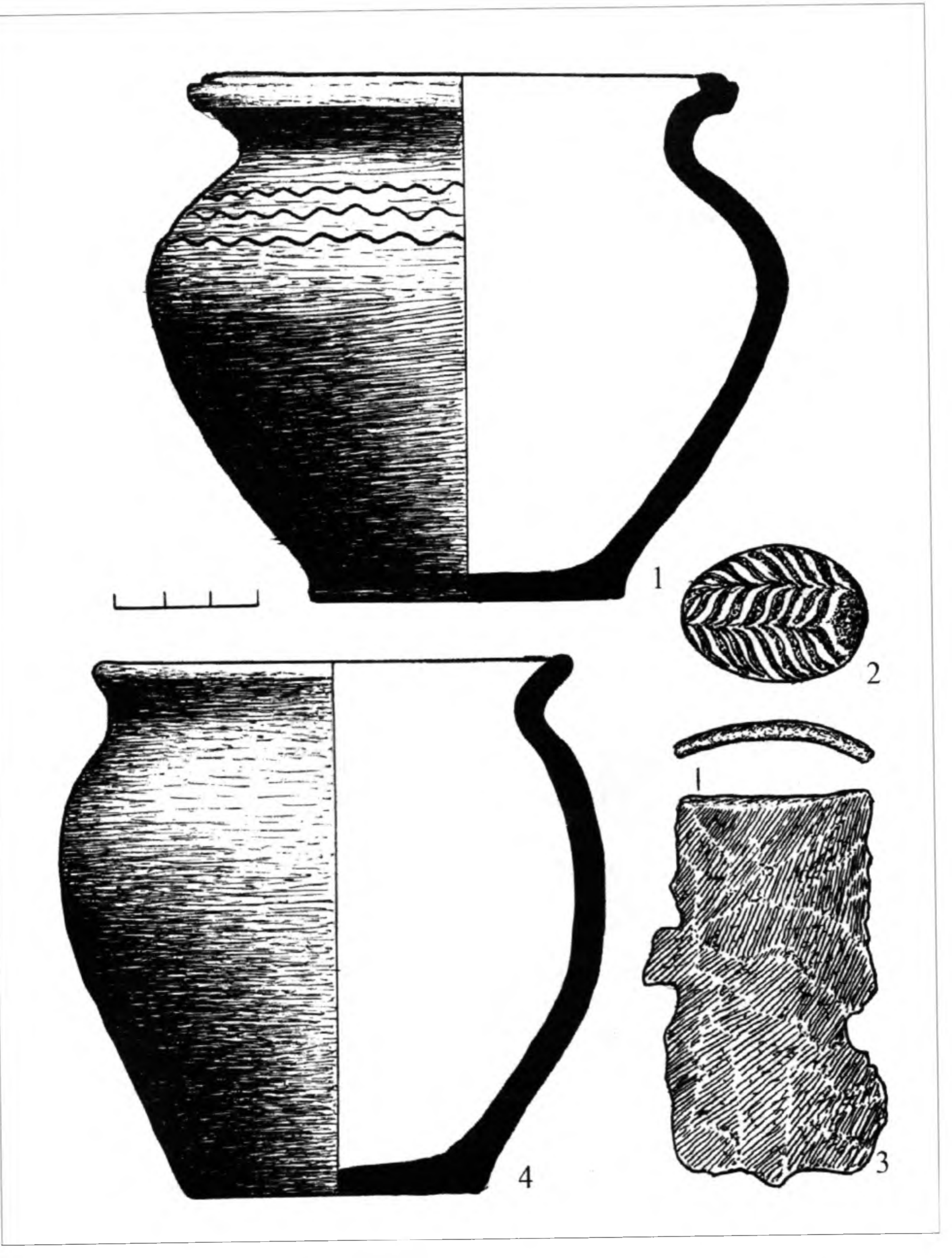

Рис. 25. Вещи из погребений в кургане № 29 у д. Заозерье. Погребение 2: 1 – глиняный гончарный сосуд. Погребение 3: 2 – глиняная погремушка-писанка, 3 – железный предмет, 4 – глиняный гончарный сосуд

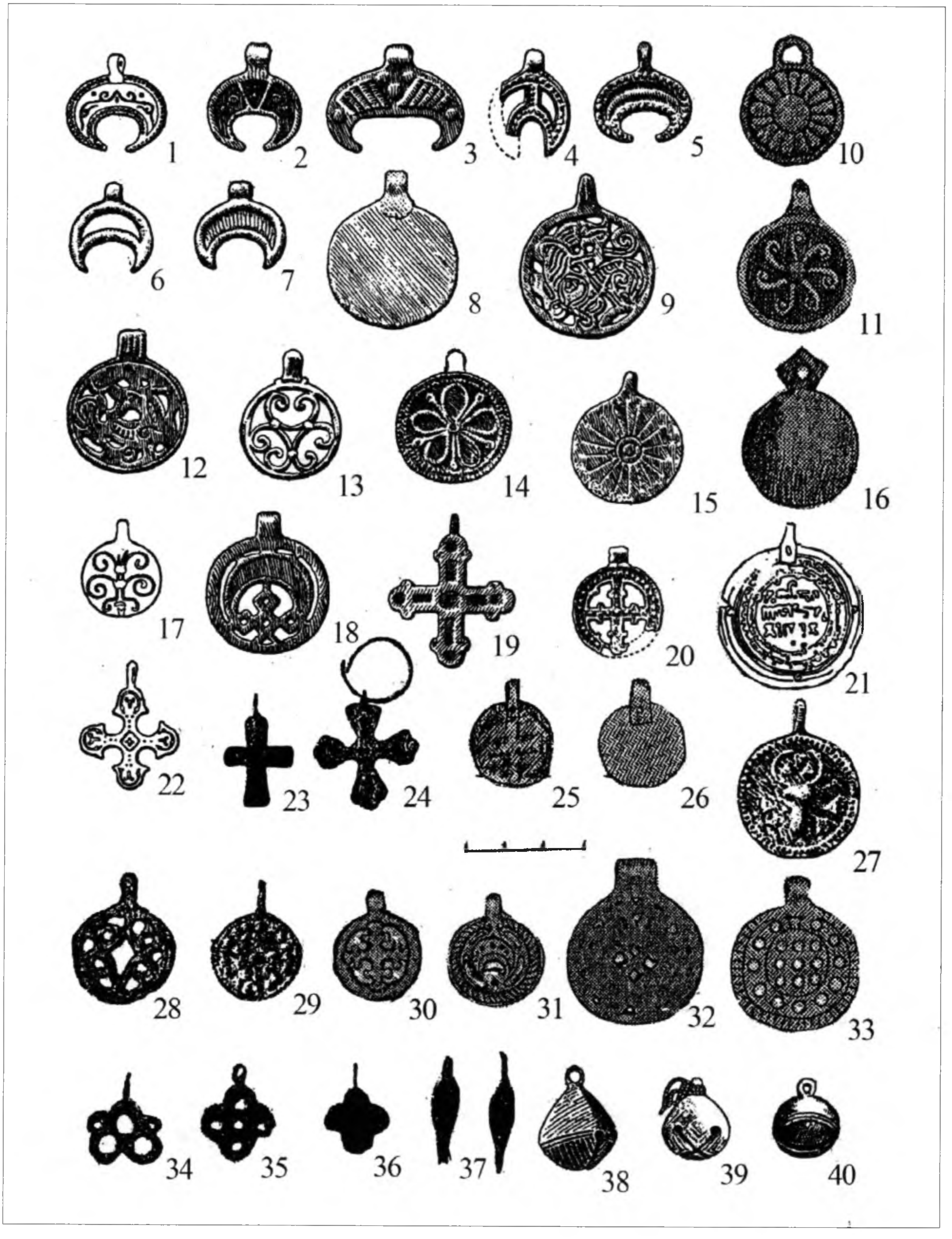

Рис. 26. Подвески-обереги из курганных могильников кривичей XI–XII вв.: 1–3, 8–11, 15, 16, 18, 19, 25, 26, 30–33, 38–40 – Харлапово, 4, 20 – Павлово, 5, 7, 12–14, 17 – Мутышино, 21 – Митино, 22 – Милеево, 23, 24 – Крестовая, 27 – Новоселки, 38, 29, 37 – Сукромля, 34–36 – Колпеница

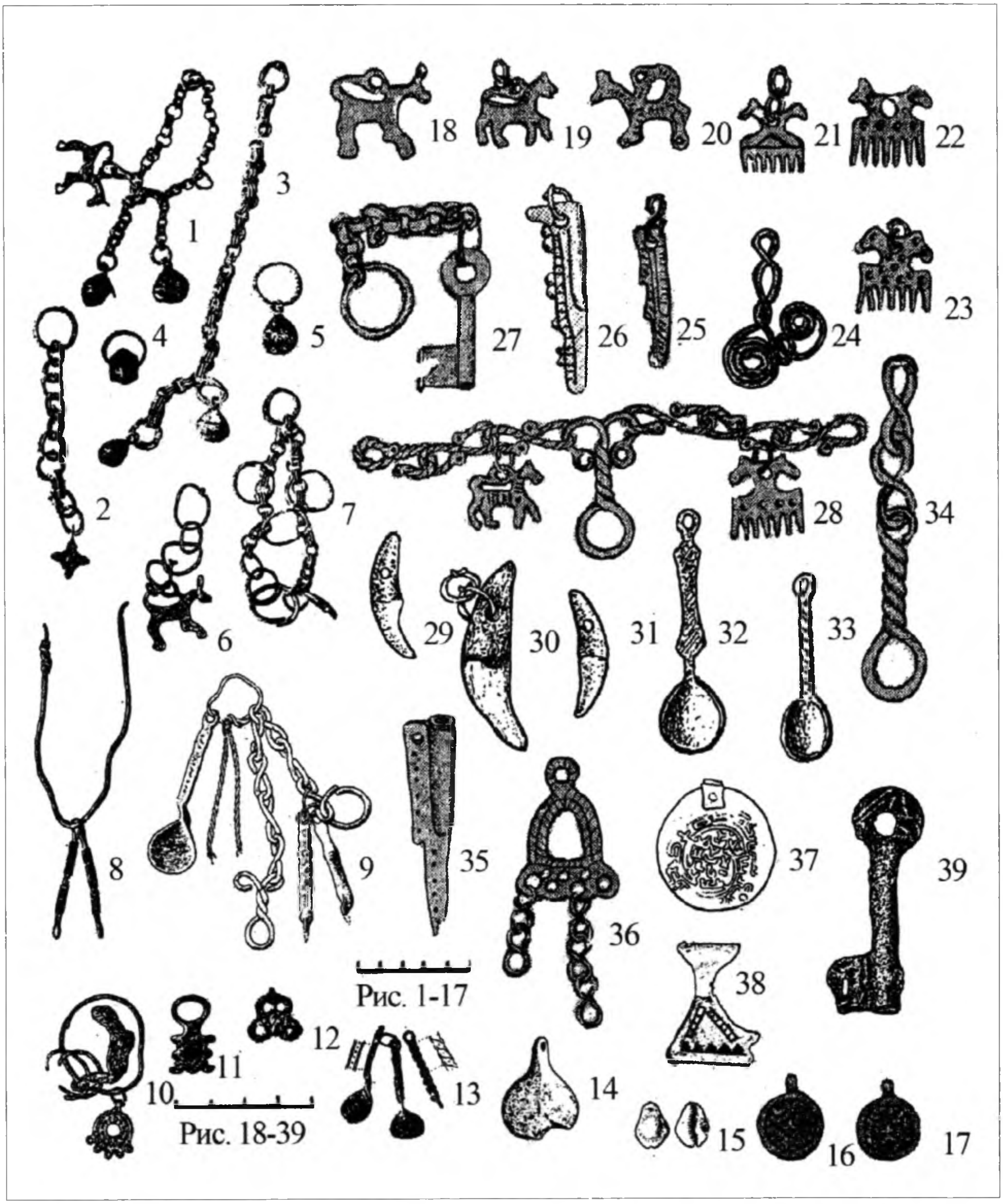
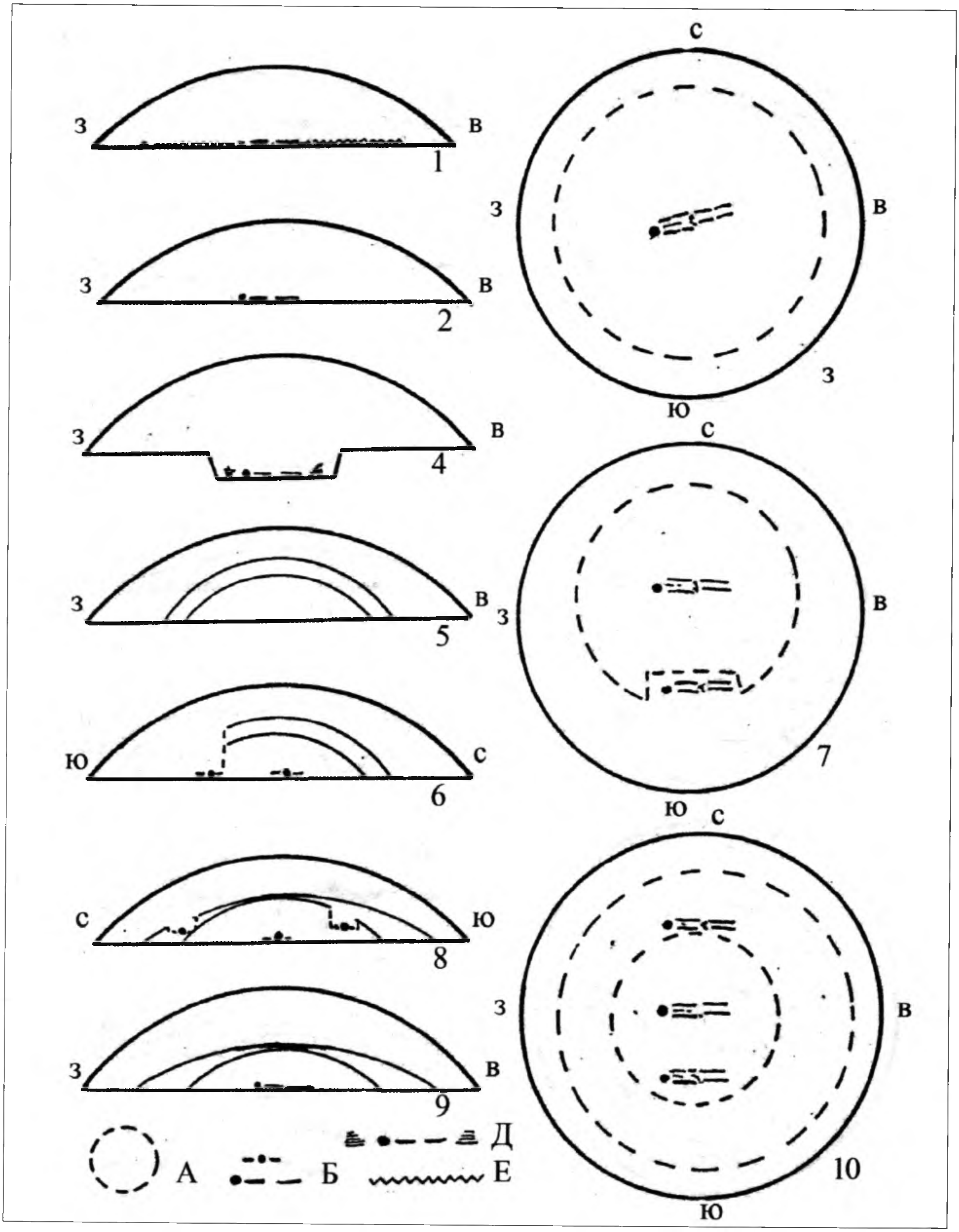
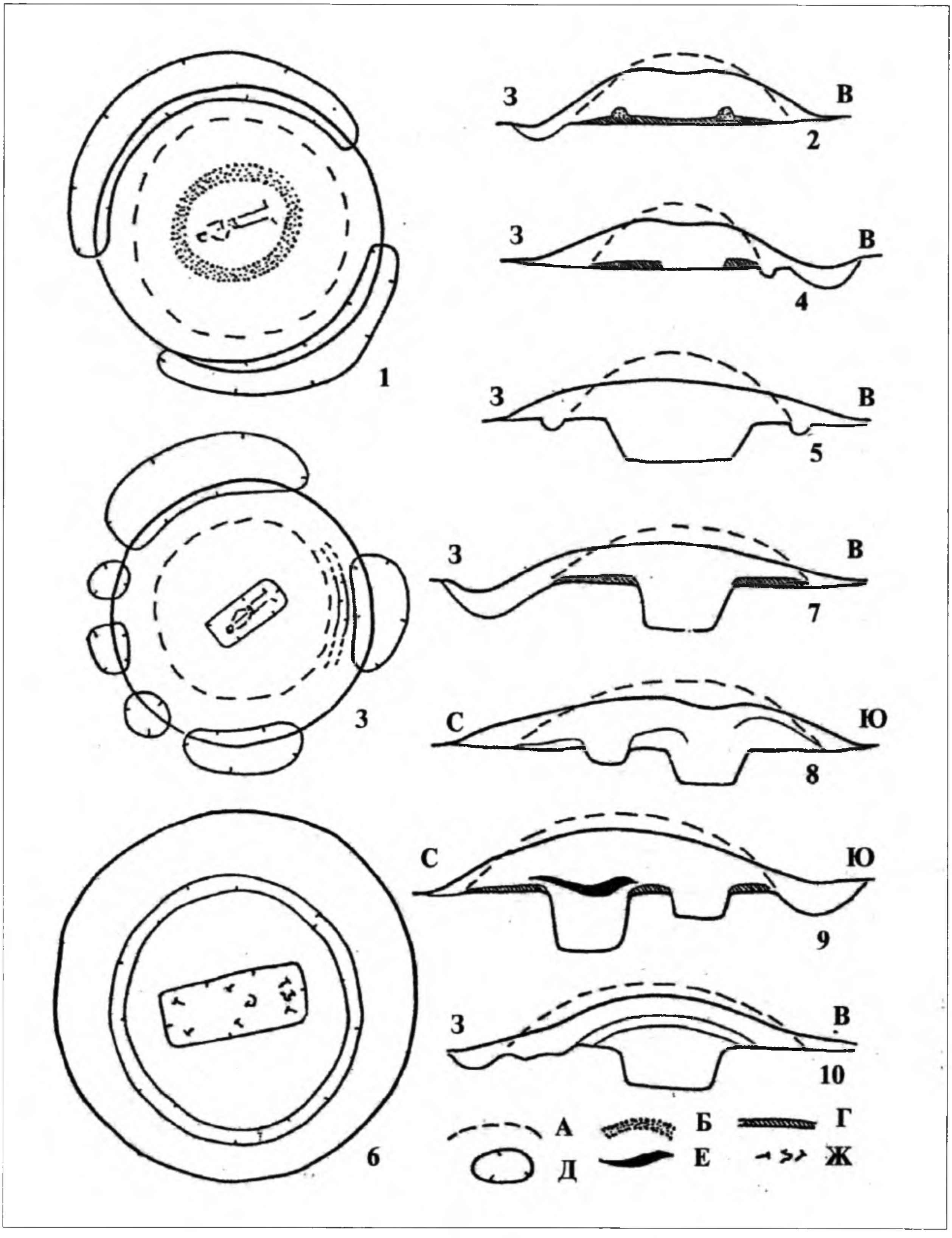

Рис. 27. Подвески-обереги из курганных могильников кривичей XI–XII вв.: 1, 3–5, 7, 12, 13 – Сукромля, 2 – Пильна, 6 – Слобода, 8 – Дубровка, 9 – Мизиново, 10, 11 – Мутище, 14 – Хотнежцы, 15 – Павлово, 18, 23, 25–28, 30, 24–26 – Харлапово, 24, 29, 31, 38, 39 – Заозерье, 33 – Акулин Бор, 37 – Митино

А – первоначальные размеры кургана; Б – погребение; Д – погребение в колоде;
Е – выжженный материк

Рис. 28. Структура курганных насыпей и расположение погребений XI–XIII вв. в курганном могильнике у д. Харлапово

А – первоначальные размеры кургана; Б – насыпной валик;
Г – дерн; Д – ямы в материке; Е – глинисто-глеевая прослойка; Ж – гвозди

Рис. 29. Конструкции курганов конца XI–XII вв. в курганном могильнике у д. Туринщина

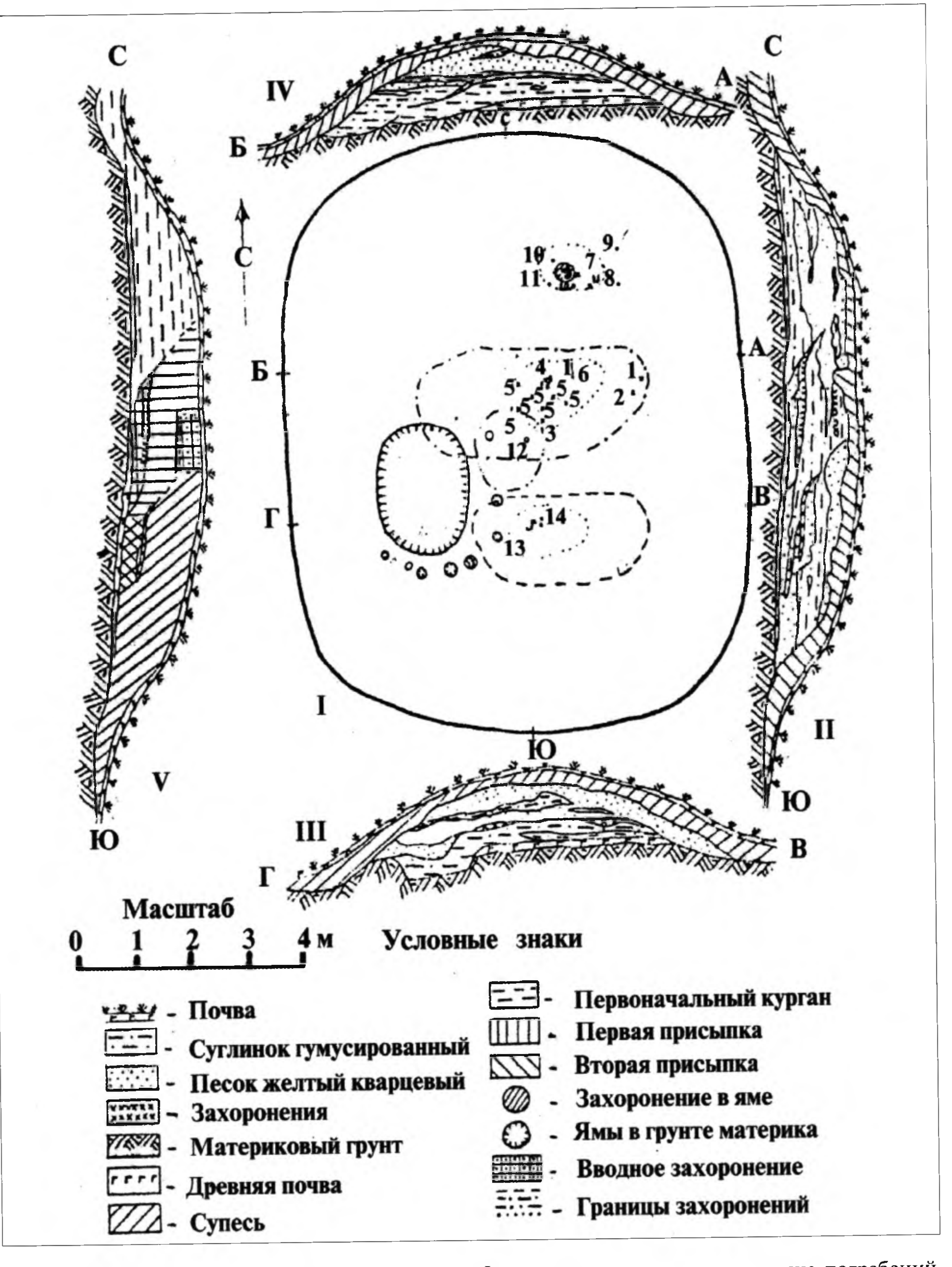

Рис. 30. Курган № 65 КСПДК у д. Заозерье. I – план кургана и расположение погребений. II – профиль С–Ю. III – профиль Г–В. IV – профиль Б–А. V – последовательность сооружения кургана, зафиксированная на профиле. Вещи из погребений: 1, 2 – височные кольца, 3 – спираль, 4 – глиняный сосуд-урна, 5 – фрагменты бронзовых украшений, 6 – бусы, 7 – пряжка, 8 – подвеска, 9 – ременная накладка, 10 – трапециевидная подвеска, 11 – подвеска, 12 – глиняный сосуд-урна, 13, 14 – фрагменты керамики

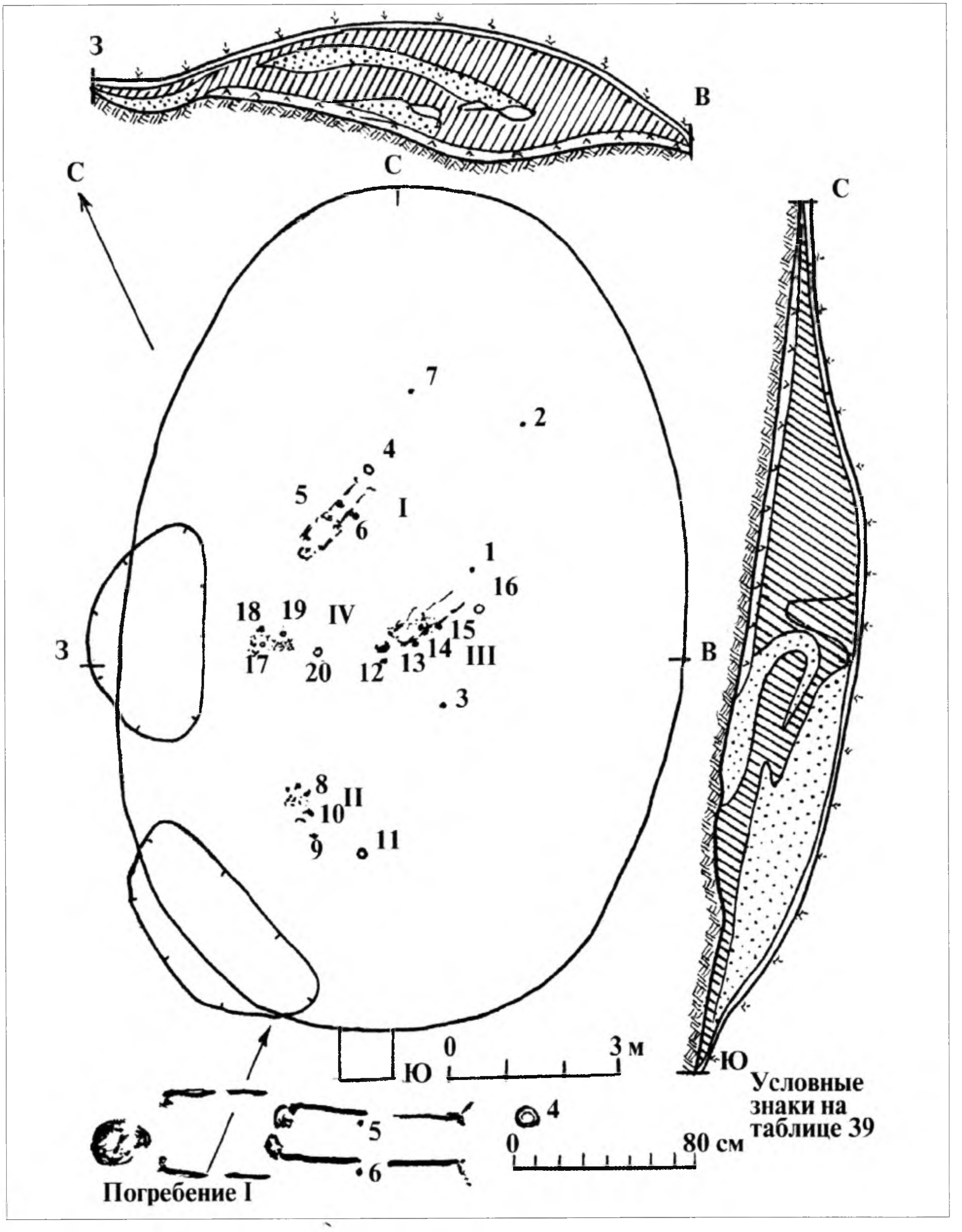

Рис. 31. Курган № 15 культуры кривичей XI–XII вв. у д. Заозерье. План кургана и профили – С–Ю и З–В. I, II, III, IV – №№ погребений. Артефакты: 1 – глиняное грузило, 2 – глиняное пряслице, 3 – железный нож, 4 – гончарный сосуд, 5 – бусина, 6 – язычок от пряжки, 7 – железная фибула, 8 – стеклянные бусы, 9 – перстень, 10 – ключ, 11 – гончарный сосуд, 12 – железное кресало, 13 – бронзовая фибула, 14 – поясное кольцо, 15 – перстень, 16 – гончарный сосуд, 17 – бусы, 18 – височные кольца, 19 – бубенчик, 20 – сосуд

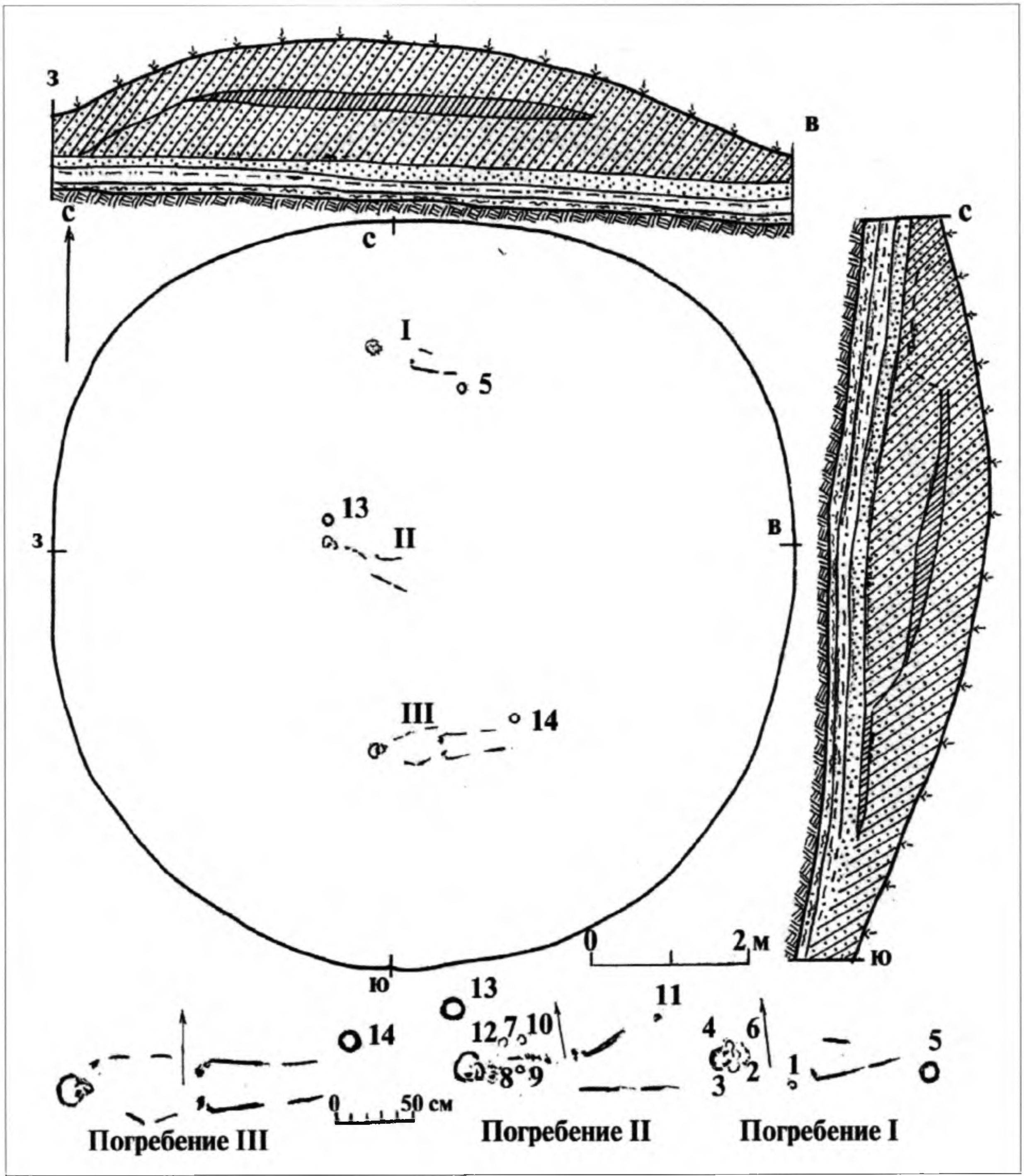

Рис. 32. Курган № 23 культуры кривичей XI–XII вв. у д. Заозерье. План кургана и профили – С–Ю и З–В. I, II, III – №№ погребений. Находки: 1 – фрагмент бронзового браслета, 2 – бронзовый перстень, 3, 4 – височные кольца, 5 – гончарный сосуд, 6 – бусы, 7 – височные кольца, 8 – бусы, 9 – бронзовая подвеска, 10 – височное кольцо, 11 – перстень, 12 – бронзовые бубенчики, 13, 14 – гончарные сосуды

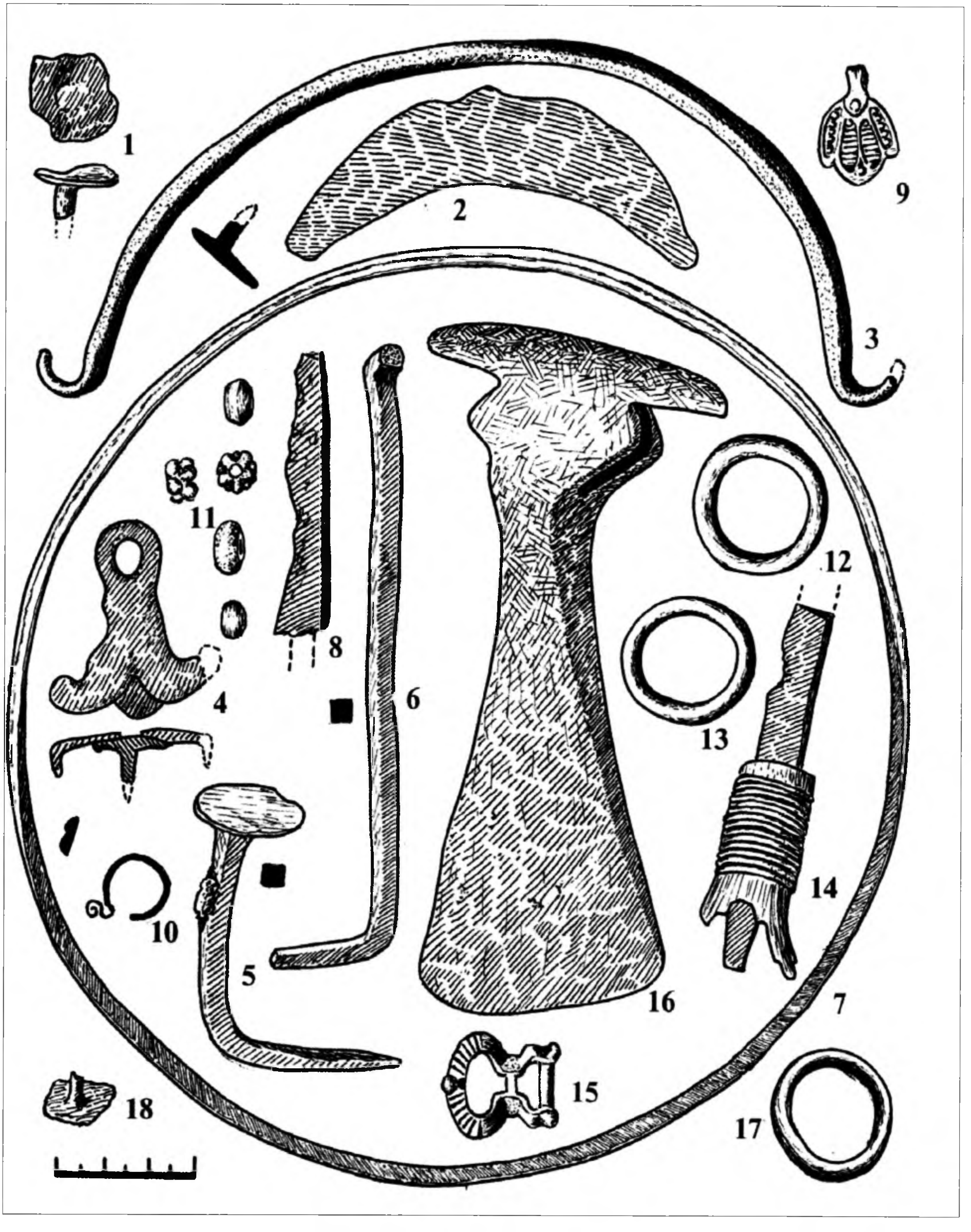

Рис. 33. Курганы кривичей XI–XII вв. у д. Туринщина. Комплексы вещей: 1–11, 18 – курган № 10; 12–16 – курган № 11; 17 – курган № 10. 1–8, 14, 16, 18 – железо, 9 – серебро, 10, 12, 13, 15, 17 – бронза, 11 – стекло

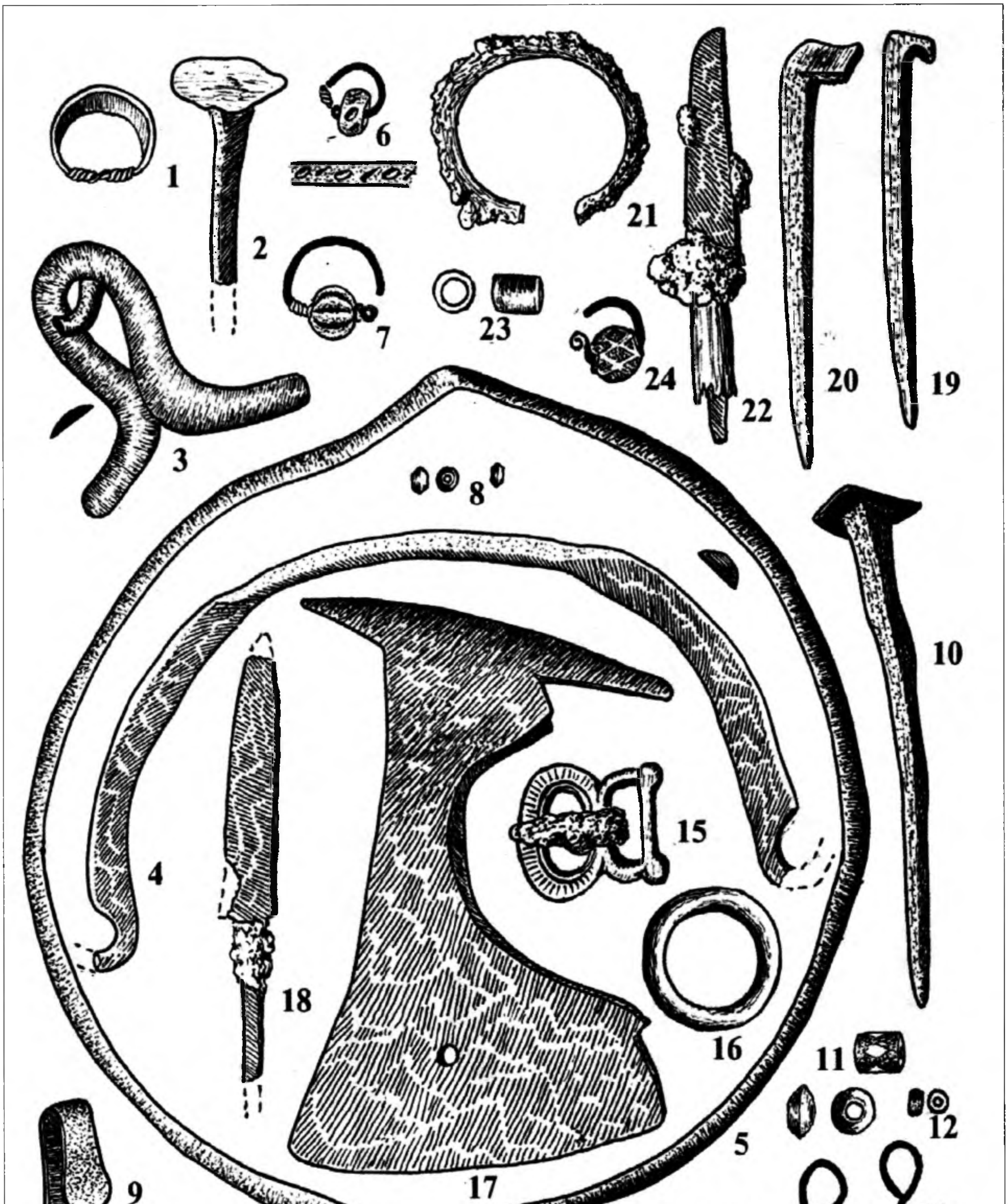

Рис. 34. Курганы кривичей XI–XII вв. у д. Туринщина. 1–8 – курган № 17; 9–14 – курган № 21; 15–20 – курган № 24; 21–24 – курган № 30. 1, 13–16 – бронза, 2–5, 9, 10, 17–22 – железо, 8, 12, 23 – серебро и стекло, 7, 24 – серебро, 11, 12, 23 – стекло

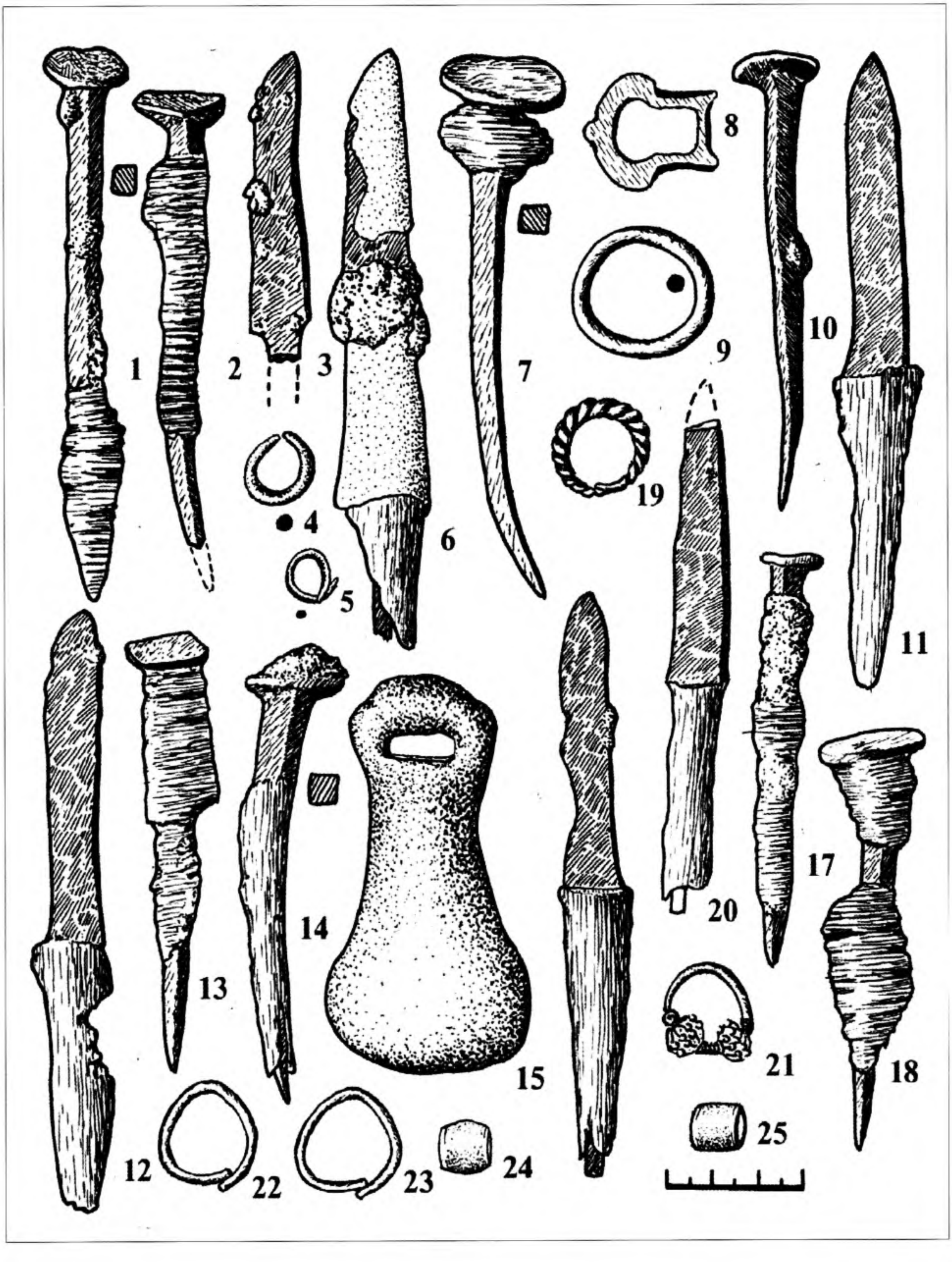

Рис. 35. Курганы кривичей XI–XII вв. у д. Туринщина. 1, 2 – курган № 1; 3, 4 – курган № 2; 5, 6 – курган № 3;, 7–9 – курган № 4; 10, 11 – курган № 5; 12, 13 – курган № 6; 14–18 – курган № 8; 19–21 – курган № 9; 22–25 – курган № 23. 1–3, 6, 7, 10–18, 20 – железо, 4, 8, 9, 22, 23 – бронза, 5 – золото, 19, 21 – серебро

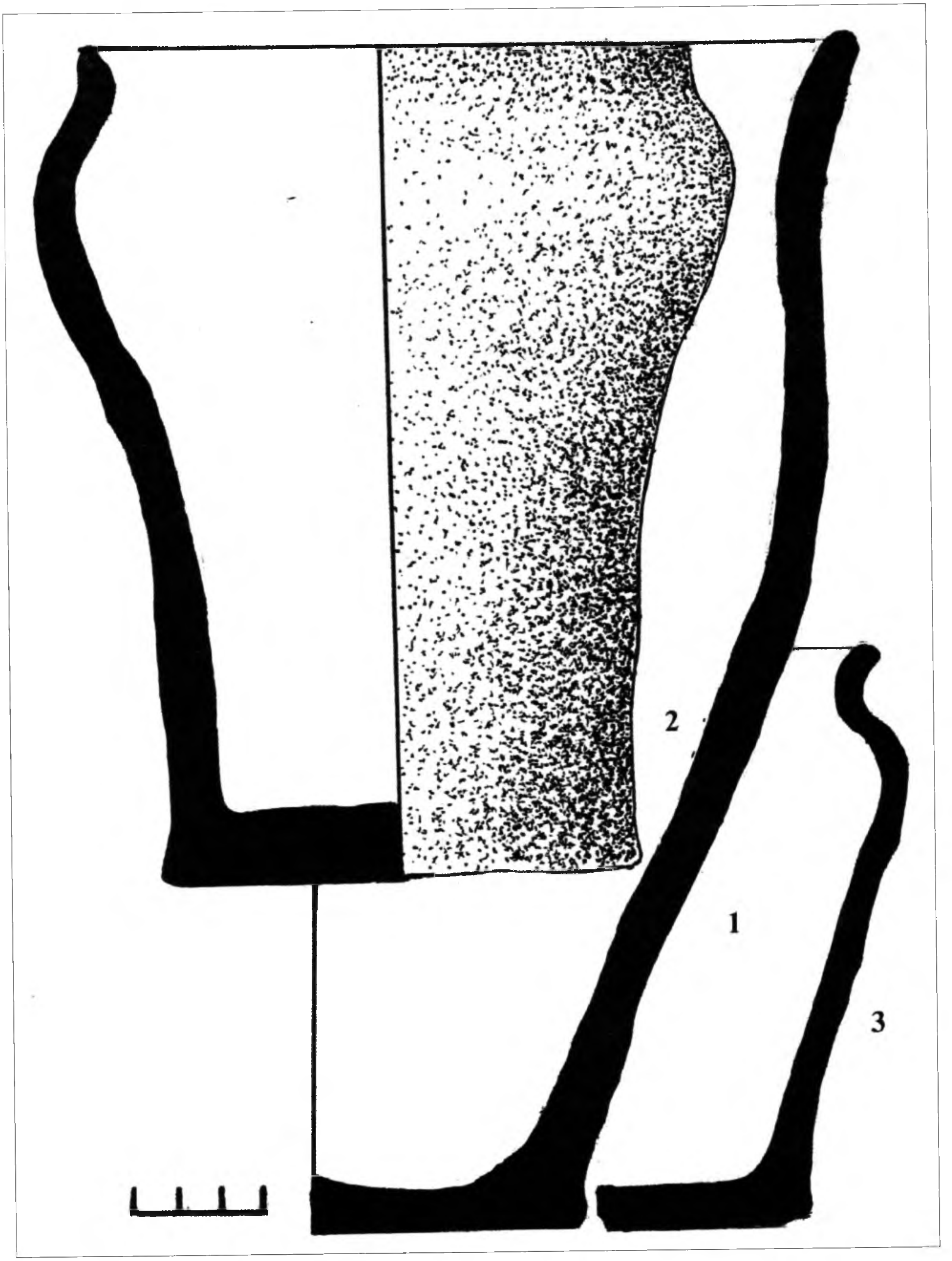

Рис. 36. Археологический комплекс у д. Шугайлово. 1 – глиняный сосуд ТК VI–VII вв., 2, 3 – глиняные сосуды КСПДК VIII–IX вв.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Глава I. Культура длинных курганов 8
История археологического изучения КСПДК 9
Древности КСПДК VIII–X вв. 27
Погребальный обряд населения КСПДК VIII–X вв. 29
Вещевой комплекс КСПДК VIII–X вв. 35
Комплекс вещей из женских погребений 41
Головной убор и система женских украшений КСПДК 41
Вещевой комплекс мужских погребений КСПДК 55
К вопросу хронологии и этнической принадлежности КСПДК 60
Глава II. Древности культуры круглых курганов второй половины IX–X вв. 63
Вещевой комплекс круглых курганов второй половины IX–X вв. 71
Глава III. Древности кривичей XI–XIII вв. 81
Погребальный обряд кривичей XI–XIII вв. 82
Вещевой комплекс погребений XI–XIII вв. 90
Инвентарь женских погребений 90
Инвентарь мужских захоронений 101
Кривичи XI–XIII вв. по археологическим данным 109
Глава IV. Письменные и другие источники о кривичах 114
Летопись о кривичах и Смоленске 114
Данные языкознания о кривичах 117
Заключение 119
Литература 123
Архивные данные 176
Принятые сокращения 177
Приложение 132

Научное издание

Е. А. ШМИДТ

КРИВИЧИ
Смоленского Поднепровья и Подвинья
(в свете археологических данных)

Выпускающий редактор: И. Флиманкова
Дизайн обложки: А. Сикорский
Технический редактор: М. Алейник
Корректор: Т. Дурново

ИП И.А. Флиманкова. Лицензия ЛР № 6193 от 01.11.2001
Комитет по печати Российской Федерации
214025, Смоленск, ул. Нормандия-Неман, 31–216. Тел.: 8-910-787-82-59

Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «NewtonC». Печ. л. 21. Тираж 1000 экз. Заказ N 5936.

Издание отпечатано в ОАО ордена “Знак Почета”
«Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова»
214000, Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2

